

Деятнадцатые чтения
памяти Вениамина Иофе

Право на имя

Биографика 20 века

20–22 апреля
2021

Санкт-Петербург
2022

**Чтения проведены при поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Польского института в Санкт-Петербурге**

Instytut Polski w Sankt Petersburgu

ISBN ISBN 978-5-87857-309-2

Тереза Бендер-Зебелькампф

Остарбайтеры и остарбайтерки с Украины в Форарльберге: между человеком и инструментом

**Тереза
БЕНДЕР-ЗЕБЕЛЬКАМПФ**

*независимая
исследовательница,
г. Вена, Австрия*

Во время моей правозащитной работы я пришла к выводу, что защита человека должна восприниматься нами как жизнеутверждающая деятельность – это дает силы посвящать себя ей. Поэтому в своем докладе я бы хотела сосредоточиться на межчеловеческих отношениях между украинским остарбайтерами в Форарльберге и местным населением и уделить особое внимание как ценным и гуманным, так и сложным аспектам этих отношений. Я обратилась к этой теме, потому что давно уже интересуюсь Украиной и изучаю украинский язык. Критическое изучение данной главы австрийско-украинской истории образует важный элемент моей личной связи с Украиной и включает осмысление темных страниц прошлого моей родины.

Где берут начало межчеловеческие отношения? Разумеется, там, где встречаются разные люди, и в этих встречах обнаруживается, как одни люди обходятся с другими. Но в чем для нас заключается смысл изучения рассказов участников и участниц тех событий? Тому есть много

4 Тереза Бендер-Зебелькампф

оснований. Многие остарбайтеры все еще живы, ведь они были очень молоды, когда их депортировали в Германский рейх. Сопереживать их истории означает не только дать им признание, ведь изменить их судьбу мы уже не в силах. Но сопереживание еще и помогает определить виновных, что чрезвычайно болезненно, но одновременно может оказывать благотворное и важное воздействие на этих людей в признании их как жертв. Это была непростая задача – выбрать цитаты, ведь пережитые страдания не всегда возможно измерить. Было бы невозможно включить в мой сегодняшний доклад все цитаты и голоса тех людей, но выбранные фрагменты в какой-то мере говорят за всех, лишенных голоса, и за всех тех, у кого украли молодость. В работе над статьей мне открылось, что не существует одной точки зрения, но что у всех пострадавших свой разный опыт, так как все люди реагируют по-разному в силу различных индивидуальных особенностей. Лишение молодости и опыт дискриминации во время принудительных работ и после войны – все это печальные факты. Некоторые из людей, живших в то время, были способны на сочувствие. Другие охотно использовали свою власть. И все же я намерена удерживать внимание на проявлениях как человечности, так и бесчеловечности. Давайте вместе пройдем этот путь, отправимся в одиссею из Украины в Форарльберг, от депортации к возвращению на родину или решению остаться в Форарльберге, что порождало новые сложности.

Мой доклад основан на двух работах историка из Форарльберга Маргарете Руф¹, которая брала интервью у бывших остарбайтеров в разных городах Украины и в Форарльберге, а также у местных жителей и бывших работодателей². Для нее осмысление той истории, ее темных страниц, стало делом жизни в особом смысле, и около 30 лет назад она привнесла эту тему и во внутреннюю политику земли Форарльберг. Недавно я созванивалась с ней и расспрашивала о ее исследовании. Маргарете Руф описала трудности тогдашней работы над темой: не было ни стипендий, ни поддержки от фондов, все держалось на ее собственной инициативе. Ей очень не хватало знаний русского или украинского языка, и работать приходилось через переводчицу. Однако интересовавшие ее люди, у которых был тесный контакт с нанимателями – особенно в сельском или домашнем хозяйстве, сами вполне неплохо могли изъясняться по-немецки.

---

¹ Ruff M. «Um ihre Jugend betrogen»: Ukrainische Zwangsarbeiter innen in Vorarlberg 1942–1945 / M. Ruff. – Bregenz: Vorarlberger Autoren Gesellschaft, 1996. [Руф. М. Обманутая молодежь. Украинские подневольные рабочие в Форарльберге 1941–1945 гг. – Брегенц: Ассоциация авторов Форарльберга, 1996]; Ruff M., Bundschuh W. Minderjährige Gefangene des Faschismus: Lebensgeschichten polnischer und ukrainischer Zwangsarbeiterinnen und Zwangsarbeiter in Vorarlberg / M. Ruff, W. Bundschuh. – Wien: StudienVerlag, 2014. [Руф М., Бундшу В. Малолетние узники фашизма. Истории из жизни польских и украинских подневольных рабочих в Форарльберге. – Вена: StudienVerlag, 2014].

² Данные интервью легли в основу магистерской работы М. Руф, которую она защитила в 1996.

Начнем с цифр, которые хотя и дают представление о числе остарбайтеров, привлекавшихся к принудительному труду, но не об их судьбах и перенесенных страданиях. В период существования Германского рейха на территории Форарльберга, самой западной австрийской федеральной земли, принудительно трудилось примерно 11–12 тыс. гражданских лиц и военнопленных, большую часть которых составляли остарбайтеры. В имперском округе (Рейхсгау) Форарльберг/Тироль в июле 1943 их насчитывалось 8 тыс., по большей части – выходцев с Украины. К этой цифре прибавляется еще тысяча остарбайтеров из Центральной Украины. Их вынуждали работать зачастую в нечеловеческих условиях. Гитлеровский режим и гестапо видели в них «недолюдей» и обращались с ними соответствующим образом.

При этом было бы почти цинизмом говорить о «предоставлении работы» остарбайтерам, ведь их депортация после короткой добровольной фазы переходила в принудительное пребывание на чужбине. И если начиналось все с пропагандистских фильмов на украинском языке под названием «Мы отправляемся в Германский рейх» и мнимой добровольности, то уже вскоре становилось ясно, что действительность была совершенно другой. Согласно тогдашним постановлениям, поезда следовало наполнять людьми в количестве от семисот до тысячи. В неделю должны были быть отправлены семь поездов из различных городов³. Пока это только цифры, но вопрос в том, как вспоминают об этом сами жертвы? Опросы, которые проводила Маргарете Руф в середине 1990-х годов, ясно показывают, насколько травматичными и трагичными были эти мгновения:

У многих женщин при рассказе глаза переполнялись слезами, а иногда рассказ и вовсе прерывался тяжелыми рыданиями. Этим женщинам куда лучше врезались в память унижительные условия перевозки, нежели названия городов⁴.

Наташа Ц. вспоминает:

Мы даже не знали, куда нас везут, мы были совсем юные и нигде еще не бывали.

А вот как это поясняет Анна Г.:

До начала войны я никогда не видела поезда. Моя деревня – это все, что я знала в жизни. Босая, едва одетая, с собой – лишь немного муки и подсолнечного масла... (предложение обрывается рыданием)⁵.

³ См.: Ruff M. «Um ihre Jugend betrogen». Op. cit. – P.28.

⁴ Ibid. – P.29.

⁵ Ibid. – P.29.

6 Тереза Бендер-Зелькамф

Мари М. было всего четырнадцать, когда она попала в список подлежащих депортации. Она вспоминает сквозь рыдания:

<...> Мама и папа спрятали меня, спрятали на чердаке. И вместо меня решили забрать отца. Мама готовила ему поесть в дорогу, еды должно было хватить на две недели. И вот она уже все приготовила, и тут я спустилась с чердака, чтобы пообедать. Наши полицейские меня заметили и тут же забрали. Ночевала я уже в канцелярии, а утром прислали повозку, и мама сложила туда все, что она наготовила в дорогу для отца. Отец какое-то время ехал со мной и то и дело плакал. Но я не понимала, что происходит, и не знала, куда меня везут. <...> Меня усадили в товарный вагон, там валялось сено и мешки, и вот там-то я и сидела все время. Мне было всего четырнадцать. <...> Мы ехали две недели, и все это время я непрерывно рыдала⁶.

Уже сам способ транспортировки указывал на то, какое будущее ожидало остарбайтерок в Германском рейхе. Разбитые вагоны, годные разве что для перевозки скота. Некоторые из женщин подверглись на пути в рейх сексуальному насилию. Все эти обстоятельства как бы уже символизировали то обращение, которое ожидало работниц по прибытии – а именно обращение как с трудообязанными и рабынями. Вот что рассказывает Наташа Ц.:

Нас заставили сесть в поезд, с нами обращались как со скотом. Вагоны были набиты сеном, не было места, чтобы прилечь и поспать. Всю дорогу мы ехали сидя. Мы ехали очень долго и не знали куда⁷.

Письменные источники говорят о шестидесяти и более людях, прошедших долгое время в пути при отсутствии каких-либо санитарных условий. Зачастую их даже не кормили. И после, в лагерях-приемниках, их ожидали унижительные медицинские обследования и процедуры по удалению вшей.

Особенно унижительными были такие моменты для юных женщин. Так об этом вспоминает Иванка Е.:

Нам велели раздеться догола, всю нашу одежду «протравили» газом, нас же при этом гоняли нагишом, рядом носились солдаты и хлопали в ладоши, это было ужасно⁸.

---

⁶ Ibid. – P.30.

⁷ Ibid. – P.33.

⁸ Ibid. – P.37.

После прибытия и прохождения через лагерь-приемник вставал вопрос, куда распределить молодых людей. Некоторые могли выбирать между сельским и фабричным трудом. У других выбора не было. Особенно унижительным было, когда вновь прибывших выставляли напоказ, словно на невольничьем рынке, и здесь же собирались владельцы компаний или частные лица, выбирали себе рабочую силу по вкусу, оплачивали взнос за расходы по транспортировке и забирали купленных работниц и работников к себе домой. Так об этом вспоминает Баша О.:

И знаешь что? Выбирали тех, кто смотрелся получше и покрепче, потому что такие потом лучше вкалывали в хлеву⁹.

Сельская работа была связана с тяжелой физической нагрузкой, но там же еще подкарауливали и другие опасности, в особенности для девушек. Работа на фабрике была чаще всего крайне тяжелой, зачастую с ночными сменами и лишь одним выходным днем в неделю, да и то в лучшем случае.

На новом рабочем месте привезенных людей ожидали самые разные реакции местного населения. В указаниях для местных жителей о том, как обращаться с остарбайтерами, сообщалось:

Нам следует ясно понимать, что здесь мы имеем дело с примитивными людьми с Востока. Среди нас еще есть германцы, у которых жалкий внешний облик этих восточных людей вызывает глубокое сочувствие. <...> Но это впечатление в корне ложное¹⁰.

А вот как отзывались об остарбайтерах местные рабочие, которые работали с ними рядом:

Они были послушными, много работали, но на сближение не шли, никому не доверяли, не желали присоединяться к коллективу. <...> Они походили на стадо овец, радовались, когда их оставляли в покое. <...> Работали прилично, никто их не трогал, нам их было жалко¹¹.

Мария М. рассказывает, что австрийки ей помогали. На фабрике ее называли «дитятком». Одна из работниц была ей словно мать. А в одном лагере для приезжих был даже такой комендант, господин Йенни, который был очень добрым, и все его называли «папой»¹².

⁹ Ibid. – P.38.

¹⁰ Ibid. – P.48.

¹¹ Ibid. – P.48.

¹² Ibid. – P.48 и далее.

Работа на высокогорных стройках была особенно суровой. Николай П. рассказывает, что пощады там не было: если что-то сделаешь не так – били. Это была очень тяжелая и опасная работа для таких, как он, молодых людей¹³.

Высокомерие, определявшее тогдашние порядки, проявляло себя и в распределении заработка. Согласно предписаниям Геринга, остарбайтерам полагалось выплачивать «немного денег на карманные расходы», так что они должны были «обходиться нанимателям как можно более дешево»¹⁴. Низкая оплата труда обосновывалась низким уровнем жизни на родине остарбайтеров (можно сравнить с сегодняшней ситуацией – с урезанным семейным пособием для работников из Восточной Европы). Зачастую заработок угнанных с Украины и из Польши работников облагался такими налогами, что от него в итоге в самом деле оставалось лишь чуть-чуть на карманные расходы. Но не на всех рабочих местах зарплаты были одинаково низкими, некоторым полагалось больше – правда, лишь на бумаге. Как рассказывают сами пострадавшие, зарплаты порой не выплачивались вовсе! Анатолий С. вспоминает, что он получал настолько мало, что этого едва хватало на покупку соли¹⁵.

В рассказах, касавшихся обеспечения питанием, чувствуется глубокая горечь. Вот слова Анатолия С.:

Ну, давали ровно столько, чтобы и дальше работать и не сдохнуть от голода. <...> Скажу прямо, немцы и австрийцы – люди практичные. Они рассуждали так: если нас не кормить, то придется ведь хоронить, ведь мы бы там все померли. Так что они там все подсчитали и давали ровно столько, чтобы нам не разжиреть и не подохнуть, но дальше вкалывать¹⁶.

Антья Ц. рассказывает:

Еда тоже была плохая, три раза в день давали «брюкву» и белые овощи, которые ужасно воняли. Нам становилось худо уже от одного запаха, а от еды и вовсе. На обед опять была «брюква», чуток супа и 20 декаграмм хлеба.

<...>

Вода, а кроме воды – ничего. <...> Управляющий лагеря велел закопать репу и зимой все замерзло. Когда управляющий отлучался, мы иногда выкапывали репу и брали себе поесть, и если он недосчитывался репы, то он ругался и называл нас «русскими свиньями»¹⁷.

---

¹³ Ibid. – P.59.

¹⁴ Ibid. – P.58.

¹⁵ См.: Ibid. – P.65.

¹⁶ Ibid. – P.68.

¹⁷ Ibid. – P.70.

Но всегда находились и сочувствующие люди, как это показывает Руф:

Герман Матис из Хознэмса давал яблоки русскому военнопленному, Мейер Эмиль из Харда – половину буханки хлеба, Марианне Планк и Берта Вакерле из Харда раздавали русским военнопленным хлеб и табак. Юстина Штупм из Хознэмса с помощью ее работницы-украинки прятала буханки черного хлеба за камнем вблизи лагеря в районе Штайнбрух Хознэмса, а Эмма Шпигель передавала продукты на кухню при лагере военнопленных в Форкlostере¹⁸.

Такого рода проявления человечности могли иметь для местных жителей трагические последствия. Так, медсестра Паулине Витвер была арестована за передачу одежды и продуктов французским военнопленным и приговорена к восьми неделям заключения, а затем направлена в концлагерь Равенсбрюк.

Добротная одежда была дефицитом, особенно туго приходилось работающим в высокогорье. Настасия Ц. рассказывает о том, что за три года, проведенных в Форарльберге, она ни разу не получила новую одежду и вернулась домой в том же, в чем уехала. Такое равнодушное отношение отражает влияние пропаганды о «славянском недочеловеке»¹⁹.

Если же работников размещали не в лагере, а в крестьянских семьях, то им приходилось подчиняться строгим правилам и терпеть обращение со стороны режима как с людьми второго сорта. Нанимательница Анны Г. рассказывает:

Был там один эсэсовец <...>, и он заявлял, что непозволительно выделять отдельную комнату, что (работникам) достаточно места под лестницей или в чулане. Что им нельзя ездить на велосипеде, что с ними нельзя быть приветливыми, как с немецкими работниками. Что им даже нельзя есть с нами за одним столом²⁰.

Но молодые работники и работницы с Украины не всегда видели только плохое со стороны крестьянских семей, в которых они трудились. Даже наоборот – в сельском хозяйстве прилежная работа, как правило, ценилась.

К тому времени уже распространился слух, что в Германском рейхе царит голод. Так, Галла П. была одета по прибытии в Форарльберг в длинную стеганую юбку, в край которой были вшиты тыквенные семечки на черный день²¹. Другие, наоборот, рассказывают о хорошем питании и о том, что никогда не испытывали голода и ели даже лучше, чем дома. Это наверняка связано с размещением в крестьянских подворьях, где даже в военное время не голодали.

¹⁸ Ibid. – P.72.

¹⁹ См.: Ibid. – P.74.

²⁰ Ibid. – P.86.

²¹ См.: Ibid. – P.86.

10 Тереза Бендер-Зебелькампф

Лида М. из Полтавы рассказывает о нанимательнице, которой невозможно было угодить, и о том, как та только и называла ее «большевичкой». Остарбайтерка Мария М. стала жертвой физического насилия.

Те, кто не мог дать отпор, зачастую высылались в трудовой лагерь, где среди начальства царили садистские порядки. Например, в рабочем лагере Инсбрук-Райхенау было введено наказание в виде «холодного купания», когда зимой обнаженных заключенных поливали мощной струей ледяной воды, пока те не посинеют или не потеряют сознание²².

Историк Маргарете Руф посвящает теме межчеловеческих отношений отдельную главу под названием «Поведение местного населения». Во время опросов она выяснила, что каждый из опрошенных остарбайтеров с Украины вспоминает по крайней мере об одном случае оказания помощи или поддержки²³. К этому обстоятельству Руф замечает критически: «возможно, просто из желания быть приветливыми к опрашивающей?»

Госпожа Зина В. рассказала мне, как один торговец велосипедами в Брегенце бесплатно помог ей починить шину. Госпожа Анна Г. сообщила мне о том, что ее наниматель специально нанял для нее переводчицу, чтобы семья могла с ней общаться. А госпожа Мария М. упомянула одного пекаря, который раздавал хлеб голодавшим украинкам, трудившимся на заводе²⁴.

Особенно трогательна следующая история:

Иногда наем на работу был просто поводом, чтобы без риска оказать помощь. Мария М. рассказала, как однажды ее наняли прибраться в квартире одного местного жандарма. Но мыть ей ничего не пришлось, а наоборот – жена жандарма снабдила ее пищей и одеждой²⁵.

Женщина по фамилии Мозер рассказала о бывшей работодательнице Петра Л., которая многим рисковала, разрешив ему после тяжелых лесных работ переночевать у нее дома вместо того, чтобы возвращаться в лагерь. Некоторых остарбайтеров наниматели снабжали не только едой, но и словарями, а также журналами на украинском языке.

Местным жителям общение с остарбайтерами было запрещено. Из актов милиции, которые сохранились в архивах в Форарльберге, следует, что местных за это даже штрафовали. Но отдельные рассказчицы упоминали, что далеко не все сообщалось карательным органам. И даже служащие жандармерии –

²² См.: Ibid. – P.104.

²³ Ibid. – P.108.

²⁴ Ibid. – P.108 и далее.

²⁵ См.: Ibid. – P.108.

местного контролирующего органа – далеко не всегда были бесчеловечными. Так, сообщалось, будто один жандарм однажды сказал следующее: «Да пусть они убегут, бедолаги», о чем немедленно было сообщено вышестоящему начальству²⁶. К сожалению, дальнейшая судьба этого человеческого жандарма нам неизвестна.

Любые проявления человечности и поддержки порицались и подвергались наказанию. М.Руф приводит выдержку из обращения Федерального совета земли к милиции (1943):

Далее следует прибегнуть к самым строгим мерам пресечения в отношении местных жителей, которые по-дружески поддерживают остарбайтерок²⁷.

Мария М. вспоминает об одном особенно тяжелом оскорблении:

Там были дети из «Гитлерюгенд». А у нас были такие башмаки из брезента на деревянной подошве – если идешь по асфальту, то слышно на всю округу. И за нами гонялись мальчишки – восьми–десяти лет от роду – и кричали нам «русские свиньи!» Но разве мы виноваты, что нас – совсем еще детей – отправили туда на работу²⁸.

О физическом насилии по отношению к остарбайтерам Маргарете Руф слышала нечасто. Возможно, многие из опрошенных просто не хотели рассказывать ей об этом. Поводом для побоев был отказ от работы, но если остарбайтер или остарбайтерка желали пожаловаться на плохое обращение, то у них почти не было шансов, что им вообще поверят. Маргарете Руф исследует также образ трудообязанных, который сложился в обществе. Те, кто напрямую с ними не сталкивался, в основном придерживались мнения, что работникам и работницам живется вполне хорошо. В воспоминаниях о них остался образ людей жалких, но ведь и местному населению якобы приходилось нелегко. Так об этом пишет Руф:

Зачастую вспоминают игрушки, которые военнопленные и остарбайтеры пытались обменять на хлеб. Но похоже, едва ли кто-либо осознает, от какой страшной нужды люди шли на такой шаг²⁹.

По окончании войны для остарбайтеров встал вопрос о том, как вернуться домой, и прежде всего о том, каким будет это возвращение. В последние

²⁶ Ibid. – P.109.

²⁷ Ibid. – P.109.

²⁸ Ibid. – P.111.

²⁹ Ibid. – P.112.

12 Тереза Бендер-Зебелькампф

дни войны 10 тыс. остарбайтеров удалось сбежать в соседнюю Швейцарию. Но для остальных насущным оставался вопрос: как с ними обойдутся дома, ведь они работали на врага. Сошлют ли их в Сибирь или в другие лагеря Гулага? Со всех сторон окруженные опасностью, каждый и каждая из них вынуждены были принять решение, о последствиях которого они не могли знать. На своей родине они были не «жертвы войны», а подозреваемые, люди второго сорта с темным пятном в биографии»³⁰. Вернувшись, годами пытались они утаить, что когда-то были привлечены к работам в Германском рейхе. В особой мере это повлияло на профессиональную карьеру молодых людей – бывших остарбайтеров и остарбайтерок. Некоторые из них остались в Австрии, ссылаясь на то, что дома из родни у них никого не осталось или что все связи утеряны. Или что они не решаются вернуться с ребенком на руках, зачатым от нанимателя. В этом случае у них на родине (в СССР) были бы сложности в поисках спутника жизни, им было бы запрещено учиться, и долгие годы они могли бы делиться своим тяжелым опытом лишь в самом узком семейном кругу или только с самыми близкими друзьями.

В процессе осмысления этих темных страниц истории Форарльберга и его различных предприятий, нанимавших остарбайтеров, разумеется, встает вопрос о том, как сегодня те же самые предприятия обходятся с этим прошлым. Маргарете Руф беспощадно и со всем усердием нажимает на больное место и демонстрирует в своей работе результаты своих исследований на примере энергетической компании АО Ильверке в Форарльберге. На строительных площадках Ильверке в 1939–1945 одновременно работали люди двадцати национальностей: в основном поляки, украинцы, русские, но также и французы, бельгийцы, итальянцы, чехи, греки и югославы³¹.

Тысячи этих людей привлекались к работам на строительных площадках АО Ильверке. Долгое время руководство Ильверке не желало вспоминать о доле принудительного труда в истории компании, эта страница истории была табуирована. Но несколько лет назад они признали свою ответственность за прошлое. Компания Ильверке начала финансовую поддержку своих бывших работников. Информация о мрачной части истории компании стала появляться и на главной странице интернет-портала АО Ильверке³².

Обращение Австрийского государства к темным страницам ее истории отразилось и в так называемом «Законе о примирении», вступившем в силу в 2000 и предусматривавшем денежную компенсацию за перенесенные страдания. Так, работавшие в сельском хозяйстве получили 1453 евро, трудившиеся в промышленности – 2453 евро и люди, вынужденные работать в условиях,

---

³⁰ Ibid. – P.126.

³¹ См.: *Arbeitskräfteeinsatz 1938–1945*. – <https://www.illwerkekv.at/arbeitskraefteeinsatz-1938-1945.htm> (дата обращения: 29.01.2022).

³² Ibid.

близких к условиям концлагеря (например, в трудовых лагерях и воспитательных колониях), – 7630 евро.

«В 2001 г. все мы здесь были в тяжелом положении, и вдруг Австрия перевела нам деньги, и мы все еще получаем гуманитарную помощь, лекарства, медицинские средства из Австрии», – рассказала одна из бывших остарбайтерок из г. Ровеньки Луганской области Маргарете Руф и писателю Вернеру Бундшу в 2007 году. Зачастую средства уходили на обеспечение детей и внуков, на оплату обучения, но иногда и на возведение могильного памятника. Размерами компенсации все были в основном довольны, но при этом все замечали с сожалением, что поддержка, увы, серьезно запоздала.

В заключение остается спросить: действительно ли финансовая компенсация может заживить шрамы? Сочувствие – это для нас, мемориальцев, важное качество, позволяющее по-человечески относиться к чужой истории и истории других людей.

Из личного опыта разговоров с людьми, пережившими заключение в Гулаге, я предполагаю, что рассказ о перенесенных страданиях помогает облегчить боль. А еще – официальное признание несправедливости может помочь залечить душевные раны.

Айрат Бик-Булатов

П.Л.Драверт – казанский журналист (неизвестные страницы биографии великого ученого)

**Айрат Шамилевич
БИК-БУЛАТОВ**

*доцент кафедры
национальных и глобальных
медиа Казанского
(Приволжского)
Федерального университета*

Aiaibikbik@mail.ru

Петр Драверт (1849–1945) – один из ключевых журналистов «Камско-Волжской речи» в 1912–1915 годах. Но именно в этом качестве он остается прочно забыт. До сих пор не было ни одной работы, посвященной Драверту-журналисту, хотя в других своих ролях, прежде всего как ученый, – Драверт знаменит и прославлен в глазах потомков.

Петр Людовикович Драверт – замечательный поэт и ученый, один из крупнейших российских минералогов своего времени, также краевед, музеолог, коллекционер, культуртрегер. Драверт участвовал в исследовании Тунгусского метеорита, возглавлял Омскую метеоритную комиссию. Исследовал загадочное и редко наблюдаемое природное явление – аномальные звуки, сопровождающие полет ярких метеоров, – и дал этому явлению имя «электрофонные болиды», которое стало общепринятым.

Как поэт и журналист он засветился в казанских газетах 1900–1910-х годов. В 1900-е его стихи выходили в демократическом «Волжском листке». В 1910-е – он активнейший автор «Камско-Волжской

речи». Здесь, кстати, были опубликованы и первые его прозаические произведения.

В 1917–1918 П.Л.Драверт стал редактором ряда казанских газет. С мая по ноябрь 1917 выходила газета правых эсэров «Голос труда», и первым ее редактором был П.Л.Драверт. В 1918 же году он стал главным редактором однодневной казанской газеты.

21 августа 1918 г. в губернской типографии была издана однодневная общественно-политическая газета «Народная армия» – орган Народной армии Комуча. Редактор – П.Л.Драверт. Она была выпущена с целью популяризации Народной армии, сбора средств и привлечения в ее ряды добровольцев. О предстоящем издании «Народной армии» сообщило большинство казанских газет. В красочно оформленном, большеформатном, четырехполосном номере были опубликованы воспоминания командующего Казанской группой войск Комуча капитана А.П.Стеланова «Поход на Казань», чрезвычайного уполномоченного Комуча В.И.Лебедева «Из дневника» о боях за Казань в начале августа 1918 г., а также статьи профессоров А.Я.Богородского «К жизни, Граждане!», М.В.Бречкевича «Славяне и немцы», Н.Н.Парфентьева «Некоторые параллели», Н.Н.Фирсова «Народное войско» и другие с оценкой политических событий в России, с поддержкой Народной армии и критикой большевиков¹.

С 1905 П.Драверт был близок к эсерам. В 1902 году в Казанской губернии появилась земская печать и сначала (примерно, до 1914 года) тяготела к правым партиям («октябристам»), а позже, напротив, находилась под влиянием левых течений и групп, и в 1918 Драверт печатался как в эсерских, так и в земских изданиях.

В тот же день, 21 августа 1918 (3 сентября по новому стилю), когда вышла его однодневка «Народная армия», в казанской земской газете «Народная жизнь» была опубликована заметка П.Л.Драверта «Кузены большевизма», в которой он обрушился с резкой критикой на некоего студента Ругельсона, призывавшего к перемирию с большевиками:

Вы не протестовали, мягкий г[осподи]н Ругельсон, когда с благословения [Я.С.]Шей[н]кмана, [П.А.]Кина и [М.И.]Лациса русских офицеров везли в грузовике на убой, как телят, придавленных сапогами красноармейцев. Хороших русских офицеров, вся вина которых состояла в том, что они любили свою родину... Знаете ли вы, молодой человек, один закон, изданный еще при самодержавном строе, запрещающий перевозку на убой животных связанных или вообще мучительным для них способом? А вот когда людей везли так на смерть и потом самих же

¹ Цит. по: События в белом движении: интернет-форум. – <http://rugaru.ru/forum/index.php?topic=79.605;wap2> (дата обращения: 15.12.2021).

заставляли рыть себе перед расстрелом общую могилу, – почему вы не кричали тогда о пролитии братской крови?²

Праведный гнев публицистического пера П.Л.Драверта уже был знаком казанскому читателю со времен его статей периода Первой мировой войны в «Камско-Волжской речи».

Казанский период в жизни П.Л.Драверта в совокупности занимает несколько десятилетий, включая учебу в местной гимназии, потом в университете, не менее 5 лет сотрудничества в «Камско-Волжской речи». Но и Драверт-писатель формировался и развивался с помощью и в связи с казанской прессой. Под шапкой «Издание Камско-Волжской речи» вышел его сборник стихов в 1913. Здесь же публиковались его самые первые опыты в прозе – такие произведения, как «На Севере дальнем», «Разбитая цепь», «Шепот звезд», «Резьба по кости», «Целестин», «Ночь воскресения».

Две вышедшие в Омске в 2014 и 2019 библиографии работ П.Л.Драверта идентичны в части упоминаемых публикаций П.Драверта в казанских газетах³. Все публикации разделены по группам: «научные и научно-популярные работы»; «статьи по вопросам литературы и искусства»; «литературные произведения». Материалы, не входящие в эти тематические подгруппы, в частности общественно-политические статьи П.Л.Драверта, составителями почему-то проигнорированы. Некоторые из них мы впервые введем в современный научный оборот.

Из казанских газетных публикаций П.Драверта составителями учтены 13 публикаций в «Волжском листке» 1905 года. В основном стихи, кроме единственного случая – новеллы «Ландыши», опубликованной в номере от 22 мая.

Публикации в «Камско-Волжской речи», выявленные авторами библиографий, относятся к 1912–1916 годам. 4 материала за 1912, 14 – за 1913, 10 – за 1914 и по одному за 1915 и 1916 годы. Большинство из включенных в перечень – стихотворные публикации. Несколько публикаций помечено как «рассказы», всего два – как очерки (Три капли из океана жизни: [очерк] // Камско-Волжская речь. – Казань, 1913. – 10 февраля; В тени развесистой клюквы: [очерк] // Камско-Волжская речь. – Казань, 1913. – 15 июня) и один материал – как фельетон (Нео-футуристы: [фельетон] // Камско-Волжская речь. – Казань, 1913. – 28 апреля).

² Драверт П. Кузены большевизма // Народная жизнь. – 1918. – №9. – 3 сентября. – С.2.

³ Петр Людовикович Драверт (1879–1945): биобиблиографический указатель / сост. О.П.Леонович; отв. ред. и автор вступ. ст. А.В.Ремизов. – Омск: Омская государственная областная научная библиотека им. А.С.Пушкина, 2014. – 134 с., [10] л. ил.; Петр Людовикович Драверт: наследие ученого краеведа в собраниях библиотек, музеев и архивов: сборник материалов / сост. И.Б.Гладкова, А.П.Сорокин; отв. ред. А.В.Ремизов. – Омск: Омская государственная областная научная библиотека им. А.С.Пушкина, 2019. – 264 с.

Последний из названных П.Драверт начинает с разбора действительно маловразумительного казанского сборника под названием «Нео-футуризм», а потом обрушивается на все направление в целом:

Футуристы и им подобные – несомненное зло. Своими произведениями они портят здоровые вкусы. Пропагандой своих сумасбродных идей они отвлекают нашу экспансивную молодежь от более высоких задач; своими выступлениями они отнимают у общества драгоценное время. Не надо упускать из виду, что они стремятся создать «моду», которая иногда держится довольно долго. Отдельный футурист только смешон, но вместе взятые эти господа представляют собой уже некоторую реальную силу, с которой необходимо считаться, ибо сила эта грубая, вербующая себе новые подкрепления, большею частью среди огромного кадра разных межеумков, бездарностей или неудачников, мечтающих об известности⁴.

Стиль текста явно напоминает очерки о молодежных преступных и хулиганских сообществах.

П.Драверт вообще выступал против хулиганских выходок, попирающих достижения человеческого гения. Этим объясняются его выступления против футуристов (их было несколько) или лондонских суфражисток, портящих картины, парки, совершающих свои выходки («своими выходками – низкими, позорными и преступными они компрометируют женское движение вообще <...> Поступки суфражисток глубоко антикультурны»⁵. Pamфлет «Обезумевшие» в омскую библиографию не попал.

Культура, наука, искусство как проявления человеческого духа важны для П.Драверта еще и тем, что имеют надклассовый характер. Эта позиция вполне в эсерских традициях. Так, относительно революции эсеры спорили с марксистами, с их классовым подходом и выделением класса пролетариата в качестве главного революционного класса, эсеры же (партия, выросшая из народнического течения) утверждали, что не нужно искусственно разделять народ на классы, а революция нужна всему российскому обществу. Рифмуются с этими положениями дравертские рассуждения об искусстве:

Произведения любого художника, поэта, архитектора и т.п., не могут рассматриваться исключительно с узко-классовой точки зрения. Байрон не выше оттого, что он был лордом; Шекспир не ниже оттого, что он был простым актером. И тот, и другой появились в результате исторического развития всего народа [разрядка П.Драверта. – **А.Б.**], всех его классов⁶.

⁴ Драверт П.Л. Нео-футуристы: [фильетон] // Камско-Волжская речь. – Казань, 1913. – 28 апреля. – С.3.

⁵ См.: Драверт П.Л. Обезумевшие // Камско-Волжская речь. – 1914. – №49. – 2 марта. – С.3.

⁶ Там же.

В этом месте он, конечно, явно спорит не только с суфражистками, но и с марксистско-большевистскими воззрениями на культуру и искусство.

В упомянутом выше фельетоне «Нео-футуристы» ученый П.Драверт вспоминает и о науке как об одном из проявлений творческого усилия человеческого гения:

В тяжких муках рождалась у нас наука, литература, искусство. И скольких усилий, скольких драгоценных жизней стоило поднять их на ту высоту, где они заслуженно стоят теперь. Мы многого еще лишены. Много тяготеев над нами тяжелых плит и мусорных наслоений прошедших времен. Но бодро пробиваются к свету ростки общественных начинаний.

Петр Драверт как бы противопоставляет науку футуризму. И именно науку ставит в перечне на первое место. В очерке «В тени развесистой клюквы» он вступает за ученых, которым приходится терпеть самодурство местных властей в отдаленных сибирских и дальневосточных губерниях России. Некоторые экспедиции оказывались «буквально разгромлены» низшей администрацией, одного ученого-этнографа и вовсе арестовали, приняв за беглого ссыльнокаторжного, невзирая на все документы, подтверждавшие его личность.

В общем, тема ученого и его места в современном российском обществе, как и тема науки в целом, волновала Драверта-публициста. И именно эта тема стала одной из основных тем его размышлений в статьях периода Первой мировой войны, которые не попали в современные официальные библиографии и к которым мы наконец сейчас обратимся.

Одна из этих статей – «Во имя братства» – посвящена солидарности с разрушенной Бельгией⁷. Петр Драверт, человек с сознанием ученого, начинает статью с фантазий почти жюль-верновских:

Теперь у нас имеются всяческие аэропланы и дирижабли. Но, Боже мой, до чего еще грубы, громоздки и неуклюжи эти машины, возносящие нас от земли. Вне всякого сомнения, что в отдаленном будущем человечество отрешится от подобных приспособлений и станет плавать, нырять и летать в воздухе, поддерживая и продвигая себя в этой стихии исключительно за счет не выявленной еще донныне энергии, скрытой в его существе.

Будет найдена возможность использовать огромные тайники сил, действующих в нас. Будут открыты законы продвижения в пространстве непосредственно без всякой помощи бездушных моторов и пропеллеров. Люди избавились от услуг человека – раба, низведенного на степень скота, люди избавляются от необходимости прибегать к силе животных. Кто знает, может быть, человечеству еще суждено пройти стадию освобождения от машины.

⁷ Камско-Волжская Речь. – 1914. – №238. – 26 октября. – С.2.

Далее Драверт пишет о том, как этот «летающий человек будущего» прилетит в их время и будет облетать пространства, покореженные войной, вот ту самую несчастную Бельгию...

Что же увидят зоркие глаза внимательного наблюдателя в этом уголке Европы? <...> Вырубленные леса и рощи, дороги, изрытые колесами чудовищных мортир и развороченные артиллерийскими снарядами, взорванные мосты, погубленные сады и огороды, вытопанные нивы и луга, выжженные селения, разрушенные города, фабрики и заводы. Страшна стихийная сила смерчей и ураганов <...> Страшна, но и только, ибо сила эта не одарена сознанием. А натиск германских полчищ на маленький край страшен и отвратителен до последней меры, потому что все приобретения человеческого разума в Германии умышленно были призваны к адскому делу убийства и разрушения...

То есть П.Л.Драверт сначала поет гимн будущему человеческому разуму, который, как мечтает он (друг и, видимо, практически единомышленник В.И.Вернадского с его учением о ноосфере. Вернадский, кстати, позже помогал Драверту, спасал от голодной смерти), дойдет до левитации, до скрытых возможностей человеческого тела... и вот потом он противопоставляет этот будущий человеческий разум – нынешнему, призванному к адскому делу. Сколько тут восхищающего нас космизма, и экологии, и поэзии! Невольно вспомнишь, что среди поздних учеников Драверта – и поэт Л.Мартынов, и писатель-эколог С.Залыгин.

В ноябре 1914 в Казани проводился «Польский день», проходили мероприятия и сбор денег в пользу Польши, пострадавшей от действий немецкой военщины в начальные месяцы Первой мировой войны. С этим связано еще одно выступление П.Драверта в газете. Эсер, поэт и ученый, в будущем – выдающийся минералог, и прочая, и прочая, публикует в «Камско-Волжской речи» стихотворение «Польша» и колонку, посвященную Польше. Стихотворение начиналось так:

Не напрасно ты молилась, не напрасно ты ждала
С верой крепкой и упорной, как гранитная скала.
Не напрасно ты хранила перед Богом свой обет
И во мраке дней печальных прозревала дальний свет.
Близок час освобожденья! Феникс белый, встанешь ты
Из углей твоих пожарищ в блеске новой красоты <...>

А вот начало статьи:

Польша, страна моих предков! Позволь в этот день, посвящаемый тебе древней столицей царства Казанского, благоговейно перебраться неуязвимые лавры твоего славного венка; позволь с уважением прикоснуться к старым рубцам и свежим ранам твоим. Нет лицемерия в душе моей, и к земле прадедов пламенеет она осознанной, а потому и неискоренимой любовью...

Кажется, это единственный случай, когда Петр Людовикович Драверт так откровенно проявил свою польскую национальную идентичность! Еще: Польша для него – это символ свободы, презрения к рабству:

Ты, привыкшая к широкой свободе, не могла примириться с неволей и, как погребенная заживо, делала судорожные усилия для того, чтобы выбраться из охвативших тебя с трех сторон тисков к воздуху и к простору, но ты только всякий раз истекала кровью в этих бесплодных усилиях... Искупленная и очищенная своими страданиями, ты восстаешь из пепла твоих пожарниц к лучшей жизни твоих верных сынов, примиренная с твоей могучей сестрой, возвращающей тебе самые дорогие для тебя блага – родную землю, веру, язык и самоуправление⁸.

Еще одно большое выступление Петра Драверта в газете – статья «Война и наука», и снова П.Драверт выступает здесь как представитель ученого цеха и с этих позиций обращается к своим коллегам. Вообще, можно заметить, что П.Драверту важно ощущать себя частью какой-то большой общности, объединенной благородными целями. Будь то ученая корпорация или стремящаяся к свободе Польша (а он – плоть от плоти ее). Для Драверта на первом месте общественный интерес, счастье народов, свобода, патриотизм, и это для него даже превыше интереса научного. Как раз об этом его статья «Война и наука».

Недавно со стыдом и негодованием я прочел в газетах о группе русских ученых, которые добровольно решили остаться в Германии, под покровительством ее законов, чтобы продолжать или заканчивать свои научные работы... Я предвижу возражения, что наука космополитична, что ученые – граждане мира, которые должны, невзирая ни на какие условия, работать для торжества знания и т.д. и т.п. Но все это для меня неубедительно. Прежде всего, долг каждого сына своей страны – быть во дни тяжелых испытаний родины на ее земле, в рядах своих соплеменников, а не пользоваться сомнительным гостеприимством врагов отечества. Перефразируя известное наречие, можно сказать:

Ученым можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан⁹.

⁸ Драверт П.Л. Польше // Камско-Волжская речь. – 1914. – №267. – 29 ноября. – С.3.

⁹ Драверт П.Л. Война и наука // Камско-Волжская газета. 1914. – №189. – 26 августа. – С.3.

Все, приведенные в этом блоке статьи: «Во имя братства», «Польше», «Война и наука», равно как и упомянутая статья 1918 года – «Кузены большевизма», – не входят в омские библиографии. Между тем они хорошо иллюстрируют нам пылкую натуру Петра Людовиковича Драверта, ученого, поэта и революционера, одного из самых плодovitых авторов «Камско-Волжской речи» в период Первой мировой войны.

Ирина Галкова

«Свидетельство советской печати» христиан-федоровцев: биография, народное житие или священное писание

**Ирина Геннадьевна
ГАЛКОВА**

*кандидат исторических наук,
общество «Мемориал»,
г. Москва*

igalkova@gmail.com

Тип текста, которому посвящена эта статья, определить довольно трудно – он находится на пересечении нескольких жанров, наиболее очевидные из которых перечислены в заголовке. Поскольку в основе этого повествования лежит человеческая судьба, исследование его сложной природы (в складывании которой свои роли сыграли аудитория текста, пути его распространения и особенности исторического момента), кажется особенно интересным в русле общего разговора о биографике XX века. Я сосредоточу внимание лишь на некоторых его особенностях, непосредственно связанных с представлением и осмыслением судьбы главного героя.

Речь пойдет о легенде, бытующей в религиозной общине христиан-федоровцев в Воронежской области, одного из ответвлений движения Истинно православных христиан¹. Называя

---

¹ Общее название нелегальных религиозных сообществ и групп в СССР в 1920–1980-х, часть катакомбного движения. См.: Истинно православные христиане // Православная энциклопедия. Т.27. – М., 2016. – С.704–716. – <https://www.pravenc.ru/text/675029.html> (дата обращения: 03.04.2022).

этот текст легендой, я подспудно отношу его к фольклору, однако здесь стоит говорить не о фольклоре в чистом виде (т.е. бытующем только в устной форме), а о некотором гибридном явлении XX века, сочетающем в себе черты как устной, так и письменной культур². Для нашей легенды еще очень важно, что она появилась и бытовала не только на фоне наступающей урбанизации и роста грамотности, но и в контексте крайне драматичных процессов, которые происходили с носителями традиционной культуры в XX веке: репрессии, насильственное разрушение хозяйственных и культурных традиций, агрессивная секуляризация и идеологическая пропаганда. Все эти процессы нашли свое отображение в тексте, который несет в себе одновременно следы сопротивления им и результаты их влияния. Кроме того, фиксация текста, к которой я обращаюсь, была сделана самим рассказчиком и является, судя по всему, в значительной мере его собственной интерпретацией истории, передававшейся из уст в уста.

Вопрос о времени появления легенды довольно сложен, так как не совсем понятно, с какого момента ее можно считать сложившейся. Мы знаем, что уже во время описываемых событий (в середине 1920-х годов) в селах на юге Воронежской губернии ходили слухи религиозного толка, записанные тогда же сотрудниками ГПУ³, и в них узнаются некоторые элементы нарратива, который появится гораздо позднее. Повествование, которое я считаю ключевым и наиболее значимым и к которому я обращаюсь, говоря о легенде как о тексте, возникло в середине или в конце 1950-х. В устных рассказах и письменных документах федоровцев легенда бытует до сих пор, постоянно модифицируясь и дополняясь. Это самая важная история для федоровцев, их собственное священное писание, которое дополняет и актуализирует общепринятую христианскую историю, изложенную в текстах Нового Завета. Модификации этого текста неразрывно связаны с самоосмыслением и самопрезентацией федоровцев на фоне истории советского государства и во взаимоотношениях с ним. Некоторые моменты такой взаимосвязи я постараюсь показать, но для начала расскажу о самом религиозном движении и о его духовном лидере, который, согласно актуальной вере федоровцев, стал новым воплощением Христа на земле.

Главный герой легенды – Федор Рыбалкин, крестьянин из слободы Новый Лиман (ставшей в советское время селом) на юге Воронежской губернии. В 1922 Федор пережил некое духовное потрясение и стал юродствовать –

² В отношении таких пограничных явлений С.Ю.Неклюдовым не так давно был введен термин «постфольклор». См.: Неклюдов С.Ю. Постфольклор / С.Ю.Неклюдов // Большая российская энциклопедия. – Т.27: Полупроводники – Пустыня. – М., 2014.

³ Сообщения о некоем прозорливом старце, о скорой «битве на небесах» с участием большевистских лидеров и представителей царской семьи, о складывании новой религиозной общности вокруг юродивого Федора Рыбалкина и Новолиманской церкви содержатся в донесениях сотрудников местных отделов ГПУ и в показаниях свидетелей, резюмированы в обвинительном заключении по делу об обвинении 24 человек (крестьян и священнослужителей) в Богучарском уезде в 1926 г. См.: Государственный архив общественно-политической информации Воронежской области (ГАОПИ ВО). – Ф.9353. – Оп.2. – Д.5661. – Л.264–265, 902–931.

ходить в свитке⁴ на голое тело по окрестным деревням, проповедовать и «ругаться миру». Именно в это время началась обновленческая реформа⁵ церкви, быстро дошедшая до отдаленных деревенских приходов. Стоит отметить, что за два года до нее жестокая кампания продразверстки в Воронежской губернии стала причиной Колесниковского восстания⁶, одного из самых мощных очагов крестьянского сопротивления новой власти. Восстание было подавлено, разверстка заменена продовольственным налогом, однако протестные настроения в крестьянской среде сохранялись. Церковная реформа, несшая в себе упрощение церковных обрядов и обмирщение клира, была воспринята крестьянами как еще одно негативное новшество советской власти. Федор Рыбалкин яростно клеймил обновленцев на сельских базарных площадях. При поддержке местного священника-тихоновца Федор быстро обрел известность и почитателей, которые стали приходить в Новый Лиман как паломники. В январе 1926 он был арестован вместе с пришедшими к нему богомольцами, на тот момент не составлявшими никакой единой общности⁷. Собственно, с ареста Федора и этой группы паломников и началось движение федоровцев. Оформлению движения очень поспособствовали органы ГПУ, которые и дали ему это название по имени духовного лидера крестьян-богомольцев и вынудили их сплотиться и уйти в подполье. Суть убеждений (вернее, той их части, которая стала причиной преследований) федоровцев сводилась к истолкованию современных им событий как описанного в Библии конца времен, где советская власть была олицетворением Сатаны и его войска. Федоровцы в противоположность им считали себя участниками битвы на стороне светлых сил и потому носили белые одежды, расшитые крестами. Одновременно с этим о самом Федоре ходили слухи, что он – якобы чудесно спасшийся царь Николай. Движение

⁴ Длинная верхняя одежда, распространенная в украинских и южнорусских селах, шилась из грубого шерстяного сукна и обычно имела капюшон, что придавало ей сходство с монашеским облачением. После ареста Рыбалкина свитки, расшитые крестами, стали особой отличительной одеждой федоровцев.

⁵ Обновленчество – движение в Русской православной церкви, изначально объединявшее сторонников либерального реформирования церкви, но претерпевшее значительную трансформацию в постреволюционный период, сделавшись в итоге идеологическим инструментом в руках советской власти. Мощная активизация движения с претензией на занятие позиции официального государственного варианта православия произошла в 1922 при содействии представителей власти и ГПУ. Движение спровоцировало церковный раскол, который часто соответствовал разделению социально-политических позиций верующих мирян и духовенства (в обновленчество переходили сторонники советской власти, сторонниками патриарха Тихона оставались ее противники), а для органов ГПУ служил своеобразным маркером при выявлении антисоветски настроенных групп (тех, кто обновленчество не принял). Подробнее см.: *Шкаровский М.В.* Советское государство и «советская церковь» / М.В.Шкаровский // Санкт-Петербургская духовная академия. – 11.05.2016. – <https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-sovetskoe-gosudarstvo-i-sovetskaya-cerkov-2/> (дата обращения: 03.04.2022).

⁶ «Колесниковщина», восстание крестьян на юге Воронежской губернии в 1920–1921 под предводительством Ивана Колесникова (1894–1921), крестьянина из с. Старая Калитва, бывшего командира Красной армии. Подробнее см.: *Борисов Д.А.* Колесниковщина. Аниткоммунистическое восстание воронежского крестьянства / Д.А.Борисов. – М., 2012.

⁷ ГАОПИ ВО. – Ф.9353. – Оп.2. – Д.5661. – Л.75–76.

к концу 1920-х охватило весь юг Центрально-Черноземной области и отчасти Украину.

В 1920-е годы в крестьянстве были распространены и милленаристские настроения, и легенды об оживших Романовых⁸, и в движении федоровцев не было бы ничего необычного, если бы не их упорство и необычный творческий потенциал, который способствовал внутренним трансформациям и, как следствие, сохранению их общности. Федоровцы были определены советской властью как контрреволюционная монархическая группировка с религиозным прикрытием, их аресты начались в 1926 и продолжались систематически в течение 30 лет, строгость наказания варьировалась от высылки до расстрела⁹. Многие федоровцы были уничтожены физически, новую традицию было трудно передать следующему поколению (к тому же сами они, считая, что живут в конце времен, поощряли безбрачие и бездетность). В послевоенное время движение могло вовсе исчезнуть, как множество других неофициальных крестьянских толков¹⁰, однако этого не произошло. Федоровцы, выжившие в сталинских лагерях, в середине 1950-х годов были реабилитированы. Это стало для них потрясающе важным событием. Впервые за 30 лет они получили официальное признание государства в том, что в их убеждениях (согласно которым, между прочим, органы советской власти были приспешниками Сатаны) нет преступления. Этот факт послужил очень мощным импульсом к возрождению движения и собиранию новой общины на юге России.

У движения в разное время и в разных местах было несколько лидеров, с середины 1940-х наиболее заметным из них стал Арсений Иващенко (1900–1984), один из младших спутников Федора Рыбалкина. Будучи довольно известной фигурой в среде религиозного подполья, он прилагал особые усилия

⁸ См. исследование этого феномена: *Алексеев В.В., Нечаева М.Ю.* Воскресшие Романовы? К истории самозванчества в России / В.В.Алексеев, М.Ю.Нечаева. – Ч.1–2. – Екатеринбург, Челябинск. 2000–2002.

⁹ На данный момент в Государственном архиве Общественно-политической информации, архиве ФСБ Воронежской области, Государственном Общественно-политическом архиве Пермской области автором выявлено 22 архивно-следственных дела федоровцев 1926–1952 годов по обвинению их в совершении уголовных преступлений по статьям 58-10, 58-8, 58-7. Почти все дела групповые, число обвиняемых по одному делу – до 58 человек, около трети обвиняемых приговорены к высшей мере наказания, остальные к разным срокам заключения. Перечень выявленных дел заведомо неполный, по справке, составленной сотрудниками ГАОПИ ВО в марте 1999, только в этом архиве на хранении не меньше 30 дел федоровцев. В 1930–1940-х годах было проведено несколько кампаний административной высылки семей федоровцев (так, из одного только села Новая Калитва в 1930 было выслено 300 дворов (ГАОПИ ВО. – Ф.104. – Оп.1. – Д.59. – Л.13); в 1944, согласно докладной записке Берии, из Воронежской области было выслено 99 хозяйств (274 человека) истинно-православных христиан, в том числе федоровцев; опубл.: *Беглов А.Л.* В поисках безгрешных катакомб. Церковное подполье в СССР – М., 2008. – С.272–273). Многие из выживших в годы сталинских репрессий были вновь арестованы и отправлены в ссылку в 1961.

¹⁰ Открывшаяся после войны возможность легализации подпольных православных общин обусловила их массовое возвращение в ограду церкви (по оценке А.Л.Беглова, так поступили две трети участников нелегального религиозного движения). Одновременно для общин, оставшихся в подполье (к ним относились и федоровцы), встал вопрос о более внятном определении своей позиции. См.: *Беглов А.Л.* Указ. изд. – С.215–216.

для объединения федоровцев, рассеянных по лагерям и ссылкам. С середины 1950-х Иващенко решает, что настало время выйти из подполья и исповедовать свою веру открыто. Именно с этого времени если не взгляды, то модус самовыражения федоровцев (во всяком случае, той общности, которая собирается вокруг Иващенко) заметно меняется, противостояние власти, в период жестоких репрессий перешедшее в необходимость прятаться от нее, сменяется стремлением с ней ужиться, т.е. по возможности размежеваться, но сделать это открыто, сохранив себя. Реабилитация как будто открывала федоровцам эту возможность – по меньшей мере формально (в хрущевское время многие из них будут вновь репрессированы и отправлены в ссылку¹¹, а сам Иващенко получит еще один лагерный срок¹², но в подполье федоровцы больше не уйдут).

Именно в это время, как кажется, окончательно складывается легенда о Федоре Рыбалкине как о новом мессии. Первая известная нам письменная фиксация принадлежит Арсению Иващенко – он излагает ее в своих мемуарах под названием «История наших дней», написанных в 1966 году¹³, вставляя эту историю в горестный рассказ о преследованиях своей семьи и единомышленников. Вероятно, рассказ о Федоре бытовал устно во множестве вариантов, и Иващенко выбрал лишь одну из возможных его интерпретаций. Но именно она стала ключевой для складывания мировоззрения федоровцев. В легенде рассказывается о чудесах и о проповеди Федора, о его аресте и пытках, которые он чудесным образом переносит, о его отправке на Соловки, где наконец происходит манифестация его божественной сущности, после чего он исчезает (см. полный текст легенды в конце статьи).

Как и чем закончилась судьба подлинного Федора Рыбалкина, нам неизвестно. По приговору 1926 года он был отправлен на принудительное лечение в психлечебницу¹⁴. Однако из ремарок в более поздних делах федоровцев известно, что позже он действительно был осужден и отправлен

¹¹ Основным инструментом преследований на этот раз стал принятый в мае 1961 указ «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Крестьяне, работавшие по договорам и не желавшие становиться колхозниками, обвинялись теперь не в контрреволюционной деятельности, а в тунеядстве. Об этой волне репрессий и о том, как она сказалась на движении федоровцев, рассказывает в своих мемуарах Александр Перепеченых (*Перепеченых А.Е. Трагически ужасная история XX века. Второе пришествие Христа. «У Бога камни возолюют!»* / А.Н.Перепеченых. – М., 2013. – С. 172–184).

¹² Арсений Иващенко за свою жизнь трижды подвергался арестам и заключению в лагерях, тюрьмах и специальной психиатрической больнице, годы заключения: 1937–1945, 1949–1954, 1961–1966; по собственным подсчетам, в заключении он провел 19 лет. См.: *Иващенко А. История наших дней* / А.Иващенко // Архив НИПЦ «Мемориал» (далее – История наших дней) – Ф.20. – Л.2.

¹³ История наших дней. – Л.49–55.

¹⁴ ГАОПИ ВО. – Ф.9353. – Он.2. – Д.5661. – Т.3. – Л.112.

на Соловки¹⁵, хотя никаких прямых документальных подтверждений тому не сохранилось. Этот факт заставляет гораздо внимательней отнестись к легенде как к источнику, запечатлевшему следы реальных событий, о которых у нас порой нет никаких подтвержденных сведений. Не менее важным кажется разобратся с тем, какие в ней присутствуют смысловые напластования и отсылки и почему они там оказались.

В тексте нет ни одной прямой фразы, где Федор провозглашался бы Христом, но скрытые в нем аллюзии вполне однозначно подводят читателя или слушателя именно к такому выводу. Стоит отметить, что, комментируя и разъясняя его в 1966 году уже от собственного лица, Арсений Иващенко открыто говорит о Христе, принявшем облик Федора¹⁶; его младшие единоверцы в своих переказах предваряют повествование словами о том, что это рассказ о втором пришествии Христа¹⁷. Но сам текст легенды не содержит этой констатации, а выстроен как инструмент убеждения, где заключительный вывод должен принадлежать не рассказчику, а слушателю. Именно такую цель преследуют, как кажется, рассыпанные по всему тексту довольно явно сформулированные отсылки к двум авторитетным источникам, на которых я остановлюсь подробнее. Один из них – Евангелие. Другой – довольно неожиданно – некая неизвестная статья в советском журнале. Суть этих отсылок, на мой взгляд, очень важно разобрать для понимания той роли, которую приняла на себя легенда в конце 1950-х.

Я начну со второго из них, который явился для меня большой неожиданностью. Легенда ссылается на него не только как на источник излагаемых сведений, но и как на гарантию собственной истинности – «чему свидетельствует ныне мир сей 20-го века, а наипаче Советская печать». История о Федоре Рыбалкине якобы была опубликована в одном из советских журналов, и именно ее излагает легенда. Название журнала и статьи, год его выпуска – все это остается неизвестным, содержание мы знаем только по пересказу Иващенко (именно его фиксация, как кажется, стала эталонным текстом для всех остальных рассказчиков). Но зачем ему вообще понадобилось пересказывать какую-то советскую публикацию? Советскую власть федоровцы признали вынужденно, они никогда не были ее сторонниками. Советские газеты и журналы всегда писали о них только пасквили и в глазах федоровцев никаким авторитетом не обладали. При этом Арсений Иващенко был одним из последователей Федора

¹⁵ «Винность Рыбалкина и верхушки его единомышленников в контрреволюционной деятельности была полностью доказана и Рыбалкин Федор был осужден коллегией ОГПУ к 10 годам концентрационного лагеря» (из обвинительного заключения дела 1929 г., поводом для которого стал ряд пожаров подсобных построек в с. Новая Калитва: Архив ФСБ ВО. – Д.Г-13717. – Т.5. – С.1524); «В 1926 г. Рыбалкин за активную антисоветскую деятельность был привлечен к ответственности и постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ был осужден на 10 лет заключения в Соловецкий концлагерь» (из обвинительного заключения по делу федоровцев Кантемировского района 1929 г.: ГАОПИ ВО. – Ф.9353. – Оп.2. – Д.20629. – Л.116).

¹⁶ История наших дней. – Л.75–85.

¹⁷ См., напр.: *Перепеченых А.Е.* Указ. изд. – С.26–31.

и знал его лично. Он сам писал (его проповеди федоровцы до сих пор используют на своих соборах) и, конечно, мог бы изложить историю жизни Федора как свой собственный рассказ, который в глазах единоверцев пользовался бы доверием и почтением. Почему-то ему кажется более правильным пересказать советскую статью. Почему? Думается, что роль такого острашения была двойная. С одной стороны, оно придавало свидетельству некую объективную форму, которую труднее поставить под сомнение, чем личное воспоминание. Кроме того, передавая этот рассказ, зафиксированный якобы самими гонителями Федора, Иващенко явно намекал, что в авторстве легенды скрыто объяснение подлинной природы главного героя. Кто, кроме Христа, мог бы приказать служителям Сатаны создать такой текст – прославляющий его и показывающий их беспомощность? Более того, из пересказа Иващенко можно заключить, что настоящим автором статьи (как и инициатором всех событий своего страстного цикла) был сам Федор, а сотрудники ГПУ и советский журнал явились скорее послушными его воле инструментами. То, что божественная истина возведена носителями сатанинской власти, вынужденными действовать против себя, должно было оказать мощный убеждающий эффект на потенциальных последователей их веры.

С другой стороны, отсылка к «советской печати» вскоре стала активно использоваться федоровцами как аргумент в диалогах с представителями власти – свидетельство, фиксирующее их право на свои религиозные убеждения. Уже с 1960-х годов федоровцы, не желавшие скрываться, стали отстаивать свои права, главным образом при помощи писем во власть: прокурору, уполномоченному по делам религии, начальнику воронежского КГБ и т.д., где излагались факты несправедливого отношения к федоровцам и аргументировалась их несправедливость в рамках публично заявленных принципов устройства советского общества¹⁸. В этих письмах (которые всякий раз были не только жалобой, но и проповедью) Арсений Иващенко многократно цитировал «Свидетельство советской печати», акцентируя именно «советскость» источника¹⁹. Эта ссылка имела для Иващенко не меньшую важность, чем факт его реабилитации, потому что она позволяла говорить о своей правоте в рамках не только федоровской системы взглядов, но и официальной советской.

Способ обращения к первому авторитетному источнику, т.е. к Евангелию, совершенно другой. В легенде нет ни малейшего стремления пересказать

¹⁸ «Ленинские принципы легли в основу советского законодательства о религиозных культах. В 1918 году был опубликован декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Он не только провозгласил, но и гарантировал свободу совести в нашей стране. Так поймите! Дорогие академики, профессора, доктора, юристы высших классов и весь ученый мир. Он гарантировал свободу <...> Борьбу с религией нужно вести только идейным путем, ни в коем случае не ущемляя права верующих. Точка» (Иващенко и Лепехин у прокурора Захарова // Архив НИПЦ «Мемориал». – Ф.20. – Л.10–11).

¹⁹ См., напр.: Генеральному прокурору Куроедову жалоба напоминание ЦК КПСС от Иващенко А.Е. // Архив НИПЦ «Мемориал». – Ф.20. – Л.16–17; Письмо религиоведу А.И.Демьянову // Архив НИПЦ «Мемориал». – Ф.20 – Л.1–21; и др.

какой-либо из канонических текстов, но множество ремарок в ней побуждает регулярно сравнивать читателя или слушателя описываемую историю с Новым Заветом. Федор, как и Христос, уподобляется назорею, только не символически, как в Евангелии от Матфея («И, придя, поселился в городе Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется», Мф. 2:23), а буквально, поскольку носил длинные волосы. пытки, которые применяют к Федору, рассказчик сравнивает с распятием. Чудеса, совершенные им, соответствуют чудесам Христа: «Все буквально, что написано во святом Евангелии, а именно: всевозможные болезни исцелял и только словом, очищал всех прокаженных, хромым ходить повелевал безболезненно, глухонемые говорили, изгонял бесов, открыто из мертвых словом воскрешал... 5-ю хлебами 5 тысяч насытил». Такие отсылки (как и более прямые ремарки) должны подсказать слушателю, знакомому с евангельскими текстами, кто на самом деле скрывается под именем Федора Рыбалкина, заставить его уверовать во второе пришествие и принять эту историю как некое дополнение к Священному Писанию.

При этом моменты, соотносимые с евангельским сюжетом, обретают фольклорный смысл и звучание (проявляя тем самым, вероятно, крестьянский вариант восприятия и интерпретации текстов Нового Завета). Мотив добровольного предания себя на суд и мученичество трактован в героически-сказочном ключе: совершая чудо за чудом, Федор сам приближает себя к финальной точке своей земной жизни – Соловецкому острову, а представители власти, не умея ему навредить, лишь послушно и испуганно сопровождают его, а в конце становятся евангелистами помимо своей воли. Отдельно здесь стоит остановиться на финальном эпизоде, который является апофеозом всего повествования – чудесном плавании (на Соловки Федор плывет не на корабле, а лежа на свитке, постеленной на воду) и следующем за ним преображении Федора. С одной стороны, он вызывает в памяти чудо хождения Иисуса по водам (Ин. 6:16-21, Мк. 6:47-51, Мф. 14:22-33). Главный герой явно намекает на него, когда, встав «на воде как на суше», обращается к «спецкомиссии» со словами: «Теперь достаточно вам моего свидетельства?» И дальше ведет себя с упавшей ниц «стражей» примерно как Христос с испуганными апостолами, принявшими его за призрак, – «поднял» их и «ободрил». Для понимания подлинного смысла этой сцены нужно вспомнить, как завершается соответствующий эпизод в Евангелии: «Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий» (Мф. 14:33).

В этом же эпизоде, как кажется, просматривается и другой пласт смыслов – фольклорный, сказочный, который сообщает ему не менее глубокое, но несколько иное звучание. В чудесном плавании угадывается мотив путешествия в иной мир²⁰, которое герой волшебной сказки мог совершать разными

²⁰ См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Глава 6: Переправа / В.Я.Пропп. – Л., 1986. – С.202–215.

способами, одним из которых было именно плавание, осуществляемое разными, порой необычными способами (на доске, в бочке, на летучем корабле и т.д.). Каким бы ни был сам способ, такое путешествие в сказке является скрытой метафорой смерти и похоронного обряда, сопряженного с представлениями о посмертном путешествии души. На смерть намекает и глубокий сон Федора, в который он погружается во время своего плавания, и дважды повторенное магическое число 12 – именно столько дней он плыл на свитке до Соловков, как и сопровождавший его корабль «спецкомиссии» (что, конечно, не соотносимо с реальным расстоянием и временем пути по морю до Большого Соловецкого острова). Двенадцать – знак полноты, завершенности и одновременно символ человечества, обновленного искупительной жертвой Христа²¹, – как бы вторит слову Федора, сказанному при аресте: «Совершилось». Само же слово отсылает к предсмертному восклицанию Иисуса на кресте (Ин 19:30). Евангельские и фольклорные мотивы дополняют друг друга, развертывая перед слушателем впечатляющую мистерию. Приплыв на место и очнувшись от сна, Федор в точности повторяет фразу Ивана-царевича, убитого братьями и затем оживленного его верным серым волком при помощи живой и мертвой воды: «Ах, как я долго спал!»²² Вообще, взаимоотношения Федора со «спецкомиссией» чем-то напоминают отношения сказочного героя с серым волком: в обоих случаях некая изначально злая и опасная сила начинает служить главному герою. Одновременно это вполне согласуется с христианским постулатом об объективном превосходстве Божественной силы над дьяволом, который тоже вынужден исполнять волю Господа. Таким образом, в финальной сцене (приказание Федора «оповестить весь мир» о случившемся и его исчезновение) вполне можно найти представленную в фольклоризованном виде новую смерть и воскресение Христа. В плане, более приближенном к реальности, это можно трактовать так: умерев своим земным телом (т.е. телом Федора Рыбалкина), Христос явился напоследок перед тюремщиками в своем истинном (нематериальном) облике. Отсылки к Евангелию были обращены, конечно, к людям верующим и, вернее всего, к тем, кто не признавал официальной церкви, – с ними федоровцы постоянно встречались в лагерях и ссылках, и именно их больше всего хотели видеть в своем братстве. Надо сказать, что в 1960–1970-е годы община сильно выросла за счет новых людей, переходивших к федоровцам из других истинно-православных общин или из старообрядчества, поэтому проповедническая установка Арсения Иващенко, думается, себя оправдала.

Если мы обратимся от размышлений о тексте к мыслям о подлинной судьбе Федора Рыбалкина (которая остается неизвестной), то, конечно, есть

²¹ См.: Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси (XI–XVI вв.) / В.М.Кириллин. – СПб., 2000. – С.30.

²² «Ах, куда как я долго спал!» – фраза Ивана-царевича (Об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке // Русские народные сказки: Из сборника А.Н.Афанасьева. – М., 1977. – С.131).

соблазн предположить, что автор повествования знал, как закончился его жизненный путь. Смерть во время этапа представляется вполне реальной гипотезой, особенно если учесть, что при косвенных данных в следственных документах об отправке Федора в Соловецкий лагерь, в собственно лагерных учетных бумагах никаких следов его присутствия обнаружить не удалось²³. Однако, поскольку подтвердить эту гипотезу нечем, остановимся на констатации, что это один из возможных вариантов завершения жизненного пути Федора. В любом случае отправка в Соловецкий лагерь – последнее, что мы знаем о Федоре из документов.

В ранних слухах, бытовавших в крестьянской среде о Федоре, не было однозначной уверенности в том, кто он (вернее, было множество версий, среди которых явно преобладала «царская»). Христорогическая трактовка впервые была со всей определенностью заявлена именно в легенде, транслируемой Иващенко. Сделано это не прямо, а при помощи сложных механизмов убеждения, которые как бы проявляют новый смысл в давно известной истории. Смещение смысла в трактовке фигуры Федора, скорее всего, постепенно происходило само собой²⁴, но именно Иващенко озаботился логической выстроенностью федоровской истории в целом. Легенда о Федоре в его трактовке стала тем духовным стержнем, который удержал вместе новое поколение федоровцев, состоявшее по большей части из новообращенных. Христорогическая версия легенды сообщала федоровской вере второе дыхание и оправдывала ее выбор в глазах самих федоровцев. С этого момента они осознают себя провозвестниками новой веры, нового этапа христианской истории, смысл которого они должны донести до всего человечества.

²³ На запросы, поданные «Мемориалом» в 2003 г. в архивы ИЦ МВД Архангельской области и республики Карелия, пришли ответы о том, что Рыбалкин Федор Прокофьевич ни в какой документации, связанной с учетом заключенных, не упоминается. Этот ответ вряд ли следует считать абсолютным, т.к. большая часть архива Соловецкого лагеря считается утраченной; однако стоит признать, что документальных оснований для того, чтобы говорить о пребывании Рыбалкина в каком-либо из отделений Соловецкого лагеря, у нас нет.

²⁴ Постепенное угасание монархистских настроений к 1940–1950-м годам в неофициальной религиозной среде отмечают авторы монографии о феномене самозванчества: «Монархистские надежды со временем становились все менее популярными (хотя продолжали существовать), идеологическое противостояние в рамках «монархия – советская власть» теряло реальные черты, ему на смену приходила более ограниченная, но достаточно реальная проблема: отстаивание религиозной автономии» (Алексеев В.В., Нечаева М.Ю. Указ. изд. – С.19). Федора Рыбалкина трудно назвать самозванцем – у нас нет сведений о том, что он хоть как-то принимал и поддерживал слухи о своем высокородном происхождении, но в складывании «царской» легенды о нем, несомненно, распознается тот же культурно-психологический паттерн, что и в историях самозванцев. Соответственно, смещение акцента в легенде с «монархистской» на «религиозную» версию следует той же логике.

**[Выписка из журнала советской печати²⁵]
(фрагмент воспоминаний Арсения Иващенко
«История наших дней»)**

В 1922 году в селе Новый Лиман Петропавловского района Воронежской обл. появился некто Федор Рыбалкин. Босый, без головного убора, волос как у первосвященника, или, как пишет Библия, назорейский. Одежда – простая украинская свита из овечьей шерсти, самодельная. Лютый мороз, стужа, вихри зимние, едва и скот выдерживает, а он, как в летний солнечный прекрасный день и, ничтоже сумняшеся, шагает по снегу морозному, словно летом по траве. И как только появился в село Новый Лиман, и тут же начал творить всевозможные чудеса. Все буквально, что написано во святом Евангелии, а именно: всевозможные болезни исцелял и только словом, очищал всех прокаженных, хромым ходить повелевал безболезненно, глухонемые говорили, изгонял бесов, открыто из мертвых словом воскрешал... 5-ю хлебами 5 тысяч насытил. Открывал небо пред всем народом. И грешный мир смертным своим оком каждый видел за гробом Славу предвечного Творца и повелителя. Что видите, он спрашивал и по имени многих называл. Все плакали, рыдали, с простертыми руками в небеса. Забывали и не помнили люди чудно милостию Господней. В вечности побывать... МОГЛИ. Кричали как дети малые от радости такой... неизреченной. Один кричит, я вижу ангелов бесплотных, так множество идут, другой кричит, я Матерь Пресвятую вижу, и многие другие с наслаждением слушают архангельское пение. А я, так один отвечает старичок, вижу что-то неземное, но как бы в тумане. Тут он строго сказал: верить нужно! И тогда будешь видеть ясно! И потом обратился ко всему народу и сказал: Дети мои дорогие, что видели и слышали, возблагодарите Господа Бога Всевышнего Творца живаго... А я закрываю Небо. И тут же Небо закрылось. Чему свидетельствует ныне мир сей 20-го века! А наипаче Советская печать. И в 1925 году он закончил Второе Всемирное Свидетельство. И сказал тут же власти стоящей, которая от него и не отходила все время. Сказал: теперь Я все кончил, то есть на земле. Совершилось. Теперь кончайте вы! Так он сказал кн[язю] мира сего и его сор[атникам]. И тут же Его взяли и повели в г. Богучар. За Ним последовало очень множество народа, сопровождающие горько плакали. А Он им сказал: братие и сес[тры], не плачьте обо мне, а плачьте о себе и о детях ваших. Следовательно: когда привели его в г. Богучар, там уже была приготовлена баня, раскаленная в несколько крат более обыкновенного. Врачебная комиссия, профессора совместно с Верховною

²⁵ История наших дней. – Л. 49–55. Заголовок «Выписка из журнала советской печати» отсутствует в источнике, но фигурирует в более поздних рукописных изложениях легенды, и я сочла возможным дать его в этой публикации (с соответствующей оговоркой). В воспоминаниях Иващенко легенда очевидно выделяется в потоке основного повествования своим строем и звучанием, хотя в организации рукописи эта выделенность никак не проявлена. Для публикации текст приведен в соответствие современным нормам орфографии и пунктуации, выделение отдельных слов прописными буквами соответствует такому же выделению в источнике.

Властию, сам кн[язь] мира сего и его сор[атники] сейчас же сняли с него одежду донага, распарили божественные ножки. Тщательно проверили, надеясь, что он спиртовал их. И тут же вывели его на лед. День был – лютый мороз, едва и скот выдерживал. Мороз как огонь свирепый! И не повредил он тем ногам. Всемирные мыслители тогда поняли, что они просчитались в своем плане, и больше ничего не могли придумать. Следовательно, они прекрасно понимают, с кем дело имеют. Это все равно как гвозди забить в эти же ноги, в которые и раньше забивали, или же их поставить на лед на час, на два, а хотя бы и на трое суток, все едино... плоть обуха не перешибет. И тут же закончилось второе распятие... А ОН ПОШЕЛ как и прежде летом по траве. И только было видно, как пар шел от его Ног Божественных. Премудростию сотворишь еси Аминь. И таким образом Федору тут же и закончилось испытание. Или же 2-е распятие это в г. Богучаре. Тогда Его отправили на Воронеж! А потом в Москву. И сразу посадили Его в Центральную тюрьму, поставили усиленную стражу и печать, а сами пошли совещаться, что же с ним делать. Следовательно, когда они рассуждали, какие меры остается с ним принять? А он оставляет стражу на своих постах, замки и печать, все в порядке, а сам пришел к ним в кабинет, где они совещаются. Разумеется, когда они увидели воочию пред собою стоящего Федора! Герои попадали во прахе внезапного страха. Федор их поднял, привел в порядок и сказал: вы не знаете, что со мною делать? А я вам скажу: немедленно отправьте Меня на Соловецкий остров. И, ничтоже сумняшеся, никаких противоречий, главенствующая спецкомиссия садятся в корабль, а Федор им сказал: Положу свою свитку на воду и лягу на нее, и вслед за вами поплыву, а вы за мной наблюдайте. ПОПЛЫЛИ. 12 суток плыли... а на 13-е сутки достигли гавани, то есть на место, и корабль стал. И тут же Федор стал на воде как на суше. Вдохнул глубоко... и сказал: Ах! Как я долго спал! Да, ему отвечает спецкомиссия, 12 суток спал. Тогда он еще сказал: Теперь достаточно вам моего свидетельства? И тут они попадали... И тогда Федор их поднял, ободрил и сказал: Сейчас же немедленно вернитесь в Москву и что видели и что слышали, напишите в Советской печати и оповестите на весь мир. И тут же стал невидим... Наконец и Богу слава, Аминь, Аминь, Аллилуйя, Аминь. Советская печать была оглашена повсюду в мире.

Наталья Гончаренко

Неизвестный архив биолога Бориса Сукачёва. Переписка и круг общения

**Наталья Валерьевна
ГОНЧАРЕНКО**

*историк,
заместитель директора
Иркутского областного
краеведческого музея
им. Н.Н.Муравьева-Амурского
по экспозиционно-
выставочной работе*

canabushka@mail.ru

В 2018 в Эстонии в Музее истории университета Тарту был обнаружен ранее не изучавшийся мемориальный архив биолога Бориса Владимировича Сукачёва. Целью настоящей статьи является краткий обзор этой новой источниковой базы, на сегодняшний день почти неизвестной широкому кругу исследователей. Между тем документы, входящие в состав анализируемого архива, представляют новые сведения о людях из круга общения Бориса Сукачёва, переписка с которыми отложилась в мемориальной архивной коллекции, и тем самым открывают некоторые новые данные об истории российской науки.

Борис Владимирович Сукачёв (1874, Киев – 1934, Париж) – зоолог, выпускник Санкт-Петербургского Императорского университета, сотрудник Зоотомического кабинета Петербургского университета (1896–1906), Зоотомического кабинета Юрьевского университета (1906–1914), парижского госпиталя Сальпетриер и морской биологической станции в г. Баньюльс (Франция).

Борис Сукачёв родился в 1874 в Киеве в семье общественного деятеля, благотворителя и мецената Владимира Платоновича Сукачёва. В начале 1880-х вместе с родителями Борис приехал в Иркутск. После завершения обучения в иркутской классической гимназии он поступил в Санкт-Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета и окончил его в 1896. Как подающий надежды молодой ученый «с целью приготовления к профессорскому званию»¹ Борис Сукачёв был оставлен при университете на кафедре зоологии беспозвоночных. С 1897 по 1905 он работал лаборантом под руководством известного ученого Владимира Шевякова в Зоотомическом кабинете Санкт-Петербургского университета. В 1906 Б.В.Сукачёв переехал в г. Юрьев (ныне г. Тарту, Эстония), где стал магистрантом физико-математического факультета Юрьевского университета, одновременно работая лаборантом Зоотомического кабинета под руководством профессора К.К.Сент-Илера.

С началом Первой мировой войны Б.В.Сукачёв был откомандирован из Тарту на общество Красного Креста, где служил заведующим канцелярией медицинской части Управления главноуполномоченного. После окончания войны он не вернулся в Россию, оставшись в эмиграции. Последние годы жизни ученый провел в Париже, работая в госпитале Сальпетриер и на морской биологической станции в г. Баньюльс под руководством профессора Октава Дюбоска.

Борис Сукачёв скончался 14 мая 1934 в Париже. Траурная церемония прошла в узком кругу близких людей в православном соборе Александра Невского на улице Дарю. Похоронен Б.В.Сукачёв на кладбище Банье.

Относительно судьбы его архива известно, что перед отъездом из Тарту на фронт в 1914 он оставил свои документы, и прежде всего, многолетнюю переписку на кафедре беспозвоночных в университете, где его архив пролежал, никем не востребованный, до 1987 года. Затем документы Б.В.Сукачёва были переданы в Музей истории университета Тарту и частично – в Отдел редких книг и рукописей университетской библиотеки.

Изучение документов мемориального архива Б.В.Сукачёва, расшифровка и введение в научный оборот начались лишь в 2018. Некоторая часть письменных источников и фотографий была опубликована в книге «Сукачёвы. История одной семьи»², изданной в Иркутске в 2019. В 2021 сотрудники Музея истории университета Тарту оцифровали документы, входящие в состав музейного архива, и выложили их в открытый доступ на сайте³.

¹ Архив Музея истории университета Тарту. – ÜAM 1033:004. – L.1р.

² Гончаренко Н.В. Сукачёвы. История одной семьи / Н.В.Гончаренко. – Иркутск: ООО «Артиздат», 2019. – 428 с., ил.

³ См.: <https://www.muis.ee/search>. Поиск осуществляется на эстонском языке. Письма, адресованные Б.Сукачёву, – во вкладке Boriss Sukat ovile; письма, написанные им, – Boriss Sukatšovi.

Мемориальный архив Бориса Владимировича Сукачёва представляет собой массив документов, насчитывающий около полутора тысяч письменных источников, 141 фотографию, большое число негативов, несколько книг и одно живописное полотно. Хронологические рамки охватывают значительный период времени – с 1874 по 1910 годы. Основную часть архива составляет переписка Б.В.Сукачёва с членами семьи, дальними родственниками, друзьями и коллегами. Именно она представляет наибольший научный интерес. Изучение эпистолярия Бориса Владимировича Сукачёва позволяет выявить обширный круг его общения и получить некоторые новые сведения по истории России второй половины XIX – начала XX века.

Борис Сукачёв был старшим сыном Владимира Платоновича Сукачёва – иркутского городского головы, известного сибирского общественного деятеля, благотворителя и коллекционера, создателя первой за Уралом публичной картинной галереи, председателя Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Восемьдесят три письма отца к сыну содержат уникальный фактографический материал по истории Иркутска и Сибири. Владимир Платонович Сукачёв в деталях описывает то, что происходит в жизни его семьи и в Иркутске в целом: это городские события, судьбы общих знакомых, выборы в городскую Думу, семейные дела. Многостраничные послания отца к сыну, очень личного доверительного характера, также раскрывают мотивы его поступков и отношение к тем или иным событиям, происходившим в России в то время. Так, по поводу студенческих волнений 1890-х годов, которые не могли не затронуть Бориса Сукачёва, учившегося, а затем работавшего в указанный период в Санкт-Петербургском университете, отец писал ему:

30.03.1893.

Читая твое письмо, я совершенно перенесся мыслью на двадцать пять лет назад, видел перед собой бестолковую толпу молодежи, готовую каждую минуту поддаться первому впечатлению, поверить самому неосновательному слуху, уцепиться за любой факт, будь он в виде кем-то заподозренного шпиона «штатского» или чего другого, слышал ваши восторженные, но вполне беспочвенные речи, чувствовал вашу самоотверженную готовность пострадать за что бы то ни было и во что бы то ни стало... Помни, друг мой дорогой, что университет – храм науки, а не задорного политиканства⁴.

В письмах В.П.Сукачёва к сыну можно встретить описания его рабочих встреч с различными людьми, начиная от членов императорской фамилии и заканчивая воспитанниками училища для слепых. Несмотря на то что характер его посланий к сыну был исключительно личный, не предназначенный для обнародования, письма написаны литературным, образным языком:

⁴ Гончаренко Н.В. Указ. изд. – С.120–121.

05.02.1890.

Бал был великолепен. Убранство зала роскошной тропической зеленью, среди которой стояли чудесные статуи, произведения величайших *maestro*; богатство сервировки и изысканность всех угощений; наконец, костюмы дам, на плечах которых красовались богатства подземного и подводного миров, – все это производило большое впечатление. Роскошнее всех была одета сама Государыня. Я и забыл сказать, что вслед за представлением Государю я был представлен Государыне, которая удостоила меня *baiser-main*⁵ и приветливо расспрашивала про мою судьбу и про Сибирь. Государыня была в светло-желтом платье, убранном громадными аметистами и кружевами из жемчуга и бриллиантов»⁶.

Помимо писем от отца, мемориальный архив Б.В.Сукачёва включает в себя 139 писем от матери Надежды Владимировны, 66 писем от брата Platona, 30 писем от брата Владимира и 11 писем от сестры Анны. Кроме того, архив содержит незначительное число писем, открыток и телеграмм от различных родственников Сукачёвых: Александра Константиновича Трапезникова – купца и золотопромышленника, почетного гражданина Иркутска, гласного городской Думы; Льва де Витта – археолога, кавалериста, офицера лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, начальника 11-й кавалерийской дивизии, эмигрировавшего во Францию⁷; Анны Владимировны Бородиной⁸; Софьи Исаевны Долженковой-Любим (урожд. Эбелловой) и других лиц.

Значительную часть эпистолярного блока архива Бориса Сукачёва составляет переписка с его первой женой Марией Высоцкой, второй женой Ольгой Кончевской, а также ее матерью Надеждой Владимировной Кончевской, известной в русских эмигрантских кругах как секретарь Элизе Реклю, падчерица Льва Мечникова и жена революционера-семидесятника Л.Э.Шишко.

Первым браком Борис Владимирович Сукачёв был женат на Марии Владимировне Высоцкой, внучке декабриста Александра Поджио. Мария, или Мэри, как ее называли в семье, родилась и жила во Флоренции, где ее мать, Варвара Высоцкая, держала пансион для русских. Мария была художницей. К сожалению, сохранилось всего несколько полотен ее кисти, наиболее интересным

⁵ *baiser-main* (фр.) – поцелуй руки.

⁶ Гончаренко Н.В. Указ. изд. – С.96–97.

⁷ Лев Владимирович де Витт (1861 – после 1919) – офицер российской армии, генерал-лейтенант (1910). Окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба, офицерскую кавалерийскую школу, Санкт-Петербургский археологический институт. Возглавлял Елисаветградское кавалерийское училище (1904–1905), затем Николаевское кавалерийское училище (1905–1910). Автор книг по теории верховой езды.

⁸ Анна Владимировна Бородина (урожд. Долженкова-Любим 1856–1928) – жена известного ученого в области железнодорожного транспорта, основателя русской школы паровозостроения Александра Парфеньевича Бородина. Издатель журнала «Инженер» (1898–1907). Близкий друг и одна из постоянных корреспонденток поэта и переводчика И.Ф.Анненского. Благотворительница, член киевского Общества покаяния помощи больным детям.

из которых является портрет ученого Григория Николаевича Потанина, демонстрирующийся в Иркутском областном художественном музее. Судьба большинства ее произведений пока остается неизвестной. Многочисленные письма Марии к Борису – сначала жениху, затем мужу – написаны на французском языке. Пока расшифрована лишь небольшая их часть, но и в этих посланиях раскрывается личность незаурядной женщины – хрупкой и вместе с тем полной внутренней силы и глубоких чувств. Мария была ученицей итальянского мастера Джузеппе Чиаранфи (1838–1902), преподававшего в Академии изящных искусств Флоренции. В письмах к Борису Мэри часто делится своими мыслями об искусстве и переживаниями по поводу своего творчества:

14.06.1896.

Я провожу свои дни за рисованием и чтением. Временами на меня находят тоска, когда все выходит из рук вон плохо, но и она сменяется внезапным приливом сил – в такие моменты становится ясно, что подобного рода взлеты и падения помогают нам не опускать руки в отчаянии. К тому же живопись – истинная чародейка, манящая, пленяющая, способная открыть перед нами чарующие горизонты, равно как и заставить потерпеть внезапное поражение – однако оттого мы ею очарованы ничуть не меньше⁹.

Благодаря знакомству с семьей Высоцких Сукачёвы приобрели новых родственников и друзей. Письма от некоторых из них также содержатся в архиве Бориса Сукачёва. Это мать Мэри, Варвара Александровна, ее отец Владимир Степанович Высоцкий, служивший на таможне в Вержболово (ныне литовский город Вирбалис). Это ее сестры – Ольга и Нелли, а также близкий друг семьи Высоцких, Любовь Ивановна Челюсткаина (Челюскина), известная под сценическим псевдонимом Альбини. В архиве Бориса Сукачёва хранится лишь одно письмо от Альбини – поздравление на годовщину свадьбы Бориса и Мэри. Но зато имеется несколько фотографических снимков, сделанных, очевидно, самим Борисом Сукачёвым, поскольку известно, что он увлекался фотосъемкой. Альбини была незаурядной личностью. Обладая неплохим голосом, она в молодости брала уроки вокала за границей, в частности у Полины Виардо. О ней писал в своих воспоминаниях Сергей Михайлович Волконский:

Высокая, огромная, с седыми стриженными волосами, синьора Альбини известна всей Флоренции. Она похожа на гренадера в юбке, но в гостиной висит ее портрет в костюме пажа из «Гугенотов»¹⁰.

⁹ Гончаренко Н.В. Указ. изд. – С. 49.

¹⁰ Волконский С.М. От Испании до Флоренции: Портреты ушедших людей / С.М.Волконский // Волконский С.М. Мои воспоминания: в 2 т. – Берлин: Медный всадник, 1923. – http://az.lib.ru/w/wolkonskij_s_m/text_1923_moi_vospominania-2.shtml (дата обращения: 17.01.2022).

Закончив сценическую карьеру, Альбини стала компаньонкой Варвары Высоцкой и управляла тремя ее пансионами в Италии.

Брак Бориса Сукачёва с Марией Высоцкой продолжался всего семь лет. В 1905 супруги развелись, в 1907 Мария умерла, а спустя два года Борис Сукачёв обвенчался в Париже в храме Александра Невского с Ольгой Кончевской. В тартуском архиве сохранились не только письма Ольги к Борису, но и его письма к ней. Послания Ольги написаны по-русски, они лапидарны и малосодержательны. Возможно, это объясняется тем, что родившаяся и выросшая во Франции Ольга лучше владела французским языком. Это отличает послания Ольги от подробных писем ее матери – Надежды Владимировны Кончевской, адресованных дочери. В архиве Бориса Сукачёва сохранилось более 300 листов, написанных рукой Н.В.Кончевской.

Отдельный, довольно значительный блок в архиве – письма от друзей Бориса Сукачёва. Среди них стоит упомянуть однокашника по иркутской гимназии, в будущем ученого-ихтиолога, автора многих научных работ, посвященных биологии и промыслу лососевых и осетровых рыб, Владимира Константиновича Солдатова. В своих письмах он делится впечатлениями об экспедициях, в которых он принимал участие, – например, о Мурманской научно-промысловой экспедиции 1899–1906 годов, которая осуществлялась под руководством профессора Н.М.Книповича, или об экспедиции в Северо-Восточную Монголию и на Хинган, в которой он принимал участие по приглашению Григория Потанина:

13.10.1899.

После монгольской жизни рассчитывал увидеть здесь совсем другое, но, как оказывается, жестоко ошибся: все у нас та же монгольщина с господством палки и кнута с полным бесправием личности, но только замаскированная и задрапированная в европейскую одежду¹¹.

Борис Сукачёв дружил и вел активную переписку с супругами по фамилии Гейнац. Владимир Николаевич Гейнац – военный врач, служил в Санкт-Петербургском клиническом военном госпитале и в жандармском дивизионе. Его жена Наталья Александровна, урожденная Эшлиман, – дочь ученого-механика Александра Карловича Эшлимана и внучка композитора А.Н.Верстовского. Их совместные письма к Борису Сукачёву полны юмора и дружеских шуток. Всего в тартуском архиве Б.В.Сукачёва содержится 11 писем от Владимира и Натальи Гейнац.

Еще одна супружеская пара из дружеского окружения Бориса Сукачёва – это Михаил и Екатерина Рейснеры, с которыми он познакомился в Гейдельберге. Михаил Андреевич Рейснер – русский ученый-юрист, публицист и историк,

¹¹ Архив Музея истории университета Тарту. – ÜAM 727:176 Ar. – Л.1.

впоследствии участник революционного движения; отец известной революционерки, участницы гражданской войны в России Ларисы Рейснер. Архив Бориса Сукачёва содержит не только два письма от Рейснеров, но и фотографию, о которой идет речь в послании М.Рейснера:

18.12.1897.

Достопочтенный барон, надеюсь, Вы еще не забыли своего заграничного титула? Позвольте выразить Вам глубочайшую признательность от лица мастерски Вами изображенных портретов. Мы и весь пансион в восхищении. Особенно хорошо вышел на фотографии дождь и нос Вашего покорнейшего слуги. Потомство, оставленное Вами в Гейдельберге (две ящерицы), просят передать Вам их поздравления¹².

В круг общения Бориса Сукачёва входила также Мария Сергеевна Коноплева – в будущем историк, искусствовед, сотрудник Русского музея и Эрмитажа, автор блокадного дневника. Архивная коллекция содержит 8 ее обстоятельных, порой с остроумными замечаниями писем.

Значительную часть мемориального архива Б.В.Сукачёва (около 100 единиц хранения) составляют письма от его коллег – ученых-биологов. Среди них можно упомянуть немецкого профессора Отто Бючли, внесшего большой вклад в развитие цитологии; протозоолога, шефа Бориса Сукачёва по Зоотомическому кабинету Санкт-Петербургского университета Владимира Тимофеевича Шевякова; энтомолога Михаила Николаевича Римского-Корсакова; биолога, ихтиолога Сергея Васильевича Аверинцева; зоолога Александра Кельсиевича Линко; иммунолога, эволюциониста Сергея Ивановича Метальникова (его брат-близнец Николай Метальников был депутатом 1-й Государственной Думы); будущего члена-корреспондента Парижской академии наук Константина Николаевича Давыдова; энтомолога Владимира Владимировича Редикорцева и др.

Стиль их писем достаточно разнообразный – как предельно лаконичный, касающийся решения конкретных рабочих вопросов, так и обстоятельный. Так, В.Т.Шевяков писал Борису Сукачёву в 1902:

08.09.1902.

Очень рад, что Вы привели в порядок наш кабинет, и благодарю Вас за хлопоты. Занимающихся можно сажать по шесть в комнату и, в случае надобности, еще в комнату для практических занятий. Что касается перенесений аквариумов в комнату рядом с прихожей, то это опасно, т.к. гг студенты (особенно I курс) в промежутке между лекций любят бросать в аквариум окурки, котор[ые] не особенно благотворны для жизни аквариумов... Вещи Ваши поручу выслать, если только

¹² Архив Музея истории университета Тарту. – ÜAM 1727:247 Ar. – L.3.

не превысят 100 кило, – придется делать 3 ящика: 1) для книг и микротомов, 2-й для материала и 3-й для микроскопов¹³.

Владимир Редикорцев не только подробно описывал свои научные занятия и исследования, но и сопровождал тексты выразительными рисунками. Петр Сушкин печатал свои достаточно длинные послания на пишущей машинке, а Александр Линко ограничивался размером открытого письма.

Каждый документ из обширной переписки Б.В.Сукачёва представляет собой ценный исторический источник. Полагаем, что значимость мемориального архива Бориса Владимировича Сукачёва для науки еще предстоит определить в будущем.

---

¹³ Архив Музея истории университета Тарту. – ÜAM 1727:393 Ar. – L.1–2.

Андрей Живюк

УНКВД по Ленинградской области в годы Большого террора: завскладом Юрчук и фельдъегерь Чекманов

**Андрей Анатольевич
ЖИВЮК**

*профессор истории
Международного
экономико-гуманитарного
университета
им. Степана Демьянчука,
г. Ровно, Украина*

*derzhy60@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9031-880X>*

«Черный ворон» вывез многих
В никуда во цвете лет.
В прошлом – страхи и тревоги,
Их теперь как будто нет.
Нет сегодня. А потом как?
Жутки шорохи ночей...
Назовите для потомков
Палачей и стукачей!

*Памятный знак «Георгий
Георгиевич Миепупинен».
Мемориальное кладбище
«Левашовская пустошь»,
Петербург*

Начиная примерно с 2008 года в украинской историографии произошла «архивная революция», связанная с открытием частичного, а с 2015 года – полного доступа к документам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 годов. В результате исследователи получили возможность не только изучать архивно-криминальные дела репрессированных в советское время граждан, но и беспрепятственно знакомиться с личными делами сотрудников ВЧК–ГПУ–НКВД–МГБ–КГБ,

данными об агентуре, приказами, инструкциями, внутренней перепиской этих органов, что позволило выйти на качественно новый уровень исследований репрессивной политики в СССР. Промежуточным итогом осуществления исследовательских проектов с участием украинских и зарубежных ученых стал ряд изданий, опубликованных в последнее время¹.

Среди перечисленных в прим. 1 документов имеется значительная часть тех, которые в той или иной степени касаются советских репрессий и их исполнителей в разных регионах Советского Союза, где доступ к такого рода источникам затруднен вследствие продления «срока засекреченности», или же их рассекречивание ограничено политическими либо идеологическими мотивами. Среди них находим источники, связанные с деятельностью органов НКВД Ленинградской области в годы Большого террора.

Как известно, Большой террор 1937–1938 включал ряд национальных операций, как санкционированных отдельными приказами наркома Н.Ежова, так и проводимых без таковых.

Польская операция осуществлялась в соответствии с приказом №00485 от 11.08.1937. Она была крупнейшей в череде «национальных операций НКВД». В рапорте Сталину о первых трех неделях ее проведения Ежов представил Советский Союз как страну, наспигованную польскими шпионами, диверсантами и врагами. Он утверждал, что польские шпионы находятся на ключевых предприятиях военной промышленности, что разведчики II отдела Генерального штаба Войска Польского регулярно информируют Варшаву об оборонном потенциале СССР, что многочисленные структуры фиктивной Польской военной организации разбросаны по территории всей страны, изменники есть в рядах Красной армии и даже НКВД². Одним из этих «изменников» оказался сотрудник погранчастей НКВД Мирон Юрчук.

Официальной директивы о начале «финской операции» выпущено не было, но органы НКВД Ленинграда и области начали «чистить» финнов (ингерманландцев) по собственной инициативе начиная с сентября 1937. Немного позже, 14 декабря 1937, вышла директива НКВД о распространении репрессий по так называемой «латышской линии» на финнов, эстонцев, литовцев

¹ Чекисты на скамье подсудимых: Сборник статей / Сост. М.Юнге, Л.Виола, Дж.Россман. – М., 2017. – 680 с.; Юнге М. Чекисты Сталина: Мощь и бессилие: «Бериевская оттепель» в Николаевской области Украины / М.Юнге. – М., 2017. – 352 с.; Відлуння Великого терору: Збірник документів: в 3 т. – Т.1: Партійні збори та оперативні наради співробітників управліннь НКВС УРСР (листопад 1938 – листопад 1939 рр.) / Автори-уклад. В.Васильев, Л.Виола, Р.Подкур. – Київ, 2017. – 744 с.; Т.2: Документи з архівних кримінальних справ на співробітників органів НКВС УРСР, засуджених за «порушення соціалістичної законності» (жовтень 1938 р. – червень 1943 р.). Кн. 1–2 / Автори-упоряд. С.Кокін, Д.Россман. – Київ, 2019. – 728 с., 824 с.; Т.3: Чекісти Сталіна в лещатах «соціалістичної законності»: Его-документи 1938–1941 рр. / Автори-уклад. А.Савін, О.Тепляков, М.Юнге. – Київ, 2019. – 936 с.

² См.: Польша та Україна у тридцятих–сорокових роках ХХ століття: Невідомі документи з архівів спеціальних служб. – Т.8: Великий терор: Польська операція 1937–1938. – Ч.1–2 / Упоряд. Є.Беднарек [та ін.]. – Варшава; Київ, 2010. – 1984 с.

и болгар. Ударными темпами работала специальная следственная бригада, получившая среди посвященных название «железная», или «стальная». Она была создана в Медвежьегорске в декабре 1937 специально для работы по финской операции, возглавлял ее лейтенант госбезопасности Николай Тидор, к которому в Медгору со всей республики этапировали арестованных финнов. Медгора стала и главным местом расстрела по приговорам двойки³. Именно к этой бригаде для ведения следствия и исполнения приговоров был привлечен начальник экспедиции фельдсвязи Сергей Чекманов.

Теперь о том, почему архивные дела Мирона Юрчука и Сергея Чекманова оказались в Ровно. Это связано с логистикой деятельности учетно-архивных подразделений органов КГБ и МВД в послевоенный период, когда архивно-следственное дело (АСД) репрессированного отправлялось по месту его рождения или постоянного жительства, а личное дело сотрудника органов следовало за ним по месту его службы и оставалось там, где он ее заканчивал. Поэтому АСД Мирона Юрчука было отправлено в Ровенскую область, где он родился и жил до призыва в Российский императорский флот, личное же дело Сергея Чекманова осталось в Ровно, поскольку, работая здесь, он был в 1958 уволен из органов МВД.

Мирон Игнатьевич Юрчук родился 17 августа 1888 в с. Липки Межиричской волости Ровенского уезда Волынской губернии, расстрелян 12 ноября 1937 в Ленинграде. М.Юрчук окончил сельскую школу, служил на Балтфлоте (1909–1921, после окончания Кронштадтской школы командоров – старший командор на эсминце «Инженер-механик Дмитриев», который в ноябре 1917 вошел в состав Красного Балтфлота), затем (1921–1926) в пограничной и внутренней охране ВЧК–ГПУ, работал разъездным агентом на Мурманской железной дороге, завхозом техникума сценического искусства (1927–1931) и на морской базе ОГПУ–НКВД (1932–1937), последняя должность – главный старшина – содержатель складов спецснабжения морских погранчастей НКВД. Вероятно, работая завхозом в техникуме, получил квартиру в доме, где он располагался, – на Моховой, 34. С августа 1927 – член ВКП(б). Арестован 25 августа 1937, обвинен в принадлежности к «польской контрреволюционной военной организации ПОВ» и шпионаже в пользу Польши (ст. 58–6–10–11 УК РСФСР), расстрелян по постановлению комиссии НКВД и прокурора СССР от 3 ноября 1937 комендантом УНКВД по Ленинградской области А.Поликарповым (акт об исполнении приговора от 12 ноября 1937)⁴.

³ См.: Чухин И. Карелия–37: Идеология и практика террора / И.Чухин. – Петрозаводск, 1999. – 162 с.; Такала И. Большой террор в Карелии: Альманах североевропейских и балтийских исследований / И.Такала // Nordic and Baltic Studies Review. – 2018. – Issue 3. – С. 143–207.

⁴ Державний архів Рівненської області (далее – ДАРО). – Ф.Р-2771. – Оп.2. – Д.3581. Дело по обвинению Юрчука Мирона Игнатьевича. См.: Юрчук Мирон Игнатьевич // Открытый список. – [https://ru.openlist.wiki/Юрчук_Мирон_Игнатьевич_\(1888\)](https://ru.openlist.wiki/Юрчук_Мирон_Игнатьевич_(1888)) (дата обращения: 16.12.2021).

Дело по обвинению и реабилитации М.Юрчука содержит ряд ценных документов, которые относятся к 1939 и 1955 годам и касаются репрессий, проводимых УНКВД по Ленинградской области во время Большого террора.

В 1958 дочь М.Юрчука – жительница поселка Волосово Ленинградской области Тамара Коренкова – добивалась реабилитации своих родителей (19 октября 1937 была арестована и 21 ноября того же года расстреляна его жена Мария Юрчук)⁵. Определением Военного трибунала Ленинградского военного округа (ЛВО) от 1 октября 1958 постановления комиссии НКВД и прокурора СССР относительно Мирона и Марии Юрчук были отменены, а дела прекращены за отсутствием состава преступления⁶.

Рассматривая заявление дочери, органы военной прокуратуры истребовали документы, связанные с лицами, причастными к аресту и осуждению М.Юрчука и его жены. Таким образом в его деле оказались копии постановления, утвержденного заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области майором госбезопасности Николаем Лагуновым от 17 июня 1939 о следственном деле по обвинению Михаила Рассохина и Петра Кордонского, и приговоры военного трибунала войск НКВД Ленинградского округа от 1–3 октября 1939 по делу бывшего начальника 7-го отделения особого отдела НКВД по Ленинградскому военному округу сержанта госбезопасности Петра Виноградова и от 13–15 ноября 1939 по делу бывшего начальника 8-го отделения того же отдела лейтенанта госбезопасности Григория Богданова.

Из постановления, в частности, мы узнаем:

<...> на протяжении 1937–1938 гг. под руководством бывшего начальника V отдела Управления госбезопасности (УГБ) УНКВД Ленинградской области Никоновича проводилась преступная практика в оперативно-следственной работе. Производили незаконные аресты лиц без наличия материалов об их преступной деятельности, фальсифицировали показания обвиняемых, которых заставляли подписывать вымышленные показания под влиянием методов физического воздействия. Установлено, что кроме привлеченных лиц по данному делу в избииении арестованных и фальсификации следственных дел принимали участие и другие сотрудники Особого отдела (ОО) УГБ НКВД Ленинградского военного округа: [Константин] Самохвалов, [Николай] Кудря, [Петр] Люткевич, [Михаил] Литвиненко, [Петр] Чистяков, [Иван] Комзиков, [Иван] Марков, [Анатолий] Бобылев, [Иван] Лещенко, [Петр] Зеленюк, [Семен] Черник, [Григорий] Богданов, [Яков] Городищер, Чижевский, [Петр] Жур, Мельников, что касается [Леонида] Заковского, Николаева, [Натана] Шапиро, [Михаила] Литвина, [Владимира] Никоновича, [Николая] Авдеева, последние арестованы, а [Сергей] Костюк в 1937 г. умер⁷.

⁵ ДАРО. – Ф.Р-2771. – Оп.2 – Д.3581. – Л.50–52.

⁶ Там же. – Л.90–92.

⁷ Там же. – Л.74.

Материалы, касающиеся перечисленных сотрудников, были выделены в отдельное производство.

В приговоре относительно Петра Виноградова, который в 1937–1938, кроме исполнения обязанностей помощника начальника 4-го отделения 5-го отдела УНКВД Ленинградской области, являлся секретарем парткома отдела, указано, что он «не только не реагировал на имевшие место грубые извращения в оперативно-следственной работе со стороны быв[ших] руководящих работников и ныне осужденных Авдеева и Никонович, но и сам в этом принимал активное участие, ориентируя и внедряя эту преступную практику подчиненным ему работникам». Будучи оперуполномоченным, Виноградов «путем уговоров под “честное слово” о том, что “протоколы допросов в дальнейшем будут изменены”, убеждений, принуждений, под угрозой репрессий и применения физических мер воздействия добился подписания вымышленных им протоколов допроса на бывш[их] работников» Ленинградской Госпитальной базы флота (ГБФ), один из арестованных 3 августа 1938 «был доведен до бессознательного состояния» (из-под стражи впоследствии все освобождены)⁸.

В приговоре военного трибунала начальнику 8-го отделения Григорию Богданову вменено в вину, что он «приказывал оперативным работникам отделения понуждать арестованных подписывать вымышленные <...> протоколы. Для этой <...> цели применялись методы избиения арестованных, бесконечные стойки, уговоры и другие незаконные действия». Доведенные до «физического и морального истощения» арестованные подписывали эти протоколы. Таким образом, Богдановым и оперативными работниками его отделения «были сфальсифицированы дела на 45 человек, из которых 32 человека расстреляны без всяких оснований». Трибунал приговорил Богданова к высшей мере наказания – расстрелу⁹.

Из тридцати одного сотрудника ОО НКВД Ленинградского военного округа и 5-го (контрразведывательного) отдела УНКВД Ленинградской области, включая руководство УНКВД, которые фигурируют в документах по делу Мирона Юрчука и были причастны к грубейшим нарушениям законности в 1937–1938, в ходе кампании по так называемой «зачистке “чистильщиков”» были привлечены к ответственности лишь девять человек (Леонид Заковский, Натан Шапиро-Дайховский, Николай Авдеев, Григорий Богданов приговорены к расстрелу, Петр Виноградов, Петр Кордонский, Владимир Никонович, Михаил Рассохин, Константин Самохвалов – к разным срокам лишения свободы), двое – Михаил Литвин и Александр Поликарпов – покончили жизнь самоубийством. Шестнадцать изблеченных сотрудников ушли от ответственности (двое из них – Анатолий Бобылев и Александр Российский – впоследствии дослужились до

⁸ Там же. – Л.75–76.

⁹ Там же. – Л.77.

генералов), информации о еще четверых обнаружить не удалось. Большинство из названных лиц внесены в базу данных «Мемориала» «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939»¹⁰. Как видим, выявленные документы могут быть использованы для дополнения и уточнения информации в базе данных.

Теперь о личном деле сотрудника НКВД–МВД Сергея Чекманова. Оно примечательно тем, что в 1937–1938 С. Чекманов оказался одним из исполнителей Большого террора в Карелии, в Медвежьегорске, направленного против ингерманландцев.

Чекманов Сергей Степанович родился 7 октября 1908 в с. Проскурниково Михневской волости Серпуховского уезда Московской губернии, умер 28 декабря 1962 в Ровно. В 1933–1958 служил в системе НКВД–МГБ–МВД, в частности в 1933–1938 – в фельдъегерской службе: фельдъегерем, помощником оперуполномоченного отдела связи полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе, начальником экспедиции фельдсвязи при Шлиссельбургской погранкомендатуре, начальником фельдъегерского пункта при Шлиссельбургском городском отделе НКВД. 17 июля 1938 уволен «за невозможность дальнейшего использования» с должности начальника экспедиции фельдсвязи Медвежьегорского районного отдела НКВД.

В 1939–1941 работал в Медвежьегорском райкоме ВКП(б). Возвращен в органы НКВД 13 сентября 1941 на должность секретаря парторганизации Особого отдела НКВД Карельского фронта; во второй половине 1943 – оперуполномоченный отдела контрразведки «Смерш» 7-й воздушной армии.

С 1943 – начальник отделения 1-го спецотдела, начальник учетно-регистрационного отдела УНКВД–УМГБ по Запорожской области, с 1952 – на аналогичных должностях в УМГБ–УМВД Ровенской области, уволен в запас с должности начальника отдела уголовного розыска УВД¹¹. В Ровенскую область С.Чекманов был переведен в связи с решением ЦК ВКП(б) в августе 1951 о направлении его жены, Елизаветы Шуньгиной, уроженки г. Санкт-Михель (Миккели) в Финляндии, окончившей ЛФЭИ (Ленинградский финансово-экономический институт), на должность управляющей Ровенской областной конторой Госбанка СССР¹².

В своей объяснительной записке, представленной в связи со специальной проверкой заместителю начальника УНКВД Запорожской области майору госбезопасности Горбунову 28 июня 1945, начальник 2-го отделения 1-го спецотдела этого же УНКВД майор госбезопасности С.Чекманов написал:

¹⁰ Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. – <https://nkvd.memo.ru/index.php> (дата обращения: 25.12.2021).

¹¹ Архів Управління Міністерства внутрішніх справ України в Рівненській області (далее – АУ МВС України в РО). – Ф.27. – Д.11611. – Личное дело Чекманова Сергея Степановича, послужной список. – Л.9–10.

¹² Там же. Архивные материалы. – Л.37.

Сообщаю о сути поставленного Вами вопроса о причинах моего увольнения из органов НКВД. Из органов НКВД я был уволен в июле месяце 1938 г. с должности начальника отделения фельдсвязи Медвежьегорского РО НКВД Карельской АССР. Во время вызова в отдел кадров НКВД Карельской АССР мне заявили, что Вас увольняют за халатное отношение к работе, которое проявилось в том, что я якобы не обеспечиваю руководство аппаратом отделения. На протяжении нескольких месяцев не контролирую и не воспитываю личный состав, в результате чего со стороны отдельных сотрудников отделения были ряд случаев нарушения чекистской дисциплины и два случая криминальных проявлений со стороны двух инкассаторов, которые занимались кражами денег из баулов во время инкассации торговых точек, за что были привлечены к уголовной ответственности и осуждены Военным Трибуналом. Действительно, такие факты имели место, но причина, какая послужила этому, не мое халатное отношение к работе, а то, что я на протяжении 6 месяцев был оторван от своих непосредственных обязанностей, поскольку начальником РО был привлечен к оперативной работе и по сути занимался лишь оперативно-следственной работой и исполнением приговоров¹³.

В другой объяснительной записке, написанной почти через два года, 29 мая 1947, на имя заместителя начальника УНКВД Запорожской области майора Попова, С.Чекманов уточнил обстоятельства, повлекшие его увольнение из органов НКВД в 1938:

Я на протяжении 7–8 месяцев был фактически оторван от своих непосредственных обязанностей, поскольку начальником РО и руководителем оперативной группы был привлечен к оперативной работе и по сути занимался исключительно оперативно-следственной работой по группе карело-финских националистов и по исполнению приговоров. Совершенно понятно, что, имея это задание, с моей стороны контроль и руководство за отделением были ослаблены¹⁴.

Как указано выше, с декабря 1937 в Медвежьегорске работала «железная» (или «стальная») следственная бригада во главе с Николаем Тидором, в распоряжение которой со всей Карелии этапировали арестованных финнов. По нашему мнению, к работе именно этой бригады, занимавшейся расследованием дел и исполнением приговоров по «карело-финской операции»¹⁵, был привлечен С.Чекманов, став одним из perpetrators (исполнителей преступления). Как видим, состав бригады Н.Тидора вследствие массовости проводимых арестов комплектовался из работников разных подразделений НКВД,

¹³ Там же. Материалы спецпроверки. – Л.25.

¹⁴ Там же. Архивные материалы. – Л.30.

¹⁵ *Такала И.* Указ. изд. – С. 166.

не имевших непосредственного отношения к следственной работе и исполнению приговоров.

На примере Н.Тидора и С.Чекманова можно также проследить дальнейшие судьбы сотрудников, привлеченных к проведению «карело-финской операции». В частности, Николай Тидор 31 октября 1939 был арестован, 14 июня 1940 приговорен ВТ внутренних войск Карельского округа к двум годам ИТЛ, в 1941–1944 служил в 119-й отдельной дорожно-строительной бригаде Карельского фронта, в 1944 награжден орденом Красного Знамени и занесен в «Книгу памяти блокадного Ленинграда»¹⁶.

Увольнение в июле 1938 из НКВД спасло Сергея Чекманова от ответственности после окончания Большого террора. Дальше был тот же Карельский фронт, особый отдел, награждение в 1942 орденом Красной Звезды, в 1944 – медалью «За оборону Советского Заполярья».

Среди имен исполнителей приговоров, приведенных Иваном Чухиним, С.Чекманова нет¹⁷. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что в списке И.Чухина указаны лишь исполнители одновременно пяти и более приговоров, кроме того, нельзя считать этот список полным. Личное признание Сергея Чекманова тому свидетельство.

Для воссоздания более целостной картины службы С.Чекманова в органах советской госбезопасности следует обратить внимание на его участие в борьбе с Украинской повстанческой армией и подпольем Организации украинских националистов на Западной Украине. С 21 октября 1945 начальник отделения 1-го спецотдела УНКВД Запорожской области майор госбезопасности С.Чекманов находился в командировке в западных областях Украины, пребывая, в частности, с 1 декабря 1945 по 23 марта 1946 в Рудковском райотделе НКВД Львовской области¹⁸.

10 февраля 1946 состоялись первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. В западных областях УССР они рассматривались большевистской властью как стратегические. Решающая роль в подготовке к выборам была отведена операции под названием «Большая Блокада», которая предусматривала демонстрацию большевистским режимом своей силы и доминирования на Западной Украине. С декабря 1945 до весны 1946 была осуществлена масштабная акция против ОУН и УПА. За время «Большой Блокады» проведено 15 562 операции, вследствие чего уничтожено более 4,2 тыс. повстанцев и подпольщиков, захвачено в плен и задержано

¹⁶ Тидор, Николай Генрихович // Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939. – https://nkvд.memo.ru/index.php/Тидор,_Николай_Генрихович (дата обращения: 25.11.2021).

¹⁷ Чухин И. Указ. изд. – С.153–159.

¹⁸ АУ МВС України в РО. – Ф.27. – Д.11611. Личное дело Чекманова Сергея Степановича, аттестационные материалы. – Л.6–7.

более 9,4 тыс. причастных к ОУН и УПА, ликвидировано 130 вооруженных формирований¹⁹.

Личный вклад майора С.Чекманова в реализацию «Большой Блокады» отображен в его служебной характеристике, подготовленной начальником Рудковского райотдела НКВД Деревянко:

За период пребывания в Рудковском РО НКВД <...> т. Чекманов использовался на оперативной работе по ликвидации оуновского бандитизма. Руководя на селах опервойсковыми группами, трижды участвовал в вооруженном столкновении с бандитами, где показал себя дисциплинированным, выдержанным, вполне заслуживающим звания чекиста. Им лично разоблачено и арестовано станичных, связанных, эстафетчиц и вооруженных бандитов 10 человек. Кроме того, завербовано ряд неплохой агентуры²⁰.

Через десять лет приказом КГБ УССР №00134 от 6 сентября 1955 начальника отдела уголовного розыска управления милиции УМВД Ровенской области подполковнику С.Чекманову «за умелую организацию и осуществление оперативно-чекистских мероприятий, в результате которых в августе месяце [1955. – **А.Ж.**] ликвидирована бандгруппа так называемого Ровенского окружного провода (укр. провід – руководство) ОУН и ее главарь “Ульян”, объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение в размере полумесячного оклада»²¹.

Здесь нужно отметить, что гибель 19 августа 1955 в с. Здолбича Здолбуновского района окружного проводника (руководителя) ОУН Ровенщины, выпускника Ровенской украинской гимназии Анатолия Маевского-«Улияна», по приказу которого волынские подпольщики планировали осуществить во время первомайской демонстрации 1953 года террористический акт в Киеве, на Крещатике, против руководителей УССР²², стал своеобразным эпилогом «большого противостояния» 1944–1955 годов между коммунистическим тоталитарным режимом и украинским освободительным движением на Западной Украине.

Посредством анализа лишь двух архивных дел мы затронули некоторые аспекты Большого террора в Ленинградской области и Карелии и установления его исполнителей, а также очертили возможные пути поиска соответствующих сведений.

¹⁹ Жив'юк А. Репресивна операція «велика блокада» напередодні виборів 1946 р. у Західній Україні (на матеріалах Мізоцького району Рівненської області) // Військово-науковий вісник. – 2018. – №30. – С.14–15.

²⁰ АУ МВС України в РО. – Ф.27. – Д.11611. Личное дело Чекманова Сергея Степановича, аттестационные материалы. – Л.7.

²¹ Там же, послужной список. – Л.16.

²² Кричильський С. Справа «Уліяна» // Волинь: Рівненський обласний народний тижневик. – 2011. – Вип. 1036. – 12 серпня.

Алена Зуева

Поиск неизвестного. История трудармейца¹

**Алена Владимировна
ЗУЕВА**

*исследователь,
внештатный сотрудник
Международного Мемориала*

levlata777@gmail.com

Муза, поведай-ка нам о мужах,
умудренных
Опытом жизни, как бурное
море неверной!
Фелингар – первый из них –
враг захлавленных
Барakov, ярый борец с грязью
клопиной скверной.
Эскулапа любимец – другой.
Фельде – то врач знаменитый,
Знание и мощный свой ум он
направил на вшей.

К. Куноф²

1. Прелюдия

В эпиграф вынесены строки из поэмы, написанной в 1940-е годы в лагере человеком, работы которого хранятся в фондах Музея Международного Мемориала. Среди них карандашные рисунки, акварели и самодельная книга

---

¹ Архив Международного Мемориала. – Ф.18. – Оп.1. – Дело «Куноф К.Э. Фельде В.Я.»; Ф.1. – Оп.5. – Д.2737 // Музей Международного Мемориала: <https://museum.memo.ru/author/502/> (дата обращения: 25.12.2021).

² Расшифровка хранителя Музея Международного Мемориала С.Я.Фадеевой.

с собственными иллюстрациями к поэме Вольтера «Орлеанская девственница». Автор был известен как К.Э.Кунов. Кем был этот человек? Какова его судьба? Удалось ли ему пережить лагерь? Если да, как сложилась его жизнь после? Здесь предстояло решать проблему идентификации личности, реконструкции судьбы человека, чьи вещи или плоды творческого труда тем или иным путем попадают в пространство музея и становятся таким образом носителями исторической памяти, соединяющими частное, индивидуальное с общественным, глобальным.

Идентификация конкретной личности зависит от многих факторов, в том числе от исходных сведений. И у каждого поиска, как и у человека, есть своя история. Об одной из них и пойдет речь.

2. Загадка. Кто вы гражданин Кунов?

Человек, оказавшийся на Земле, так или иначе оставляет следы. Они идут параллельно с другими или пересекаются, тогда возникают перекрестки, где затерявшаяся память не исчезает совсем, а оседает среди других людей. Так семья много лет хранит вполне осязаемые следы человека, пережившие память о нем, следы человека, уже чужого для хранителей и незнакомого им.

Открытие этой истории связано с семейным архивом. Речь идет о потомках семьи Виктора Фельде – врача, репрессированного в годы войны по принципу принадлежности к немецкой национальности и проведшего несколько лет в лагерях и на спецпоселении. Вместе с частью семейного архива его потомки передали в Музей Международного Мемориала работы неизвестного человека.

Как они оказались там?

Дороги врача и художника пересеклись лишь однажды на короткое время. Произошло это во время Великой Отечественной войны на строительстве Широковской ГЭС, где работали, помимо вольнонаемных и заключенных, трудармейцы. Так называли тех, кто во время Великой Отечественной войны по национальному признаку попадал в число неблагонадежных и направлялся в трудовую армию для несения принудительной трудовой повинности. Не заключенный, но по положению близкий к нему. И если о враче было многое известно, то о Кунове – почти ничего. Он был, судя по автопортрету, еще очень молод, хорошо образован и репрессирован по национальному признаку (принадлежность к немецкой национальности) в годы войны, фамилия встречалась в двух вариантах написания – Кунов и Куноф. Еще было известно, что в лагере ему спас жизнь врач Виктор Фельде (упомянутый в поэме – см. эпиграф), которому в благодарность молодой человек подарил самодельную книгу с иллюстрациями к «Орлеанской девственнице» Вольтера. Других сведений о нем не было.

Итак, кем был автор живых и полных юмора (иногда очень горького) рисунков?

3. В паутине следов

Поиск, как говорилось выше, зависит от многих факторов. Важно найти нулевую точку отсчета. Поскольку наш неизвестный подвергся репрессии, то сведения о нем могли попасть в Базу жертв политических репрессий, которая и стала отправным пунктом. В Базе был только один человек, которого можно было по некоторым признакам идентифицировать с нашим художником, – это спецпоселенец Константин Эдуардович Куноф 1918 года рождения. Скупая справка Базы позволила выявить совпадения по нескольким точкам: имя и отчество соответствуют инициалам К.Э.; фамилия художника могла быть Куноф, а Кунов – ее ошибочным написанием; возраст: спецпоселенцу Кунофу в 1943 году 25 лет, то есть это молодой человек, как и наш герой. И последнее – место действия. Источником информации в Базе было указано УВД Пермской области (1940–1957 – Молотовская область, с 2005 входит в состав Пермского края), то есть регион, в котором шло строительство Широковской ГЭС.

База содержала сведения и о другом человеке по фамилии Куноф. Звали его Эдуард Иванович. Он на 25 лет старше Константина Эдуардовича, был мобилизован как трудармеец из Северо-Казахстанской области на металлургический завод Челябинска. Этот человек мог быть отцом Константина Кунофа. Так появилась гипотеза, которую предстояло проверить.

Еще одна зацепка появилась на краеведческих сайтах Перми. Обнаружилась информация об одном из ведущих архитекторов города послевоенного времени. Он оказался полным тезкой спецпоселенца К.Э.Кунофа. Так у первоначальной гипотезы появилось продолжение: наш герой мог осесть там, куда попал не по своей воле.

Дальше поиск велся по нескольким направлениям. Мы пытались найти следы этого человека через организацию русских немцев. Из «Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев» ответили, что сведений о человеке по фамилии Куноф и Кунов с инициалами К.Э. у них нет.

В Краеведческом музее Перми сведений о нем тоже не оказалось, но зато нашлись фотоматериалы со строительства ГЭС. Поиски в Пермском областном архиве и Пермском государственном архиве социально-политической истории привели к еще одному немаловажному совпадению. Одним из мест работы архитектора К.Э.Кунофа был Широкойстрой МВД СССР.

По информации ведомственного архива (ГУ МВД по Пермскому краю), в 1960 дело спецпоселенца К.Э.Кунофа было отправлено в УВД Сумской области. Короткое письмо дало еще одно ценное сведение: наш герой родился на Украине, в городе Сумы. Так у автора рисунков постепенно появлялись имя, отчество, дата и место рождения, отец.

Последним и самым весомым аргументом в пользу изначальной гипотезы стал довольно подробный ответ с места хранения архивного дела, который

помог не только доказать верность гипотезы, но и найти потомков искомого человека.

Постепенно паутина следов превратилась в четкий узор. Когда все документы были собраны, то три человека, до этого момента существовавшие для нас автономно, – трудармеец, спецпоселенец и пермский архитектор – превратились в одну личность со своей уникальной историей. Вот она.

4. Рождение героя

Константин был единственным ребенком в семье служащего Эдуарда Ивановича Кунофа и его жены Александры Кузьминичны. Отец родился в 1893 в городе Гольдингене (ныне Кулдига, Латвия) в семье обрусевших немцев. Наш герой родился 4 июня 1918 на Украине в городе Сумы. С 1928 семья жила в Керчи, где Константин окончил школу. По воспоминаниям его сына Виктора Константиновича, он очень любил рисовать, поэтому одновременно с общеобразовательной окончил художественную школу.

В 1937 Константин уехал учиться в Ленинград. Он стал студентом Ленинградской Лесотехнической академии им. С.М.Кирова (ныне Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет), одного из старейших вузов России, которому на тот момент было уже более 100 лет.

Однако академию Константин не успел окончить. В 1941, после нападения Германии на СССР, юноша прервал обучение и поступил в 3-е Ленинградское артиллерийское училище. После его окончания в звании лейтенанта в декабре 1941 он был направлен в Приволжский военный округ, где в январе 1942 по распределению попал в формирующуюся на станции Барыш часть и назначен начальником разведки артдивизиона. Но уже через два месяца юношу, вставшего на защиту своей Родины, признают ее врагом по причине принадлежности к немецкой национальности. Происходит это после появления постановлений Государственного комитета обороны №1123сс от 10 января и №1281сс от 14 февраля 1942, по которым мужчин-немцев призывного возраста полагалось мобилизовать в рабочие колонны на все время войны. К этому моменту его отец уже находился в статусе спецпоселенца и жил в Келлеровском районе Северо-Казахстанской области.

О том, как Константин узнал о трагической перемене своего статуса, он рассказал через много лет своему сыну. Лейтенанту Кунофу поручили доставить некий секретный пакет, а на месте посланнику открыли истинную цель поручения. Так солдат Красной армии превратился в человека, по положению близкого к заключенным ИТЛ. Из архивного дела спецпоселенца К.Э.Кунофа известно, что юноша был демобилизован из армии без зачисления в запас 5 марта 1942, а 3 апреля мобилизован в трудовую армию. Сначала он попал в Волжский железнодорожный ИТЛ, примерно через год (в марте 1943) переведен в отделение строительства Широкостроя МВД СССР (Широковский ИТЛ) на возведение

Широковской ГЭС (станция Половинка Молотовской области, Пермский край).

Его родители не знали, что происходило с их сыном. Незадолго до демобилизации лейтенанта Кунофа ошибочно посчитали погибшим при арналете и отправили похоронку домой. Семья воссоединилась только после войны.

Вероятно, Константин попал на станцию Половинка уже сильно ослабленным (доходяга, как называли истощенных людей в исправительно-трудовых лагерях). Там его и заметил Виктор Яковлевич Фельде, трудармеец, работавший на строительстве врачом. Доктор Фельде положил юношу к себе в больницу, опекал, заботился о нем и помог встать на ноги.

Тот выжил, снова взял в руки карандаш, стал рисовать. Именно в семье доктора Фельде сохранилось более 20 лагерных работ Константина. Среди них книга, «изданная» и проиллюстрированная им в условиях лагерной жизни во время войны с Германией. Книга, которая стала новогодним подарком (подарственной надписью есть дата – 31 декабря 1944 года) и благодарностью за спасение жизни художника Виктору Яковлевичу. В книгу вошли фрагменты из «Орлеанской девственницы» Вольтера в переводе А.С.Пушкина. Иллюстрации яркие, оптимистичные, насмешливые, несколько фривольные и такие же остроумные и веселые, как и другие рисунки юноши.

О жизни в лагере он не оставил воспоминаний и почти ничего не рассказывал своим родным. Но о докторе Фельде и его роли в судьбе молодого художника его потомки знают. А в его быстрых, как бы летучих рисунках и набросках очень многое говорит о том, что пришлось пережить в лагере, черты того времени зашифрованы в них, а также в сохранившейся поэме, строки из которой вынесены в эпиграф. Достаточно того, что на одном из рисунков есть надпись на латыни «Sapienti sat!» («Умный поймет!»).

Итак, сейчас, благодаря потомкам Виктора Фельде, в Музее Международного Мемориала хранятся несколько акварельных пейзажей, которые задокументировали одну из строек МВД. Есть карандашный автопортрет Константина и портрет его спасителя. Они расположены с двух сторон одного листа: не улыбочивое серьезное лицо юноши (это сам художник), а на обороте – смеющийся мужчина (врач Фельде). Они очень разные, но оба полны обаяния. Сохранилось несколько рисунков-открыток, которые были отправлены Виктором Фельде своим детям. Есть рисунки, которые на первый взгляд кажутся забавными картинками, но если взглядишься в сюжет, то поймешь, какие страшные моменты жизни трудармейцев они зафиксировали. И это не только физические страдания, постоянная угроза здоровью и жизни, но и унижения, которым подвергались люди, объявленные врагами только за факт принадлежности к другой нации.

В 1948, когда основные работы на Широковской ГЭС были закончены, Константин Эдуардович перевели на строительство Камской ГЭС в город Молотов (с 1957 – Пермь) по его личной просьбе, что известно из архивного дела.

Так юноша, который мог стать одной из безымянных жертв несправедливого режима, выжил, прошел путь от простого техника-конструктора до старшего архитектора. Его работа отмечалась почетными грамотами Строительства и Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР.

Несмотря на это, Константин Эдуардович был оставлен навечно в местах обязательного поселения без права возврата к месту прежнего жительства (в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948). На положении спецпоселенца он жил до 18 января 1956, когда был снят с учета в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

Однако вернуться в Ленинград он не мог (ограничения в выборе места жительства с немцев и их семей были сняты только Указом Президиума Верховного Совета СССР от 03.11.1972). Но пермская земля к тому моменту стала его новым домом. Здесь у него появилась семья: жена Раиса Анатольевна Кулешова и сын Виктор, в мае 1956 родилась дочь Елена. Из-за опасения подвергнуть родных репрессии брак зарегистрировали не сразу, а только в марте 1956.

Позже Константин Эдуардович работал в одном из отделений «Гидроэнергопроекта» МЭС СССР уже в должности руководителя архитектурной группы. Затем – в Пермском горпроекте при Отделе строительства и архитектуры Пермского горисполкома руководителем архитектурной мастерской. Продолжал рисовать, до конца жизни совершенствовал свое мастерство.

Константин Эдуардович Куноф скончался 3 января 1985. Реабилитирован 30 ноября 1993 по заявлению его супруги.

5. Эпилог

Так сквозь паутину многих событий и связей, соединяющих миллионы людей, проступает прошлое, облеченное в форму жизни реального человека, «...жизни, как бурное море неверной», одной из многих обычных и уникальных одновременно, имеющей ценность, как и все остальные, а потому имеющей право на защиту от любого произвола и забывание того, что было.

Януш Кобрынь

Биографические очерки на фоне выставки фотографий из семейного архива

Януш КОБРЫНЬ

*независимый исследователь,
Быстрица-Клодзка
(Bystrzyca Kłodzka), Польша,
соредактор сборников
«Wspomnienia sybiraków.
Zbiór tekstów źródłowych.
T.1–4», «Więźniowie obozów,
deportowani, kresowiacы»,
«Młodzież wobec historii.
Молодежь перед историей.
T.1–3»*

*sybiracy.stowarzyszenie@
gmail.com*

Попытаюсь представить биографии нескольких членов силезской семьи на основе нарративов, которые передаются во время осмотра семейных фотографий уже третьему поколению. Поводом для попытки сбора и систематизации стала подготовка выставки фотографий из семейного фонда. Выставка состоялась в марте 2019 в Филуменистическом музее в Быстрице Клодзкой и в ноябре 2019 – в Центре культуры г. Радлин. Это событие вышло за рамки обычной встречи родственников и стало поводом для дальнейших поисков материалов – в том числе архивных документов. В представленных биографиях отражаются процессы, происходившие в XX веке во всей Европе: Первая мировая война, Силезские восстания, Великая депрессия, антисемитизм, Вторая мировая война.

Семейные биографии: факты, легенды и мифы

В каждой семье сохраняется память о предках: фотографии, документы и, конечно, рассказы, среди которых есть и факты, и мифы. Так получилось, что

фотоаппарат присутствовал в моей семье, можно сказать, всегда, то есть с момента такого развития фототехники, которая способствовала ее доступности, – примерно с конца 1920-х.

Мои предки по материнской линии происходят из деревни Чижовице в Верхней Силезии, недалеко от города Водзислав-Слэнски. В семейном фонде сохранилось довольно много фотографий и негативов. Как и во многих семьях, эти фотографии рассматриваются, особенно во время праздничного чаепития, в этот обряд входят и разные рассказы, истории, анекдоты... Постепенно появилась идея сделать фотовыставку, которая поможет систематизировать и пополнить знания о предках. В итоге выставка получилась довольно большая (около 170 экспонатов), до пандемии удалось показать ее как в моем родном городе, так и на родине моих предков.

Если подойти к теме дагеротипов, начинать надо бы с дагеротипов. С немножко поврежденных фотографий предки серьезно смотрят на нас... Но, к сожалению, в нашей семейной коллекции такие отсутствуют – первые изображения были сделаны за несколько лет до начала Первой мировой войны. На одном из них запечатлена свадьба младшей сестры моей прабабушки в 1912 году. Группа гостей довольно большая, мужчины в пиджаках, женщины одеты более традиционно: якля, кецка, фортух (в переводе на русский: жакет, юбка, фартук). Этим костюмом пользовались женщины, в основном пожилые, еще и после Второй мировой войны. Благодаря списку имен, который сохранился на обратной стороне фотографии, оказалось возможным пополнить семейную хронику.

Вместо осмотра дагеротипов XIX столетия можем взглянуть в родословную семьи благодаря документу 1935 года – выписке из метрической книги католического прихода Ёдловник, к которому в довоенное время относилась деревня Чижовице. Время составления документа – август 1935 – тесно связано с тем, что в 1930-е происходило в Европе: один из братьев моего дедушки открывал собственный магазин и вынужден был доказать, что среди его предков не было евреев. Второй раз документ пригодился во время немецкой оккупации, когда все семьи должны были отчитаться арийскими предками в трех поколениях (так называемое «маленькое свидетельство») и составить книжечку «Meine Ahnen» («Мои предки»). Название сегодня кажется невинным, но скрывает угрозу прошедшего времени: ариизацию. Сама книжка потерялась после войны во время нескольких переездов.

Итак, по выписке из метрической книги мы можем узнать, что мой прадед по материнской линии Ян Мойжиш, родившийся в 1869 г., сын Филипа (1832 г.р.) и Марьянны (1829 г.р.), женился на Иоанне Сланина (1875 г.р.). А ее родителей звали Якуб (1849 г.р.) и Паулина (1853 г.р.). Кроме годов рождения, крещения, бракосочетания и смерти в документе указаны имена предков: Филип, Бартломей, Матеуш, Мария, Марьянна, Иоханна, Францля.

Мой дед Ян был самым старшим сыном (1898 г.); кроме него, было еще восьмеро детей: Юлия, Алоиз, Роберт, Анна, Алоиза, Мария, Паулина, Антони. Все они появляются на фотографиях, сделанных в 30-е годы моей бабушкой Ядвигой и дедом Яном с помощью новейшего в те времена однообъективного фотоаппарата Reflex-Korelle II. Откуда такое настоящее чудо техники появилось в бедной силезской семье? Попробую ответить с помощью сохранившихся фотографий.

На одной из них (сделанной примерно в 1920-е) запечатлены пожилой мужчина и девушка, оба с кожаными сумками в руках. Наверное, куда-то спешат по делам. Мужчину зовут Макс Штекель¹, можно сказать, что на рубеже XIX и XX веков он был самым известным фотографом Силезии. Родился в 1870 в г. Франкфурт-на-Одере. В 1891 вместе с братом открыл фотоателье в городе Köpfnshütte (ныне Хожув). Предприятие развивалось довольно успешно, скоро открылся филиал в городе Катовице, было построено новое здание. Кроме, если так можно сказать, «стандартной» работы, Штекель был автором художественных и индустриальных пейзажей, занимался фотоохотой. Большую известность принес ему цикл фотографий Верхнесилезских заводов, в том числе угольных шахт. В сегодняшних условиях нет в этом ничего удивительного, но надо помнить, что в те времена (конец XIX века) фотограф пользовался стеклянной пластинкой, на которой мог сделать лишь один снимок. При этом определение параметров экспозиции являлось очень сложным из-за отсутствия экспонометров. Да и светочувствительность фотоматериала была низкой и неустойчивой. При недостаточной освещенности использовались магниевые вспышки, что внутри угольной шахты может быть смертельно опасным. Однако Макс Штекель был уже настолько известным фотографом, что добился разрешения сделать снимки под землей, соорудив для этого специальный прибор и пройдя курс шахтерской техники безопасности. Штекель ежегодно посылал работы на Национальный конкурс фотографов Германии и всегда получал приз или почетную награду за свои работы².

И вот к такому известному фотографу поступила на работу 16-летняя девушка Ядвига Зовада, моя бабушка. Сохранилось несколько фотографий сотрудников этого ателье. На одном из них видим самого мастера и его жену Теофилу (Theophile), и это сразу в двух местах: за столом и в соседней комнате, где их видно через открытую дверь. Это шуточный фотомонтаж! В это время Макс Штекель вместе с женой были в отъезде – уехали в отпуск. А сотрудники из негативов сделали эту фотографию в виде почтовой открытки и отправили на курорт с аннотацией: «У нас все хорошо, гуляем, вечеринки устраиваем!» Вторая фотография, которая свидетельствует о хорошем настроении, показывает

¹ Карл-Людвиг Макс Штекель (1870–1947) – немецкий фотограф, пионер промышленной фотографии и фотографии дикой природы.

² См.: Hnatyszyn P. Fotograf i wydawca / P. Hnatyszyn // Roczniki Muzeum Miasta Zabrze. – 2017. – №9.

сотрудников (четыре девушки и парень), переодетых мальчиками: у кого-то шляпа, у кого шапка, нарисованные усы... Самое удивительное я нашел на обратной стороне, где участники фотосессии расписались: кроме других имен, появляется Карль Зовада. Насколько могу помнить, мне было лет 12, когда бабушка показывала мне в семейном альбоме фотографию своего сводного брата (сама она была единственной дочерью от второго брака своего отца), имени то ли не сказала, то ли я не запомнил. По крайней мере, помню, что в семье звали его Фридель (от *Gottfried*, скорее всего). Ушел из жизни довольно рано, где-то в 16–17 лет, говорилось о несчастной любви... Итак, кто этот Карл, он же Фридель? Решить эти вопросы надеюсь с помощью архива лютеранской церкви города Катовице. Почему лютеранской? В Верхней Силезии, как и во многих регионах пограничья, все непросто. Мой прадед, Пауль Зовада, и его первая жена и двое сыновей были лютеране. Овдовев, он женился на Агате Пенчек (да, все непросто, и в немецких документах имеются четыре варианта записи этой силезской фамилии: *Pinczek*, *Pentzek*, *Penzek*, *Pentczek*), католического вероисповедания. Родившаяся дочка Ядвига была крещена в католической церкви.

В коллективе фотоателье моя бабушка научилась ремеслу, работала в нем довольно долго. Сохранились ее прекрасные портреты разных лет, свадебные фотографии, портреты ее детей, все сделано в том же ателье, о чем свидетельствует рельефная печать на каждом снимке.

Еще одна интересная находка – довольно большая фотография поющего соловья, которая хранилась всегда в нашем семейном альбоме. Я всегда предполагал, что она была сделана моим отцом примерно в 1960-е. В ходе подготовки к фотовыставке пришло время спросить, и, к моему большому удивлению, ответ отца был отрицательным! Тогда пришлось рассмотреть снимок пристальнее. Там была небольшая неразборчивая надпись, и я предположил, что фотография отпечатана зеркально. Рассмотрев надпись с помощью зеркала, прочитал: *Nachtigall!* А в статье о Максе Штекеле (см. прим. 2) упоминалась награда, полученная им на варшавском фотоконкурсе – и речь шла о снимке соловья! Так в семейной коллекции обнаружилась третья фотография знаменитого автора. Две остальные – олень и лось, про них всегда было известно.

Хочется добавить о Максе Штекеле: кроме фотографии, он увлекался спортом, театром, в 1920-е, когда решалась судьба Верхней Силезии, активно действовал на немецкой стороне (что не мешало сохранять хорошие отношения с моей бабушкой, муж которой был с противоположной стороны этого конфликта). После выхода на пенсию уехал в город Бриг (ныне Бжег), откуда в 1945 уехал на Запад, поскольку этот регион оказался в границах Польши. Умер в 1947 в городе *Unterröbblingen am See*³.

³ *Hnатысын P. Fotograf i wydawca. Ibid.*

Итак, Ян, мой дедушка, после Первой мировой войны живший и работавший в городе Катовице, познакомился с Ядвигой.

После свадьбы молодые супруги стали жить в том же городе, дед работал шофером в управлении угольных шахт, бабушка занималась домом и детьми. Заработок шофера был довольно высоким – они могли позволить себе купить новейшую в это время фотокамеру. Хотя в 1930 дед как участник польского силезского восстания был уволен в первую очередь – в это время владельцами заводов Верхней Силезии были немцы. В это непростое время бабушка вернулась на работу в ателье Макса Штекеля.

В конце 30-х – начале 40-х был сделан цикл семейных фотографий на среднеформатной пленке 120, в формате 6×6 см. Среди них портреты моих предков. Иоанна в платке, уверенно смотрит куда-то выше камеры... На другом снимке ее муж, шахтер на пенсии, выглядит, как будто ему за девяносто, а на самом деле только 68! Согласно семейным рассказам, их брак был неравным: она – старшая дочь из богатой семьи, он – сын крестьянина, из-за материальных трудностей работающий шахтером. Поскольку в регионе в это время (конец XIX века) была высокая безработица, он вместе с братьями уехал на заработки в город Ботроп, где работал довольно долго, а его братья там и остались жить. Большой надеждой для всего региона было строительство новой угольной шахты «Фридрих» в селе Гожице, что в десяти километрах от деревни Чижовице, начатое в 1911 году. Однако из-за плохих параметров месторождения (высокий уровень метана, небольшая мощность пласта, сложная тектоника) и экономического кризиса в 1923 предприятие закрылось⁴.

До пенсии Ян работал на шахте «Хойм» (ныне шахта-музей «Игнацы»). Деньги, заработанные тяжелым трудом ушли на строительство нового дома и образование детей. Дом строился хозяйственным способом (т.е. своими силами), из шлака – как говорилось на местном диалекте, из «хася». На фронто-не дома была дата – 1901 год, простоял лет девяносто. Что касается образования – все дети окончили начальную школу, сохранился школьный сертификат одной из дочерей, Марии, из которого видно, что девушка была отличницей. После Первой мировой войны найти работу было трудно. Для мальчиков считалась хорошей профессия шахтера; девушкам, согласно традиции, полагалось выйти замуж, рожать детей и оставаться на иждивении мужа. Однако Ян категорически запретил сыновьям работать под землей. В основном так и было.

На следующей фотографии (снимок сделан на Пасху 1938 года) видим Яна в окружении трех сыновей: с ним Ян (1898 г.р.), Роберт (1904 г.р.) и Антони (1919 г.р.). Четвертого, Алоиза, не стало за пару лет до этого. Получив профессию портного, Алоиз работал на небольшой мануфактуре в г. Ратибор. Болел

⁴ См.: *Marcol A.* Kopalnia «Fryderyk» w Gorzyczach – przyczynek do poznania historii górnictwa w Rybnickim Okręgu Przemysłowym / *A.Marcol, F.Dziendziel* // *Izba Pamięci Kopalń Zlikwidowanych w Rybnickim Okręgu Przemysłowym.* – <http://www.sitg.rybnik.pl/kopalnie-zlikwidowane-w-rop/gorzycze-fryderyk.php>.

туберкулезом, что и привело к преждевременной смерти в возрасте 28 лет. На снимке вся компания сидит во дворе родительского дома на фоне небольшого сарайчика. Видно, что все в хорошем настроении. Правда, один из сыновей – Роберт – сидит сгорбившись – это последствие аварии на работе – попал между вагончиками с углем на шахте. Видимо, ослушался отцовского запрета. После аварии долго болел, в конечном итоге стал купцом, продавал велосипеды и радиоприемники. Но для этого в 1935 ему пришлось поменять фамилию Мойжиш на «более польскую» и отчитаться предками-арийцами. В то время познакомился с девушкой, которая стала работать в его магазине продавщицей. Конечно, не сразу же, а только после экзамена, в ходе которого она должна была собрать велосипед из комплектующих частей. Из дальнейшего развития событий можно предполагать, что экзамен прошел успешно, завязалась любовь... Скоро началась война, и Роберту, подозреваемому в туберкулезе, запрещалось заключать брак и иметь детей... После войны этого запрета уже не существовало, но в Силезии все не так уж просто. Чтобы выйти замуж, невесте пришлось поменять имя, ее настоящее (Эдельтрауд) в послевоенные годы оказалось слишком «немецкое». Наконец они стали мужем и женой, и мы можем видеть их на очередной снимке, у входа в магазин, на фоне витрины, причем на стекле надпись «3 раза так!», что позволяет точно датировать фотографию – 1946 год. В этом году в Польше состоялся референдум о проведении реформ⁵.

Двое других сыновей, самый старший и самый младший, были по профессии и призванию шоферы и, как говорится, на все руки мастера. На самом деле это и спасло их жизни во время войн. Ян был шофером в немецкой армии во время Первой мировой, шофером «скорой помощи» на шахте во время Второй мировой. Атциони после побега с принудительных работ в Германии был призван в армию и выслан на фронт как специалист по ремонту двигателей, оставался в тылу фронта. Добавлю: что касается участия в войнах – мой дед по отцовской линии, тоже Ян Кобрынь, принимал участие в Первой мировой, затем в польско-большевистской 1919–1921 годов, затем пилил лес в Архангельской области (будучи туда «приглашенным» тов. Сталиным), откуда собирался поступить в польскую армию генерала Андерса.

На следующих фотографиях видны остальные дети Иоанны и Яна: Анна сидит на пороге родного дома, рядом с ней дочка улыбается, прищуриив один глаз. Муж Анны, Ян Эспеншитт, этнический немец, потомок колонистов эка-терининских времен, принимал участие на польской стороне в борьбе за город Львов, потом работал в польском КОПе (Корпус охраны пограничья). В одном из рассказов, который в конечном итоге оказался мифом, говорилось, что мой дед и будущий муж Анны познакомились где-то на фронтах Первой мировой и потом вместе принимали участие в Силезских восстаниях. Однако,

⁵ Народный референдум, известный как референдум «три раза за» («Trzy razy tak»), часто сокращенно «3 x ТАК»), был проведен в Польше 30 июня 1946.

по воспоминаниям его сына, изданным в 2020 году⁶, удалось установить, что это лишь миф... Так или иначе, женился на силезской девушке. Анна была домохозяйкой, ее муж после увольнения из КОПа работал батраком в церковном имении, которое находилось недалеко, в деревне Кокочице. Ненавидел немцев, что не улучшило его положения во время войны, и, хотя он считался «немцем 1-й категории», был выслан на принудительные работы в Третий рейх⁷. После войны работал шахтером на соседней угольной шахте «Анна». У них было двое детей.

Две следующие дочери, Юлия и Алойза вышли замуж, и, поскольку они уехали жить в другие деревни, о них мы знаем не так уж много. Младшие Пауля, Мария и Антони до начала войны жили в родительском доме, вместе с мамой. Их отец, Ян, умер в 1939. Сохранилась фотография семьи, собравшейся после похорон во дворе родительского дома. Есть и прекрасный портрет вдовы в траурном платке, сделанный, наверно, во время визита...

Очередные фотографии сделаны уже в городе Радлин, где во время войны жила семья моей мамы, высленная из Катовице: Ядвига, Ян, Францишек, Эльжбета. В 1939, после начала войны, мой дедушка уехал на служебной машине в Варшаву, эвакуировал директора Управления угольных шахт. К жене и детям уже не возвращался, опасаясь, что его – поляка, участника Силезских восстаний, немцы расстреляют, и скрывался по соседству. Согласно легенде, в Варшаве директор дедушку отпустил, отдав ему ключи и документы от машины, приказывая возвращаться домой. По дороге его остановил патруль вермахта, машину конфисковали, выдав квитанцию, в которой якобы говорилось, что «после войны Третий рейх потерю возместит». Квитанция эта, к сожалению, не сохранилась. Но важнее всего в то время было остаться в живых.

В первые дни после введения немецкой администрации в Катовице семья была выселена из квартиры – бабушке было приказано освободить квартиру в течение двух часов. С помощью соседей и друзей бабушке удалось вынести из квартиры имущество. Однако на улице с детьми не поживешь... И этот вопрос удалось решить с помощью друзей. Семья перевелась в шахтерский поселок Радлин, где получила служебную квартиру. Туда и приехал мой дедушка, стал работать на угольной шахте «Эмма» водителем. Скоро ему было поручено стать шофером заместителя директора по техническим вопросам Армина Шмидт фон Банделя. Отношения между ними сложились очень хорошие, почти дружеские. До такой степени, что в 1944, во время эвакуации на Запад, директор предлагал деду уехать всей семьей вместе с ним. К сожалению, в музее шахты «Марцель», как сегодня называется предприятие, не удалось найти никаких сведений, касающихся этого человека.

⁶ Więźniowie obozów, kresowiaczy, deportowani / red. J.Kobryń, J.Kobryń. – Bystrzyca Kł., 2020. – S.19–26.

⁷ 1-я категория – те, кто родился на территории Германии и активно поддерживал Третий рейх, 2-я – немецкоязычные, 3-я и 4-я – ассимилированные в разной степени.

С военных лет сохранилось довольно много фотографий, там есть ландшафты шахты и коксового завода, фотографии памятников, портреты соседей и их детей. С большой надеждой на то, что на месте (т.е. в том же городе Радлин) потомки смогут опознать на снимках своих родных и знакомых, я организовал презентацию фотовыставки в доме культуры города Радлин в ноябре 2019. Что меня удивляет – ожидаемое не произошло, никто из потомков не откликнулся, кроме одного лишь случая. Но момент открытия выставки был очень трогательным – гости со слезами рассматривали фотографии, на которых запечатлены судьбы людей, очень сходные с их семейными историями, слушали рассказы моей мамы о жизни во время Второй мировой войны, когда она комментировала слайд-шоу.

Среди фотографий тех времен есть такая: семья сидит на траве, прогулка в воскресенье... 22 июня 1941, первое причастие моего дяди Франтишка. Типичный снимок – силезская семья фотографируется после церемонии Приятия Первого Причастия. В тот же день началась война между Третьей рейхом и СССР. Скоро в поселок Радлин привезут советских военнопленных, образуется Arbeitskommando 195 Emmagrube Stalag VIII A (лагерное отделение 195). Местным жителям на всю жизнь запомнится картина умирающих от истощения людей и рассказ о том, как директор шахты отказывается от таких рабочих, ссылаясь на правила безопасности. И слова коменданта лагеря: «Если они неработоспособны, сразу расстреляю всех!» Конечно, фотографировать лагерь строго запрещалось, – наверное, поэтому в нашем семейном фонде таковые фотографии отсутствуют. Тем не менее в настоящее время, независимо от сложных отношений между Польшей и Россией, память о погибших в лагере советских военнопленных активно сохраняется, их братская могила на местном кладбище всегда ухожена, люди приносят цветы, зажигают лампадки...

Что касается повседневной жизни военного периода, то, как уже было сказано, глава семьи работал шофером замдиректора, а после его выезда на Запад – водителем «скорой помощи». Дети учились в начальной школе. Как будущая рабочая сила – должны были научиться читать, писать и считать. Как вспоминают тогдашние ученики, самое главное, что требовалось в школе, – прочитать в газете вести из фронта. С 14 лет дети должны были отработать один год «в пользу Родине», т.н. Pflichtjahr (обязательный год). Подростки работали в основном на заводах и в сельском хозяйстве, условия были разные. Тут неоценимую помощь оказывали соседи по той же улице, немцы. Узнав о том, что дети соседей будут оправлены неизвестно куда, устроили дочку няней к детям. Такая группа детей, среди которых Эльза – подопечная моей мамы, присутствует на нескольких фотографиях.

Среди фотографий, которые можно отнести к типичным – сделанным во время воскресных послеобеденных прогулок, есть одна, которая совсем неожиданно заставила меня познакомиться с историей малой родины моих

предков. На ней видно сооружение, которое показалось мне совсем обыкновенным: очередная столб-часовня – такие в моем родном регионе встречаются вдоль дороги каждые 2–5 километров. Однако сотрудница Музея города Водзислав-Слёнски Кинга Клосиньска (оказавшаяся, кстати, моей дальней родственницей) рассказала, что это место захоронения так называемой «Бордыновской пани», т.е. Зофии Элеоноры фон Боденхаузен. Согласно сохранившейся среди местного населения легенде, Бордыновской пани в XVII веке принадлежало местное имение, в том числе несколько деревень. Будучи вдовой и уже пожилой женщиной, она была вынуждена продать имение с условием, что ее похоронят среди любимых земель. Поскольку она хорошо относилась к крестьянам, была справедливой, на похороны пришло очень много народу, в легенде присутствовали черные лошади, катафалк, место захоронения среди полей. В 2000-е на месте захоронения были проведены раскопки, исследование останков подтвердило легенды. После завершения работ, в воскресенье 27 мая 2018, было организовано торжественное вторичное захоронение. Так же, как и почти за триста лет до того, – с участием местного населения.

Конечно, подробное описание всех фотографий и всех биографий запечатленных на них людей выходит за рамки одной статьи. Но можно с уверенностью сказать: подготовка фотовыставки является сильным стимулом для проведения дальнейших исследований, в том числе архивных.

Ирина Крайнева, Киллу Сэнборн, Мерик Меристе

Энн Тыугу: история эстонского программиста

Ирина Александровна КРАЙНЕВА

*доктор исторических наук,
научный сотрудник
Института систем
информатики
им. А.П.Ершова СО РАН,
г. Новосибирск*

krayneva55@gmail.com

Киллу СЭНБОРН

*PhD, Managing Director
Oxford Finance, LLC
San Diego, CA*

Ksanborn@oxfordfinance.com

Мерик МЕРИСТЕ

*PhD, доцент
Таллинского технического
университета, г. Таллин*

merik.meriste@tut.ee

Статья посвящена академику эстонской Академии наук Энну Харальдовичу Тыугу (1935–2020). Мы акцентируем внимание на трех периодах его истории: на жизни депортанта и спецпоселенца, на карьере советского ученого и организатора науки и, наконец, борца за суверенитет Эстонии. Исследование покажет, насколько стоек и вместе с тем гибок человек, вынужденный принимать правила игры, навязанные внешними обстоятельствами. Очевидно, что конформизм по отношению к господствующему стилю советской жизни позволил Э.Тыугу выстроить научную и административную карьеру, но не стер из памяти потрясений и лишений депортации. Данная персональная история свидетельствует: каким бы успешным ни стал ее обладатель в советском обществе, императивы свободы и независимости родной страны оказались более важными, когда наступил момент, позволивший ей вернуть самостоятельность. В годы холодной войны Эстония стала экономической и культурной show case на западной границе СССР. В период экономического и политического кризиса

СССР она в числе первых восстановила независимость, и академик Э.Тыгу был среди тех, кто приблизил это событие.

Ключевые слова: Энн Харальдович Тыгу, депортация, холодная война, Балтия, Эстония, история программирования, электронный архив академика А.П.Ершова.

Реконструкция биографии Э.Х.Тыгу опирается на его воспоминания, изданные на эстонском языке¹, воспоминания других программистов, биографические материалы современников, а также материалы электронного архива академика А.П.Ершова². Воспоминания Тыгу укладываются в несколько периодов (актов, как он пишет): первые шесть лет детства с рождения в 1935 до депортации в июне 1941. Затем период в Кировской области в статусе депортированного до апреля 1946 – до возвращения в Эстонию стараниями сестры отца, Аманды. В трудовых лагерях на сельских работах он и научился запрягать лошадь. Третий акт – жизнь под присмотром тети Аманды в Хаберсти (пригород Таллина) – до 1959 года – начала двухгодичной стажировки по вычислительным наукам в Ленинградском политехническом институте. Самый длительный период жизни в советском обществе связан с ЭВМ. Завершающий период – постсоветский – начался 1 января 1992, когда Тыгу выехал в Швецию в качестве профессора software engineering Шведского королевского технологического института (КТН) и работал там до 2000. Затем вернулся в Эстонию в Таллинский технологический университет, совмещал работу в Центре компетенции коллективной киберобороны до выхода на пенсию в 2016. Работая за границей, он участвовал в проектах с коллегами из Эстонии.

Энн Тыгу родился в семье служащих-телеграфистов. Отец, Харальд Тыгу (1891–1942), происходил из семьи фермеров, но предпочел городскую жизнь, уехал учиться телеграфному делу. Здесь познакомился со своей будущей женой: Эльфрида Наэль (1899–1945) также обучалась телеграфному делу, научилась ловко обращаться с ключом Морзе. Девушка шестнадцати лет сбежала из родительского дома со своим избранником, направленным на службу в г. Тамбов.

В Тамбове чету Тыгу застали революция и Гражданская война, вернуться в Эстонию было сложно из-за востребованности профессии. Семейное предание сохранило рассказ о том, как отец пытался помешать воюющим использовать телеграфные столбы в качестве топлива. Был арестован, ему грозил расстрел. Жена спасла, выкупив его у охраны за две буханки хлеба. В Эстонию вернулись в 1920 году, отец стал совершенно седым в свои двадцать девять лет. Вскоре

¹ Elu nagu etendus: Siberi ja Kremli kaudu Rootsi Kunigriiki [Жизнь как шоу: Через Сибирь и Кремль в королевство Швеция] / Э.Тыгу. – Tallinn: Kirjastus Varrak, 2017. – 365 l.

² Архив академика А.П.Ершова. – <http://ershov.iis.nsk.su/> (дата обращения: 29.12.2021).

родился их первенец Анст (1921–1996). На родине Харальд Тыгу получил заочное юридическое образование в Тартуском университете, стал адвокатом Главного почтового управления, где занимался законотворчеством и пресекал злоумышленные попытки бесплатного подключения и прослушивания радио.

Энн запомнил свое раннее детство радостным, спокойным и сытым, когда он был под присмотром няни и старшего брата. Зимой на улице Юхана Кундера в Таллине, а летом – на строящейся даче в пригороде Таллина Хаберсти (теперь это район города). В городе семья жила в деревянном доме с общим коридором, каменными лестницами – порождении строительного бума довоенного времени. И городская квартира, и дача были телефонизированы. Энн вспоминал:

По сегодняшним меркам, наша квартира была маленькой, но тогда мама или папа говорили с некоторой гордостью «двухкомнатная квартира с удобствами». Это означало, что у нас была вода и собственный туалет, отопление от дровяной печи. В подвале была общая ванная комната и прачечная³.

По итогам Северной войны Эстонская и Лифляндская губернии и некоторые другие территории вошли в состав Российской империи по Ништадтскому мирному договору 1721 года. С февраля 1918 до лета 1940 Эстония была независимой парламентской республикой. В сентябре 1939 СССР принудил Эстонию заключить договор о взаимопомощи, на ее территории были размещены советские сухопутные, морские и авиационные военные базы и войска. Летом 1940 были ликвидированы государственные органы, полиция, армия, финансовая и экономическая системы Эстонской Республики, началась реорганизация учреждений по советскому образцу. Во всех трех странах Балтии были одновременно организованы «выборы» новых «парламентов» по указаниям представителей СССР. На своих заседаниях «парламенты» объявили свои страны советскими социалистическими республиками и ходатайствовали о приеме их в СССР. Земля стала государственной собственностью, банки и промышленные предприятия национализировали⁴. Энн запомнил:

В ту зиму [зима 1940. – **Авт.**] разговоры взрослых стали более взволнованными. Мама и папа свободно говорили по-немецки и по-русски. Меня раздражали их разговоры на иностранных языках, чего не было раньше. Теперь я понимаю, что они не хотели обсуждать неприятные события в Эстонии и в других местах в моем присутствии⁵.

³ Тыгу Э. Оп. cit. – Л.21.

⁴ Estonia 1940–1945: Reports of the Estonian International Commission for Investigation of Crimes against Humanity / Eds. T.Hiio, M.Maripuu, I.Paavle. – Tallinn, 2005. – 1357 p.

⁵ Тыгу Э. Оп. cit. – Л.27.

Советизация Эстонии завершилась к лету 1941. Процесс этот сопровождался арестами, высылкой, расстрелами граждан Эстонии. Преследовалась, как и до этого в Советской России, элита общества: политики местного и национального уровня, видные деятели экономики и финансов, военные, зажиточные хуторяне, разного рода профессионалы – активные члены Кайтселиита (эст. Kaitseliit – Союз обороны Эстонии), Наступил день 14 июня 1941. Более 10 тыс. человек были депортированы из Эстонии. По данным «Белой книги», всего в Эстонии за 1941 год было репрессировано свыше 53 тыс. человек⁶. Подлежащих депортации свозили на вокзал, семьи разделяли, людей помещали в вагоны для скота.

Мама и папа довольно хорошо представляли себе жизнь в России <...> Учитывая их опыт, мы взяли с собой столько вещей, сколько могли, еду в дорогу. <...> мама рада, что нашла нам место на верхней полке прямо у зарешеченного окна. Здесь свежий воздух, и я мог лежа смотреть сквозь решетку⁷.

По дороге вагоны со взрослыми мужчинами были отцеплены от поезда, Энн больше не увидел отца. Харальд Тыугу умер 17 марта 1942 в Сосьвинском отделении Северо-Уральского лагеря (Севураллаг) Свердловской области: высокая смертность среди заключенных Севураллага, особенно в 1941–1942, – результат тяжелых условий труда (лесоповал), быта (антисанитария), климатических условий и скудного питания⁸.

Место депортации – город Уржум Кировской области. Мать с младшим сыном поселились в доме сапожника. Город насчитывал около 10 тыс. жителей, есть каменные дома, церкви заняты складами, улицы летом пыльные, весной и осенью грязные, зимой заснеженные. Лапти, голод, вши, водочный завод. Эльфрида устроилась на фабрику по производству лыж: повезло, она знала русский язык. Энн часто подолгу оставался один. Возвращаясь, мать приносила еду – свой рабочий паек. Перед новым, 1942 годом Энн пошел в детский сад. Разучивая стихи к новомуднему утреннику, он получил первые уроки русского языка. В городе становилось все труднее добывать еду. Вещи, привезенные с собой, проданы, и Эльфрида приняла решение перебраться в деревню. Энн быстро адаптировался: познакомился с местными мальчишками, бегал с ними в лес по ягоды, на речку Уржумку, учился плавать, пас коров. Вне школы, пока родители работали в поле, дети были предоставлены сами себе. Голод утоляли печеной картошкой с солью и чесноком, побегами молодого хвоща, лука, щавеля, таскали горох с колхозного поля:

⁶ Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями. 1940–1991. – Таллин: Типография «Илопринт», 2015. – С.14.

⁷ Тыугу Е. Ор. cit. – Л.29.

⁸ Пажит Ю.Ю. Северо-Уральский лагерь НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны / Ю.Ю.Пажит // Военный комментатор. – 2002. – №2. – С.41.

Мы хорошо знали съедобные растения в округе. Я и сегодня знаю, какие травы ядовиты, а какие съедобны⁹.

Положение Эльфриды укреплялось среди сельчан благодаря тому, что она помогала неграмотным женщинам читать письма с фронта и отвечать на них.

Старший брат Антс работал на лесозаготовках вместе с другими эстонскими юношами, провел в России 16 лет. История этих юношей – свидетельство высокой выносливости и предприимчивости, а также нехватки квалифицированных рабочих-мужчин. Антс был и кузнецом, и электриком, и радиостом, освоил профессию водителя, перешел на автобазу. Он заочно окончил Свердловский политехнический институт, по возвращении в Эстонию работал инженером по автоматизации. Вместе с Антсом – его сокурсники по мужской гимназии им. Я.Вестхолма, впоследствии ставшие известными в разных областях деятельности. Среди них Уно Копвиллем – профессор физики¹⁰; Юхан Тулдава – лингвист, доктор наук¹¹; Юхан Циммерманн – тренер по фигурному катанию и спортивный судья¹² – все получили образование по месту поселения.

В 1942 Энн пошел в школу. Изучение русского языка продвигалось медленно, но верно, а вот математика шла поистине успешно. Мать не оставляла попыток образовать сына, наняла пожилую эстонку учить его немецкому языку. Учился Энн хорошо, третий класс окончил с отличием, был удостоен почетной грамоты. Жизнь, казалось, налаживалась. Весной разбивали огород, как местные, сажали овощи. Картофель, брюква и лук – пища на зиму. Осенью был хороший урожай, и мать с оптимизмом смотрела на предстоящую зиму, о чем она написала своей сестре Аманде в октябре 1944, когда стало известно, что Таллин снова заняла Красная армия. Заготавливая дрова, Эльфрида поранилась и подхватила стрептококковую инфекцию, у нее развился сепсис, и, несмотря на попытки доктора Э.Тулдаве спасти ее переливанием крови, 5 апреля 1945 она умерла в возрасте сорока пяти лет¹³. Энн остался на попечении старшего

⁹ *Tõugu E. Op. cit.* – L.44.

¹⁰ Уно Херманович Копвиллем (1923–1991) – советский ученый в области нелинейной оптики, квантовой акустики, радиоспектроскопии и гравитации. См.: Копвиллем Уно Херманович // Тихоокеанский океанологический институт им. В.И.Ильичева Дальневосточного отделения РАН. – <https://www.poi.dvo.ru/node/188> (дата обращения: 30.12.2021).

¹¹ Юхан Тулдава (Артур Йохан Аман, 1922–2003) – лингвист, доктор филологических наук, работал в школе, в Стокгольмском и Тартуском государственном университетах. В студенческие годы завербован КГБ (агентурные имена Воронин и Скворцов, Артур-Йохан Хаман, Артур-Юхан Хаман, Юхан Тулдава, Артур Тулдава, Янис Юганс, Артур Хаман, Артуро (прозвище в Швеции), Ханнс Квеке (прозвище в прессе Эстонской ССР).

¹² Юхан Иоханнесович Циммерманн (1930–2009) – советский тренер по фигурному катанию. См.: Zimmermann, Juhan // *Eesti Entsüklopeediast*. – http://entsyklopeedia.ee/artikkel/zimmermann_juhan (дата обращения: 30.12.2021).

¹³ *Tõugu E. Op. cit.* – L.45.

брата. Продолжал посещать школу, помогал учительнице проверять тетради, за что она его подкармливала.

Вскоре Энн совершил истинно мужской поступок: он упрямил сотрудницу горисполкома записать их с братом в трудовой лагерь, как других эстонцев, и вскоре они перебрались на новое место – южнее г. Кирова. Здесь многие эстонцы работали на полях, где выращивали зерновые и овощи для армии. Антс работал на радиоточке, а Энн ходил в ближайшие деревни за картошкой, преодолевая расстояния холодной зимой. Эстонцы наладили переписку с родиной и даже получали посылки. Энн испытывал благодарность к доброй девушке-учительнице, у которой не было предрассудков в отношении эстонских мальчиков (некоторые ее коллеги считали их фашистами), к начальнику трудового лагеря полковнику Шварцу, который пытался устроить более-менее нормальную жизнь для своих подопечных. В лагере организовали нечто вроде приюта для детей, потерявших родителей: там было тепло и кормили. В марте 1946 произошло следующее:

<...> приходит солдат по имени Степан Шубин, чтобы передать нам привет от тети Аманды. Он встречается с полковником Шварцем и сообщает, что, возвращаясь из отпуска обратно в свой полк, расположенный в Эстонии, возьмет меня с собой. У Степана есть документ с печатью НКВД, в котором говорится, что гражданин Энн Тыугу, родившийся 20 мая 1935 г., имеет разрешение на проживание в Эстонской Советской Социалистической Республике¹⁴.

Энн вернулся в Эстонию, поселился вместе с теткой в летнем доме в Хаберсти, который нужно было утеплить, чтобы жить там не только летом, но и зимой. Родительский дом в Таллине сгорел при бомбардировке города во время наступления Красной армии в марте 1944. Времена были неспокойные. Еще в 1941 в странах Балтии возникло партизанское антисоветское движение «лесных братьев» («metsavennad»). В Эстонии в него было вовлечено более 40 тыс. человек¹⁵. Оно действовало вплоть до середины 1950-х годов. Параллельно шло восстановление народного хозяйства республик Балтии. План 4-й пятилетки (1946–1950) предусматривал 3,5 млрд руб. государственных капиталовложений в экономику Эстонии, что было в 1,7–2,9 раза больше, чем предназначалось другим республикам, в том числе более крупным по населению Латвии и Литве. В перерасчете на душу населения капиталовложения в народное хозяйство Эстонии превышали в 1945–1950 средние по СССР на 30%, в 1951–1955 – на 17%.

В 1960–1990-е Эстония выделялась среди союзных республик наиболее интенсивными экономическими связями с зарубежными странами, в частности

¹⁴ Там же. Op. cit. – Л.48.

¹⁵ Белая книга... Указ. изд. – С.15.

в области компьютерных наук¹⁶, некоторые предприятия республики имели долю экспорта больше 10%.

Вычислительные науки получили импульс развития в странах Балтии в конце 1950-х – начале 1960-х на волне научно-технической модернизации советской экономики и реабилитации кибернетики. В 1960 в Таллине был создан Институт кибернетики, в 1976 при нем было организовано СКБ вычислительной техники. Появившись в системе Академии наук и в вузах прибалтийских республик, аналогичные учреждения стали базовыми в области вычислительных наук, программирования, сетевых технологий, профильного образования. В Эстонии их появление было продиктовано бурным развитием химической и энергетической отраслей (базировались на добыче сланца), где автоматизация и средства контроля играли значительную роль¹⁷. Импульс развитию стран Балтии придали и реформы по децентрализации экономики СССР 1957–1965 годов¹⁸. Поскольку новые направления развития науки и техники требовали определенных навыков, специалистов по вычислительной технике начали готовить в Ленинградском политехническом институте и Московском энергетическом институте: поначалу их было около 25 человек¹⁹. Специалистов высшей квалификации готовили в Новосибирске, Москве, Киеве, Минске, поскольку своих советов по защите, в частности, докторских диссертаций в республиках Балтии не было²⁰.

После окончания школы Энн Тыугу поступил в Таллинский политехнический институт, в 1958 стал инженером-конструктором на Таллинском экскаваторном заводе. На этом этапе произошло знакомство с ЭВМ, что определило всю его дальнейшую жизнь и карьеру²¹. В конце 1959 случилось, как считал Тыугу, почти невозможное: он поступил в Ленинградский политехнический институт на двухгодичный срок для изучения вычислительного дела без отрыва от производства. Всю жизнь он был благодарен профессору Вольдеку²², который помог туда

¹⁶ *Kaataja S.* Expert groups closing to divide: Estonian–Finnish computing cooperation since the 1960th / *S.Kaataja* // *Beyond the divide: entangled histories of Cold War Europe* / Eds. S.Mikkonen, P.Koivunen. – New-York & Oxford: Berghahn Books, 2015. – P.101–120.

¹⁷ *Hogselius P.* Dynamics of innovation in Eastern Europe: Lessons from Estonia / *P.Hogselius*. – Cheltenham (UK); Northampton (MA, USA), 2005. – P.63.

¹⁸ *Rindzevičute E.* Internal transfer of cybernetics and informality in the Soviet Union / *E.Rindzevičute* // *Reassessing Cold War Europe* / Sari Autio-Sarasmo and Katalin Miklossy (eds). – London & New York: Routledge, 2011. – P.124.

¹⁹ *Tyugu E.* Beginning of Computing in the Soviet Baltic Region / *E.Tyugu* // *Труды SORUCOM*. – Казань, 2014. – С.12–17.

²⁰ *Городняя Л.В.* О работах по системному математическому обеспечению в странах Советской Балтии (1960–1990) / *Л.В.Городняя, И.А.Крайнева, А.Г.Марчук* // *Труды Четвертой международной конференции SoRuCom-2017*. – М., 2017. – С. 135–144.

²¹ *Tyugu E.* Beginning of Computing in the Soviet Baltic Region. Op. cit. – P.13.

²² Александр Иванович Вольдек (1911–1977) – ученый в области электротехники, д.т.н. (1957), академик Эстонской АН (1969), в 1950–1961 работал в Таллинском политехническом институте (ныне Таллинский технический университет), затем – в Ленинградском политехническом институте (ныне Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого).

попасть. В ЛПИ Тыугу получил «фантастическое» образование в области вычислительных наук. В этот период (1959–1976) Тыугу связан с НИПТИ²³, где он проделал путь от научного сотрудника до заведующего отделением²⁴.

В первой половине 1960-х здесь был спроектирован и построен микрокомпьютер STEM (специализированная технологическая электронная машина) с небольшой основной памятью, но большим ПЗУ и интерактивным вводом-выводом через электрическую пишущую машинку. Необычайно надежный по тем временам. Он использовался в технологическом отделе Кировского завода в Ленинграде (не в вычислительном центре, потому что не требовал круглосуточной технической поддержки)²⁵. Компьютеры подобного типа собрали и для других крупных заводов в Советском Союзе. Изделие было отмечено Государственной премией Эстонской ССР в 1967 году. Тыугу руководил разработкой программного обеспечения, а вскоре защитил диссертацию на степень кандидата технических наук (1966, научный руководитель Г.К.Горанский – в 1965–1970 директор минского Института технической кибернетики АН БССР).

В середине 1960-х Тыугу ознакомился с работами новосибирцев В.Котова и А.Нариньяни по параллельному программированию, посетил Академгородок, выступил там на семинаре. В 1970–1971 стал прикрепленным научным сотрудником ВЦ СО АН, доктор физико-математических наук А.П.Ершов, заведующий отделом программирования, – его научным консультантом по подготовке докторской диссертации²⁶. Ершов высоко оценил задел, который был уже сделан. Работа у Тыугу шла успешно, несмотря на бытовые трудности: иногородним докторантам было сложно получить приличное жилье в Академгородке²⁷. Тыугу устроился более-менее сносно в общежитии, подружившись с коммандантшей, которой привозил подарки из Эстонии. Под влиянием коллег он обнаружил в себе тягу к туристическим походам, к охоте, в чем его особенно поощрял Владимир Давыдов, свободный художник и фотограф.

В докторантуре Тыугу развил и дополнил свои исследования, представил их на различных конференциях высокого уровня: на Второй Всесоюзной конференции по программированию в Новосибирске в 1970 г.²⁸, на Конгрессе

²³ НИПТИ – таллинский Научно-исследовательский и проектно-технологический институт систем планирования и управления в электропромышленности.

²⁴ Enn Tuugu's CV // Teadus ja arendustegevus Eestis [Научные разработки в Эстонии]. – <https://www.eriis.ee/user.cv.preview.php?id=542> (дата обращения: 31.12.2021).

²⁵ Tuugu E. Beginning of Computing in the Soviet Baltic Region. Op. cit. – С. 13.

²⁶ Архив академика А.П.Ершова. – <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/796119> (здесь и далее дата обращения: 31.12.2021).

²⁷ Tuugu E. Elu nagu etendus... Op. cit. – L. 186.

²⁸ Архив академика А.П.Ершова. – <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/765983>.

ИФИП-71 в Любляне (Югославия)²⁹. ВЦ СО АН предоставил ему одно из мест, выделенных институту по линии научного туризма в советской делегации на Конгресс. (Между прочим, путевка стоила 350 рублей плюс 10 рублей оргвзнос при зарплате сотрудника примерно в 120 рублей³⁰).

В 1973 Тыгу защитил диссертацию на степень доктора технических наук (оппоненты С.С.Лавров, Б.Г.Тамм, Н.Г.Бондарев), защита проходила в ЛЭТИ³¹. Научные контакты с отделом Ершова не прекращались.

В 1979 Тыгу был приглашен Ершовым для участия в научном паломничестве в Ургенч на родину Аль-Хорезми³².

А.П.Ершов, который был вице-председателем Программного комитета Конгресса ИФИП-1980 и руководителем секции программного обеспечения, приложил немалые усилия, чтобы достойно представить СССР на форуме. В.Е.Котов и Э.Х.Тыгу стали приглашенными докладчиками. Ершов помог подготовить доклад содержательно и стилистически. Он обратился к профессору Эдинбургского университета Р.М.Берсталлу с просьбой «помочь обеспечить высокое качество стиля и содержания доклада Тыгу»³³.

Когда в 1979 была образована Комиссия по системному математическому обеспечению АН СССР, которой руководил член-корреспондент АН СССР А.П.Ершов, Тыгу был включен в состав ее бюро³⁴, он также стал во главе Рабочей группы по синтезу программ. Кроме того, он являлся членом комиссии по распределению и использованию вычислительной техники в АН СССР³⁵. В 1981 Тыгу был избран членом-корреспондентом АН Эстонской ССР, в 1985 – действительным членом, стал академиком-секретарем Отделения информатики и механики АН ЭССР (1985–1991).

В 1976–1986 Тыгу возглавлял лабораторию программного обеспечения в Институте кибернетики АН ЭССР. Исследовательская программа лаборатории была направлена на проблематику автоматизации программирования с приложениями к инженерным расчетам. Тыгу предложил подход к разработке инструментальных систем для пакетов прикладных программ, базирующийся на автоматическом синтезе программ (позже стали использовать термины «семантические вычислительные сети» и «концептуальное программирование»). Идея

²⁹ ИФИП (*англ.* IFIP, International Federation for Information Processing) – Международная федерация по обработке информации, всемирная организация для исследователей и специалистов, работающих в области информационных и коммуникационных технологий (ИКТ).

³⁰ Там же. – <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/778436>.

³¹ Там же. – <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/767418>.

³² Тыгу Э.Х. Структурный синтез программ / Э.Х.Тыгу // Алгоритмы в современной математике и ее приложениях: Часть II: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1979. – С.64–78.

³³ Архив академика А.П.Ершова. – <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/771797>.

³⁴ Там же. <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/772311>.

³⁵ Там же. <http://ershov.iis.nsk.su/ru/node/772294>.

получила дальнейшее развитие в работах С.С.Лаврова (Ленинград)³⁶. В работе принимал участие российский математик-диссидент Г.Е.Минц (1939–2014)³⁷, который после увольнения его из ЛОМИ³⁸ был принят в Институт кибернетики АН ЭССР, где сотрудничал с лабораторией Тыугу (1980–1991)³⁹.

В начале 1980-х Тыугу предложил проводить в Вильянди зимние школы по математическому обеспечению ЭВМ. Сюда приезжали представители заводов ЭВМ Минска, Загорска, Киева, Казани, корифеи программирования из ИТМиВТ, ИПМ им. Келдыша⁴⁰, Института кибернетики АН УССР, Дубны и др. Обсуждались собственные проекты, а также представляли обзоры нового зарубежного программного обеспечения: ОС IBM; DOS IBM; уже было принято решение о копировании ЭВМ IBM-360 (1967). Тематика школ расширялась: теория автоматов (чл.-корр. АН СССР М.А.Гаврилов), искусственный интеллект (к.т.н. Г.Якобсон⁴¹, д.т.н. А.Д.Поспелов), участвовала команда В.И.Варшавского⁴², специализирующаяся в области математики, биологии, теории автоматов, коллективного поведения, распознавания образов, передачи информации, создания асинхронных электронных устройств и систем.

В 1985–1988 коллектив, возглавляемый Тыугу, вошел в состав ВНТК «Старт» – советского проекта по созданию ЭВМ 5-го поколения⁴³, что позволило эстонскому коллективу получить хорошую материальную поддержку для развития своих идей. Энн Харальдович был активным участником рабочей группы по выработке концепции проекта «Старт». В его обязанности входил выбор высокоуровневых средств создания интеллектуального программного обеспечения систем программирования, которые позволили бы создавать удобные пользовательские программы с дружественным интерфейсом⁴⁴. Был разработан ряд интеллектуальных программных сред на основе метода автоматического синтеза программ⁴⁵.

³⁶ Лавров С.С. Синтез программ (в частности, система СПОПА) / С.С.Лавров // Кибернетика. – 1982. – №6. – С.11–16.

³⁷ Tyugu E. Grigori Mints and computer science / E.Tyugu. – <https://kodu.ut.ee/~varmo/tday-kaariku/GMe.pdf> (дата обращения: 31.12.2021).

³⁸ ЛОМИ – Ленинградское отделение Математического института им. В.А.Стеклова АН СССР.

³⁹ Mints G. The programming system PRIZ / G.Mints, E.Tyugu // Journal of Symbolic Computation. – Vol. 5. – L.3. – June, 1988. – P.359–375.

⁴⁰ ИТМиВТ – Институт точной механики и вычислительной техники им. С.А.Лебедева РАН – Научно-исследовательский институт в области информационных технологий, вычислительной техники и микроэлектроники; ИПМ – Институт прикладной математики им. М.В.Келдыша.

⁴¹ Габриэль Якобсон принимал участие в организации регулярной конференции по киберзащите CyCon; почетный председатель ежегодных конференций CogSiMa (Cognitive Situation Management).

⁴² Виктор Ильич Варшавский (1933–2005) – кибернетик, д.т.н., специалист в области управления асинхронными процессами, победитель конкурса на лучший доклад на конференции по вычислениям на нейронных сетях, проводимой компанией Siemens (1998), автор многих оригинальных работ. См.: Шалыто А. Памяти Виктора Ильича Варшавского // Виртуальный компьютерный музей. – https://www.computer-museum.ru/articles/galglory_ru/399/ (дата обращения: 31.12.2021).

⁴³ Project START // Communications of the ASM. – Vol.34. – №6. – June, 1991. – P.30–67.

⁴⁴ Архив академика А.П.Ершова. – http://ershov.iis.nsk.su/ru/lists_front/602?page=2.

⁴⁵ Project START... Op. cit. – P.47–49.

Тыугу активно участвовал в общественно-политической жизни Эстонии в годы перестройки. В 1989–1991 он – депутат легендарного Первого Съезда народных депутатов СССР, того самого, на котором академик А.Д.Сахаров полемизировал с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С.Горбачевым. Вместе с другими эстонскими депутатами Тыугу выступал за аннулирование и осуждение секретных протоколов пакта Молотова–Риббентропа, стал членом Народного фронта Эстонии, который все более настойчиво продвигал идею независимости республики. В ноябре 1988 была принята Декларация о суверенитете, которая провозглашала верховенство законов Эстонской ССР над законами СССР. 20 августа 1991 Верховный совет Эстонии принял решение о независимости, по которому юридически восстанавливалась Эстонская Республика. За этим решением последовало восстановление дипломатических отношений – иными словами, признание Эстонской Республики многими государствами мира⁴⁶.

В 1996 Тыугу баллотировался в президенты Эстонии. Его выдвинули коллеги по Тартускому политехническому университету, но он не набрал нужного количества голосов. Предложение было неожиданным, и он не собирался представлять какую-либо программу, считая, что роль президента – уравновешивание, поиск компромиссов и умеренность. Впоследствии усмотрел долю авантюриности в своем поступке, полагая, что политические амбиции повредили бы преподавательской деятельности⁴⁷. В 2001 его наградили орденом Белой звезды III класса в знак признания его научных и общественных заслуг⁴⁸. Наряду с такими корифеями информатики, как Я.Пеньям, М.Меристе, Ю.Прууден и другие, Э.Тыугу является основателем информатики в Эстонии, которая в наши дни стала лидером Балтийского региона по применению современных ИТ-решений.

Существует ли национальный эстонский характер? Эстонцев обычно аттестуют как людей спокойных, доброжелательных, основательных и деловых. Таким представляется Энн Тыугу. В детстве он перенес тяжелую травму: потерю родителей, дома, родины. Но в его воспоминаниях если и есть горечь, то она глубоко скрыта. Сама форма текста-пьесы в нескольких актах и название «Жизнь как шоу» стилистически и композиционно отодвигают горечь и потери на второй план, создают иллюзию некоторой отстраненности центрального персонажа от пережитого. Детали, которые Энн Тыугу приводит в своих воспоминаниях, навыки детства, которые он сохранил, говорят о том, что это был глубоко укорененный опыт. Но и данными ему от природы способностями он распорядился рачительно, используя возможности и настойчиво реализуя свои замыслы.

⁴⁶ 1985–1991 гг. Восстановление независимости // *Estonica: Энциклопедия об Эстонии*. – <https://is.gd/erQG2q> (дата обращения: 31.12.2021).

⁴⁷ *Lõhmus A.* Профессор Э.Тыугу баллотируется в президенты Эстонии / *A.Lõhmus // Postimees*. – 1996. – 6 Sept.

⁴⁸ Скончался один из основателей информатики в Эстонии академик Энн Тыугу // *Eesti Rahvusringhääling [Эстонское общественное вещание]*. – 01.04.2020. – <https://rus.err.ee/1071469/skonchalsja-odin-osnovatelej-informatiki-v-jestonii-akademik-jenn-tyugu> (дата обращения: 31.12.2021).

Свидетельство, которое Энн Тыгу оставил о своем детстве, уникально для истории советской многонациональной интеллигенции.

Знакомство с историей взаимоотношений советской интеллигенции и власти, как представляется, демонстрирует некоторую ограниченность фактографии именно в отношении национальных особенностей, когда обобщающие метафоры не работают. Еще в предвоенный период именно советское государство стало единственным заказчиком научных проектов, источником их материальной поддержки, оно формировало модернизационную повестку и использовало интеллектуалов для ее реализации⁴⁹. Это подвело их, как и большинство материально стимулированных властью советских граждан, к «большой сделке» послевоенного времени. Речь о переориентации советского режима на удовлетворение потребностей советской интеллигенции и мещанства, о неясном возвращении в советскую жизнь ценностей среднего класса в ответ на лояльность⁵⁰. Неоднозначность взаимоотношений советской интеллигенции и власти отражена в концепте «советской субъективности», когда внешняя лояльность советских граждан скрывала «личностное ядро», приватность⁵¹. Все так. Но на взаимоотношение интеллигенции советских республик и власти накладывается память травмы, нанесенной оккупацией, депортацией, лишением государственности и репрессиями.

Нам вспоминается притча Лао-цзы: «Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки, и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывет труп твоего врага». Сопротивление «лесных братьев» было подавлено в середине 1950-х. Жизнь в республиках Балтии вошла в почти нормальное русло, они стали своего рода *show case* Советского Союза, процветали, богатели, учились. Но память о пережитом осталась. Как только появилась возможность вернуть свободу своим государствам, в Балтии это сделали. Энн Тыгу стал депутатом в то время, когда нужно было решить срочные вопросы бытия, а потом вернулся к науке. Все-таки это было его основное дело.

⁴⁹ См.: Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. И.Э.Колчинский. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 9, 729.

⁵⁰ *Dunham V.S.* In Stalin's time: Middleclass values in Soviet Fiction. / V.S.Dunham. – Durham (North Carolina, USA): Duke University Press Books, 1990. – P.3–5.

⁵¹ Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи / Й.Хелльбек. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С.17.

Александра Крыленкова

Сравнительный анализ последних слов подсудимых на политических процессах с конца XIX по начало XXI века

**Александра Андреевна
КРЫЛЕНКОВА**

*независимая
исследовательница*

Усиление политических репрессий в современной России актуализирует вопросы, связанные со сравнительным изучением самопрезентации политических заключенных в разные исторические эпохи.

Приступая к этой задаче, надо иметь в виду, что современные политические заключенные не являются основным источником сведений о себе. Они не выступают в качестве единоличных владельцев своего публичного образа: этот образ формируется с участием друзей, родственников, адвокатов, журналистов, правозащитников, трансформируется под воздействием социальных медиа. (Впрочем, это замечание в той или иной степени относится к политзаключенным любой эпохи). Это, в частности, приводит к заметной трансформации публичного представления исходных мотивов поступков, приведших их за решетку. Периодические партийные издания или тексты, выпускаемые группами поддержки, непременно вносят собственные фильтрацию и искажение. В определенные эпохи серьезные искажения вносятся и сохранившимися документами репрессивных органов.

Более надежными источниками для изучения самопрезентации являются мемуаристика, дневники, частная переписка. Однако в целях текущего исследования необходимо было выбрать такой источник, который представлен в равной степени в разных изучаемых эпохах.

К сожалению, по сегодняшнему периоду в силу очевидных причин невозможно опираться на мемуаристику – ее просто еще нет. Кроме того, мемуаристика накладывает искажение временем: мемуары пишет уже не политический заключенный, а бывший политический заключенный с учетом всего будущего опыта, зачастую в других политических реалиях находящийся. Не говоря уже о том, что мемуары пишут только выжившие.

Хорошим источником мог бы стать массив писем из мест заключения. Однако в разные периоды действовали различные правила ведения переписки, различные установки тюремной и лагерной цензуры. Кроме того, работа с письмами требует сложной дифференциации по адресату: самопрезентация для родных и близких может существенно отличаться от самопрезентации «для общества».

Нам представляется, что в качестве одного из наиболее доступных и гомогенных источников массивов имеет смысл рассмотреть «последние слова» подсудимых – их выступления перед судом после окончания судебных прений и перед удалением суда в совещательную комнату для вынесения приговора. Конечно, в них также можно заметить искажения, накладываемые стратегией защиты и общей обстановкой несвободы, но эти искажения являются частью субъектности политического заключенного и поэтому входят в структуру самопрезентации.

Обязательным элементом российского судебного процесса «последнее слово» стало после судебной реформы 1864 года; это обстоятельство определяет и временные границы обзора – около 155 лет, прошедших с момента реформы до наших дней¹.

Для сравнительного анализа мы выделили на протяжении этих 155 лет четыре периода, в каждом из которых выбрано некоторое количество наиболее, по нашему мнению, характерных последних слов, произнесенных на политических процессах:

1. 1871–1905 (дореволюционная Россия).
2. 1920-е («раннесоветский» период).

¹ Таким образом, вне нашего рассмотрения остается проблема самопрезентации политических заключенных более ранних эпох: от Радищева до петрашевцев и Бакунина. Действительно, существует огромная литература, сохранившая для нас эту самопрезентацию: ответы Радищева на допросные пункты Шешковского, объяснительные записки и письма декабристов на имя Николая I, «Исповедь» Бакунина и т.д. Жанрово и тематически эти тексты близки к «последним словам» пореформенной эпохи; но типологически ситуация, их породившая, все же заметно отличается от ситуации «последнего слова», произносимого перед открытым судом, в присутствии публики. История бакунинской «Исповеди» достаточно показывает, куда могли бы нас завести поверхностные аналогии, если бы мы рискнули пойти след за внешней аналогией и расширить наш обзор жанрово сходными материалами.

3. 1956–1987 («позднесоветский» период).
4. Постсоветская Россия (с 1999 по настоящий момент).

Как видно из этого разбиения, внутри советской эпохи мы рассматриваем только «раннесоветский» и «позднесоветский» периоды, исключая из рассмотрения период «зрелого террора» (1928–1953). Причины очевидны: в рамках настоящего исследования мы принимаем для термина «политический заключенный» не широкое определение («человек, осужденный к лишению свободы по политическому обвинению – независимо от того, соответствует это обвинение действительности или нет»), а существенно более узкую дефиницию: «человек, который совершил нечто, с его точки зрения, политически важное и за это оказался в тюрьме». Поэтому эпоха сталинского террора из нашего рассмотрения начисто исключается. Не потому, разумеется, что в эту эпоху не было «политических заключенных в узком смысле» – таковые были, и их было немало. Но, во-первых, они растворяются в огромной массе жертв фиктивных «политических» обвинений, не имеющих ничего общего с реальностью. Во-вторых же – и в-главных, – в эту эпоху не происходило *публичных* политических процессов, за исключением целиком «постановочных» (например, «шахтинское дело» или «московские процессы» времен Большого террора)². В остальных случаях за политические преступления людей судили либо заочно, либо за закрытыми дверями – а это совсем другая жизненная ситуация: в ней произнесение «последнего слова» весьма вероятно – но в протоколах заседаний Военной коллегии Верховного суда СССР, военных трибуналов, «спецприсутствий» судов общей юрисдикции они сохранились лишь в виде кратких конспектов, составленных судебными секретарями. Историкам еще предстоит научиться прочитывать за этими конспектами реальную авторскую речь – пока они этого не умеют.

Сказанное объясняет, почему эпоха «зрелого террора» должна быть исключена из нашего рассмотрения.

В качестве материала для изучения первого периода мы взяли десять текстов. Дореволюционные политические дела мы выбирали, по возможности соблюдая разброс по времени и политическим группам: процесс над участниками «Народной расправы» С.Г.Нечаева (1871), «процесс 50-ти» (1877), «процесс 193-х» (1877–1878), процесс по «делу 1 марта 1881», процесс по «делу первого марта 1887», суд над И.П.Каляевым (1905). Наиболее характерными для второго периода мы сочли «последние слова» бывших товарищей большевиков по революционной борьбе, членов руководства партии социалистов-революционеров на знаменитом московском процессе 1922 года. Для «диссидентского» периода (1956–1987) мы взяли, по аналогии с дореволюционным

² Отдельные попытки отдельных обвиняемых на «третьем московском процессе» (1938) или, например, на процессе Еврейского антифашистского комитета (1952) отвести возводимые на них фантастические обвинения ни в какой мере не могут, разумеется, рассматриваться как «самопрезентация».

периодом, политические судебные процессы, максимально разнесенные географически, политически и во времени.

Десять «последних слов» подсудимых на современных политических процессах мы выбрали достаточно произвольно, следуя нашим представлениям об этапах нарастания репрессий и структуре списков политических заключенных Правозащитного центра «Мемориал».

Прежде чем перейти к собственно анализу, хотелось бы отдельно заметить: несмотря на то что «последнее слово» почти всегда относится к «авторскому» типу источников, до нас оно доходит чаще всего не напрямую. В стенографических судебных отчетах это чаще всего не дословное воспроизведение сказанного, а род краткого пересказа; аудиозапись вообще встречается только в материалах последних двух периодов, да и то редко. Как правило, мы имеем дело с отражением последних слов в сам- и тамиздате и журналистских публикациях. Иными словами, эти тексты не защищены от искажений под влиянием внешних факторов. Кроме того, отбор «последних слов» для тех или иных публикаций сам по себе искажает общую картину.

Тем не менее сохранившиеся тексты «последних слов» представляются нам достаточно компактным и сравнительно аутентичным массивом источников, лучше других пригодным для анализа.

Мы не претендуем на то, чтобы провести здесь такой анализ, но попытаемся наметить некоторые возможные подходы к нему.

О словаре. Какие-то эмпирические результаты можно получить уже из частотного анализа словоупотреблений в судебных речах политзаключенных разных периодов (наблюдения, приведенные далее, нельзя, конечно, считать полноценным частотным анализом – это всего лишь оценки, сделанные «на глазок», без необходимого в таком анализе разделения по лингвистическим категориям, таким как «предикаты», «субъекты действия», «объекты действия» и т.д.). И все же любопытно, что до революции самые часто употребляемые (более 50 раз встречаются в соответствующем корпусе текстов) существительные – это «народ» и «время». После 1917 года на первое место выходят «партия», «рабочий», «борьба». После 1956 главными словами становятся «человек» и «слово», а в новое время – «человек» и «дело». Выводы предоставляю делать читателю, хотя следует, разумеется, иметь в виду, что на результаты серьезным (возможно, решающим) образом влияет общее распределение частотности тех или иных лексем в словаре данной эпохи.

Об адресации. Небезынтересным кажется выбор речевой модели, характерный для данной эпохи. К кому обращается говорящий: к суду? к прокурору? к «городу и миру»? Культуру поведения на суде формирует, очевидно, не только личный выбор, но и окружение и наличие/отсутствие товарищей, и ожидания близкого круга.

В большинстве опубликованных «последних слов» дореволюционного периода обращения не было вовсе. Речи начинались с декларации позиции, как речь на митинге. (Трудно, однако, сказать, искажение ли это при распространении, или так было принято). Складывается впечатление, субъективное, разумеется, что до революции «последние слова» были обращены в вечность – как у современных Свидетелей Иеговы.

Эсеры, которых судили в 1920-е годы, часто обращались к своим товарищам по скамье подсудимых: возможно, потому, что судей для них не существовало, они категорически не признавали за ними права осуществлять правосудие.

После 1956 тоже не принято предварять выступление каким-либо обращением – за исключением «последних слов – покаяний». Однако очень часто встречаются обороты «свое последнее слово я хотел бы начать с...» или «прежде чем говорить о...». Возможно, это связано просто с тем, что человеку – не профессиональному оратору – трудно начать говорить.

Сегодня разнообразия намного больше, и в силу большей вариативности способов распространения, и из-за общего снижения уровня нормативности социального поведения «оппозиционера». Сегодня нет общепринятых правил, нет кодексов политэтики и поведенческих стандартов.

Еще одно наблюдение, относящееся уже не к общей адресации речи, а к определенному тематическому фрагменту ее: сегодня принято благодарить – правозащитников, группы поддержки, родных и друзей. А у тех же Свидетелей Иеговы и у некоторых других религиозных групп – и прокурора, и судью, и приставов, и тюремщиков, с благодарностью за предоставленную возможность пострадать за правду.

О признании вины. Практически во всех дореволюционных речах те, кого судят, признают факт содеянного. В редких случаях – признают частично, в части убеждений, но отрицают, например, террористическую направленность деятельности организации или вовсе не признают факт организованной группы. Последнее, возможно, дань защитникам, которые в своих речах часто доказывали отсутствие четких критериев организованной группы в действующих законах. Однако в признании факта нет раскаяния. Есть гордость. После революции вопрос о содеянном вовсе игнорировался, и гордость действием была замещена гордостью партийной принадлежности. В послесталинский период все больше встречается признание фактов, но непризнание их нарушением закона. Если до революции подсудимые говорили о том, что отдают себе отчет в нарушении законов, но не считают суд вправе их судить или что обстоятельства требуют незаконных мер, то в диссидентских судебных процессах все чаще встречается то, что на юридическом языке называется «непризнание вины при наличии признания совершения инкриминируемого деяния».

Сегодня отказ от признания вины является чуть ли не единственным маркером сознательного сопротивления. Вина, как правило, не признается ни в части

фактов, ни в части квалификации (иногда при этом подсудимый считает нужным продекларировать свое мировоззрение или свои политические убеждения).

Отдельной характеристики заслуживают «последние слова» Свидетелей Иеговы. Они имеют очень жесткую общую структуру: благодарности, краткое эссе на тему «Как я пришел или пришла к Богу», проповедь, заявление о готовности пострадать за веру. Почти обязательно присутствует заявление о том, что Свидетели Иеговы не являются экстремистской организацией. В целом – по своей композиции, по уверенности в своей правоте и готовности пострадать за свои убеждения – они больше всего похожи на «последние слова» революционеров конца XIX века.

О наказании. За исключением последнего периода, во все времена политические заключенные понимали, каким будет приговор. Но в их «последних словах» риторика упоминаний об ожидающей их судьбе заметно отличалась в разные эпохи.

Как в дореволюционный, так и в поздний советский период в «последних словах» не встречаются попытки как-то на приговор повлиять. В обе эти эпохи у подсудимых наблюдается один и тот же подход к вопросу о приговоре: «Я знаю, что вы со мной сделаете, но это ваши проблемы, и ваше решение останется на вашей совести», – притом что ожидавшиеся приговоры в эти две эпохи могли сильно отличаться по своей тяжести.

Социалисты 1920-х с советским судом наказание вовсе не обсуждали. На процессе эсеров 1922 в «последних словах» подсудимых встречаются выражения типа «рада возможности пострадать за идеи», что вносило в их риторiku оттенок безнадежности и переносило субъектность с самого заключенного на тех, кто его судит (опять сходство с «последними словами» религиозных деятелей всех конфессий!). В речах, которые те же эсеры произносили в аналогичных обстоятельствах до революции, этого оттенка, пожалуй, не было. Там присутствовала иная интонация: идет борьба, результаты ее еще дадут себя знать, сегодня вы нас судите, а завтра мы вас будем судить.

Сегодня отказ от любых форм обсуждения наказания (требование снижения срока, обсуждение несправедливости наказания и т.п., не говоря уже о просьбе о снисхождении) – один из немногих, наряду с непризнанием вины, маркеров самоопределения подсудимым себя как политического заключенного, его принадлежности к политическим движениям и осознанности политического действия. Толоконникова, Сенцов, Навальный, Жуков, большинство узников Болотной и многие другие вопрос наказания не обсуждают, принимая его как данность. Случайные же жертвы политических репрессий, фигуранты полностью сфабрикованных дел и т.п. – обсуждают.

О полемике с обвинением. До революции в своих «последних словах» выступающие, как правило, не касались ни собранных доказательств, ни доказанности вины, как бы игнорируя сам факт суда и право оно оценивать свои действия.

В 1920-е подсудимые иногда вступали в полемику с обвинением, но лишь для того, чтобы ярче показать ничтожность своих оппонентов и аморальность их аргументации. Очень показательна цитата из «последнего слова» Абрама Гоца на процессе 1922 года:

С прокурорских скамей все возражения против нас заканчивались обычно одним торжествующим припевом, одним ликующим рефреном: «А победители мы!», «Мы вас разбили в открытом бою, и теперь судим по праву победителя»³.

После 1956 года разбор материалов дела встречается в «последних словах» намного чаще. Андрей Синявский вступает в литературоведческую полемику с обвинителем, Павел Литвинов критикует обвинительное заключение за его «абстрактность» и т.д.

В наши дни разбор доказательств встречается регулярно, причем очень часто речь заходит о нарушении законности следствием. Фигуранты «Дела Сети» рассказывают о пытках и незаконных приемах при сборе доказательств, Оюб Титиев говорит о подброшенных уликах и обвиняет тех, кто несет за это ответственность. Вообще никак не обсуждал в своих «последних словах» следствие Алексей Навальный, совсем не касались следствия Олег Сенцов, узник Болотной площади Алексей Полихович и арестант «московского дела» Егор Жуков.

О политической позиции. Декларирование и объяснение своей политической, гражданской либо мировоззренческой позиции – почти обязательный пункт для «последних слов» политзаключенных всех эпох. Петр Алексеев расскажет о положении рабочих, Софья Бардина – о привилегиях дворянства, эсеры на процессе 1922 года расскажут о своей революционной борьбе, диссиденты – о гражданской ответственности за страну и о важности права, современные обвиняемые по политическим мотивам – о причинах и целях своего протеста, представители преследуемых религиозных конфессий – о своей вере в Бога и т.д. Собственно, именно этот пункт и делает «последнее слово подсудимого» важной составляющей его самопрезентации в общественном пространстве.

Все изложенные выше наблюдения над «последними словами» обвиняемых – это, конечно же, не попытка выстроить на одном достаточно узком типе источников типологию политической или гражданской оппозиции в России за последние полтора столетия. Но, быть может, эти наблюдения и подходы могут оказаться полезными исследователю, который занимается историей оппозиционной ментальности в нашей стране за последние полтора столетия.

³ Последнее слово подсудимого Гоца // Революционная Россия. – 1922. – №21–22. – С.21–34.

Ольга Савелова

Женщины в науке: династия, семья, персона

**Ольга Алексеевна
САВЕЛОВА**

*кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института систем
информатики
им. А.П.Ершова СО РАН,
г. Новосибирск*

savol@bk.ru

Из названия статьи видны некоторые проблемные поля, которые я хотела бы обозначить в своем исследовании.

Одно из них – это взаимное влияние истории семьи или целой научной династии на личную историю, их взаимопроникновение.

Следующее проблемное поле включает гендерный аспект: применительно к обозначенному сценарию – история женщин конкретной научной династии – Крафтов–Де-Метцев–Карповых – представителей отечественной интеллигенции, ее интеллектуальной элиты, прослеженная на материале двух столетий.

Еще одно важное проблемное поле – возможность доступа и использования исследователями социокультурного наследия, представленного большими массивами данных архива науки, через современные информационные технологии – в этом помогают существующие электронные архивы, в данном конкретном случае – Открытый архив СО РАН¹.

---

¹ Открытый архив СО РАН. – <http://odasib.ru> (дата обращения: 18.01.2022).

История женщин в науке, завоевание ими равенства, зачастую мнимого в силу скрытой, а во многих случаях и явной дискриминации, носила неравномерный и нелинейный характер². Деятельность первых женщин, посвятивших себя служению науке, была крайне ограничена. На рубеже XIX–XX веков многие женщины, получившие образование и добившиеся права заниматься общественно полезной деятельностью, стремились активно участвовать в научно-исследовательской работе. Однако сделать это могли далеко не все, и только в учебных заведениях (в лабораториях, на кафедрах, в кружках и на семинарах). Требовались специальные законы, допускающие прием женщин на государственную службу в научные учреждения. В начале прошлого века к таким учреждениям можно было отнести в основном образовательные и медицинские (среди некоторых других – геофизические и сельскохозяйственные)³.

Гендерное неравенство в среде ученых, занимающихся как фундаментальной, так и прикладной наукой, было и остается до сих пор очевидным фактом, внимание которому все больше уделяют в разных странах, в том числе в Российской Федерации, на государственном уровне для выявления, изучения и корректировки факторов, поддерживающих существующую тенденцию. В основе гендерной асимметрии лежат стереотипы, имеющие социально-исторические корни: проблемы социального статуса женщины в обществе, ее права самореализации как в семье, так и в публичной жизни⁴.

Героиням моего исследования повезло состояться в науке и получить признание в наибольшей степени благодаря преемственности их династических пристрастий к знаниям, образованию, научным изысканиям.

Напомним: биография (от греческого – жизнеописание) – «изображение жизни данной личности, удовлетворяющее требованиям исторической науки»⁵, сделанное другими людьми или им самим (автобиография). Как правило, биография относится к описанию жизни отдельной личности. Вместе с тем исследования по функционированию и взаимодействию нескольких лиц, объединенных какой-либо общей деятельностью: работой, учебой, общими идеями, потребностями, интересами и т.п., – можно отнести к жизнеописанию коллектива или коллективной биографии. В нашем случае биография ученого или целой научной династии рассматривается как частный случай коллективной биографии – жизнеописание, включающее как *curriculum vitae* – краткий перечень главных фактов и заслуг из жизни нескольких персонажей упомянутых семей, внешние факты их жизни, так и духовный, и нравственный рост, интеллектуальное развитие личности

² Савелова О.А. «Женский вопрос» и наука на рубеже XX–XXI вв. / О.А.Савелова // История науки и техники. – 2020. – №12. – С.20–29.

³ Селезнева Е.С. Первые женщины геофизики и метеорологи / Е.С.Селезнева. – Л., 1989. – 184 с.

⁴ Савелова О.А. Указ. изд. – С.20–29.

⁵ А.Я. [Яновский А.] Биография и биографические сборники / А.Яновский // ЭСБЕ. – <https://is.gd/YkxNeN> (дата обращения: 18.01.2022).

и семьи, научные пути представителей династии: наследование образовательной траектории, родительское программирование на профессиональную преемственность или ее отсутствие и т.п.

Исследование основано в большей степени на материалах архива сестер Карповых (в девичестве) – впоследствии академика Татьяны Ивановны Заславской и доктора филологических наук Майи Ивановны Черемисиной⁶. В фонде сестер содержатся документы семьи Карповых, а также других членов династии из семей Крафтов и Де-Метцев. В массиве исторических артефактов более 15 тыс. сканированных документов. Они представлены десятью тематическими коллекциями и несколькими подколлекциями, включающими в большей степени эгодокументы – удостоверения личности, переписку членов семьи и их друзей, дневники и воспоминания, фотодокументы, а также научные труды и делопроизводственные документы. Документы данного корпуса аннотировались по нескольким параметрам: авторству, временным рамкам (начальная и конечная даты, отраженные в документе), описанию (краткая информация о персоне и/или организации, упомянутых в документе, геоинформация, дополнительные комментарии), источнику поступления.

Самая объемная часть архива представлена семейной перепиской Де-Метцев – Карповых – Крафтов – Воскобойниковых и др. довоенного (с 1931) и военного времени (1941–1945), а также более поздней (1946–2001), включающей письма семей М.И.Черемисиной и Т.И.Заславской. В традициях династии было важно сохранять полученные письма и часто делать копии с отправляемых. Бережно сохраненная коллекция писем, открыток, телеграмм, личных записок позволяет достаточно полно представить жизнь отдельной семьи и каждого ее представителя в отдельности на протяжении нескольких десятилетий. В коллекции содержится и такая редкая, отрицающая непреодолимость географии переписка Евгения Крафта, оказавшегося с семьей в Европе в 1920-е годы, с сестрой Саррой, оставшейся в России. Шестидесятилетний адмирал рассказывает о проблемах и тяготах эмиграции, о жизни в Югославии и Франции, о поисках работы, о внуках в пансионе для бедных, о материальных проблемах – собственных и своих, уже взрослых, детей. Благодаря этой переписке семья узнаёт о наладившейся жизни и относительно благополучии родственников-эмигрантов к началу 1930-х годов⁷.

В исследовании также использовались опубликованные воспоминания Т.И.Заславской⁸, М.И.Черемисиной⁹, их коллег и учеников и другие источники.

⁶ Фонд Т.И.Заславской–М.И.Черемисиной // Открытый архив СО РАН. – http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xc_furs_634919475472910156_2066 (дата обращения: 18.01.2022).

⁷ Савелова О.А., Крайнева И.А. Электронный архив сестер Карповых: история научной династии / О.А.Савелова, И.А.Крайнева // Исторический курьер. – 2021. – №2 (16). – С.25–35. – <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-02.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

⁸ Заславская Т.И. Избранные произведения: в 3 т. – Т.3: Моя жизнь: воспоминания и размышления / Т.И.Заславская. – М.: Экономика, 2007. – 764 с.

⁹ Черемисина М.И. Мои воспоминания / М.И.Черемисина. – Новосибирск: СО РАН, 2020. – 493 с.

Крафты. Первое упоминание о Крафтах в семейном архиве начинается с Карла Карловича (1817–1871) – прадеда Татьяны и Майи – штабс-капитана Корпуса флотских штурманов Русского общества пароходства и торговли. Старшие сыновья Виктор и Евгений Крафты продолжили начинание отца, поступив в Морское училище в Санкт-Петербурге, а затем в Морской кадетский корпус. В коллекции фонда сестер Карповых сохранились послужные списки и другие документы, подтверждающие карьеру морских офицеров В.К. и Е.К. Крафтов¹⁰.

Виктор Карлович Крафт (1857–1927) дослужился до адмиральского звания, был председателем Русского торгового добровольного флота и сыграл большую роль в возвращении из-за границы арестованных после революции судов в Россию.

Евгений Карлович Крафт (1861–1942?) – как и его брат, дослужился до адмиральского звания, был военным с выдающимися дипломатическими способностями. Упомяну лишь один факт из жизни Евгения Крафта: за время плаваний на судах «Память Азова» и «Варяг», визиты которых в заграничные порты часто имели ярко выраженную дипломатическую нагрузку, Евгений Карлович удостоился награждения пятью иностранными орденами: Кавалерским крестом ордена Почетного легиона (Франция), орденом Османие (Турция), орденом Красного орла (Пруссия), Кавалерским крестом ордена Данеброг (Дания), а также Командорским крестом ордена Черной звезды (Франция от имени Дагомеи). Однако гораздо большее значение для него имело продвижение в чинах на российской службе¹¹. В 1914 вышел в отставку в чине вице-адмирала. В ноябре 1920 с женой, внучком, невесткой и племянницей эвакуировался сначала в Константинополь, затем в Югославию.

Ольга Карловна (1857 – не ранее 1934) – старшая из сестер Крафт – была талантлива, одарена музыкально, имела способности к наукам. Характер имела сложный, но целеустремленный. Ее тяга к знаниям была настолько велика, что позволила преодолеть превратности жизни и препоны в получении образования за границей. Диплом, полученный ею в Цюрихе, имел ограничения, так как там она не учила латынь и греческий, однако и это не стало препятствием, упорство Ольги Крафт было вознаграждено – она поступила на медицинский факультет Сорбонны и успешно окончила его с защитой диссертации «*Traitement de l'empyème par la pleurotomie antiseptique*» (Лечение эмпиемы антисептической плевротомией) и утверждением в степени доктора медицины в 1883 году¹². Параллельно она

¹⁰ Архивные документы о членах семьи // Открытый архив СО РАН. – http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu2_pavl_636941295668285395_1977 (дата обращения: 18.01.2022).

¹¹ Володихин Д.М. Российский морской военачальник Е.К. Крафт в зеркале делопроизводства Черноморского флота Врангеля и белой эмиграции / Д.М.Володихин, А.А.Богомазова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (Серия: Исторические науки). – Т.2 (68). – №3. – 2016. – С.3–19.

¹² Диссертация доктора медицины Ольги Крафт // Открытый архив СО РАН. – http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Z3_1041 (дата обращения: 18.01.2022).

окончила Парижскую консерваторию, вышла замуж и осталась во Франции. В январе 1889 в журнале «L'Union médicale» в рубрике «Парижские диспансеры» вышло объявление о новой амбулатории «Butte-aux-Cailles» для женщин и детей:

Госпожа Ольга Крафт, доктор медицины Парижского факультета, открывает амбулаторию, пассаж Симоне, №6 (район Гласьер), амбулатория «Бюттский перепел». Она будет давать бесплатные консультации, по воскресеньям с десяти часов до полудня для женщин и детей; по четвергам и пятницам с часу до трех для одиноких женщин [пер. с фр. О.Савеловой]¹³.

Повторим, что целеустремленность и склонность к наукам были присущи всем членам семьи Крафтов и так или иначе передались последующим поколениям вплоть до наших дней. Ольга некоторое время продолжала поддерживать связь с семьей, в основном с сестрой Саррой.

Сарра Карловна Крафт (1863–1941) (в замужестве с 1889 Де-Метц) – бабушка Майи и Татьяны – окончила три курса консерватории, некоторое время жила у сестры Ольги в Париже, знала несколько иностранных языков, была замечательной хозяйкой. Музыка, языки, литература были ее привязанностями всю жизнь, эту любовь она передала дочерям Маргарите и Татьяне, а позже внучкам Тане и Майе. Мужу, Г.Г.Де-Метцу, помогала издавать научный журнал «Физическое обозрение» в качестве секретаря и казначея.

Ее младшая сестра Анна Карловна Крафт (1869–1942, в замужестве Давыдова) получила образование в объеме классической гимназии, рано вышла замуж, овдовела, встретила «человека своей жизни», но через десять лет, в 1918, он умер, оставив ей небольшой вклад в швейцарском банке, который она позже, очень недолго, получала чеками торгсина. Оставшуюся жизнь прожила в семье сестры Сарры. Подрабатывала уроками немецкого и французского.

Де-Метцы. Сестры Карповы Майя (1924 г.р.) и Татьяна (1927 г.р.) родились в Киеве и первые годы своей жизни провели в семье деда по материнской линии профессора физики Киевского университета Георгия Георгиевича Де-Метца, потомственного дворянина с 1913 г.

Георгий Георгиевич Де-Метц (1861–1947) был из одесской обеспеченной семьи бельгийского подданного Георгия Де-Метца и русской дворянки Ольги Константиновны (урожд. Травиной). С раннего детства проявлял склонность к наукам, с золотой медалью окончил гимназию, затем физико-математический факультет Новороссийского университета со степенью кандидата физико-математических наук. Стажировку проходил у немецкого физика профессора Августа Кундта в Страсбургском университете. В 1891 вернулся в Одессу, получил степень доктора

¹³ Dispensaires de Paris // L'Union médicale: journal des intérêts scientifiques et pratiques, moraux et professionnels du corps médical. – 1889. – №5. – 10 Janvier. – https://archive.org/stream/BIUSante_90068x1889x47/BIUSante_90068x1889x47_djvu.txt (дата обращения 18.01.2022).

физики и приглашение на должность профессора в Императорском университете Святого Владимира в Киеве. С 1896 утвержден в должности ординарного профессора кафедры физики¹⁴.

В 1896–1898 Георгий Де-Метц участвовал в работе комитета по созданию в Киеве первого Политехнического института, в котором позже служил в должности ординарного профессора кафедры физики. Проявлял научно-организационные способности, занимался педагогической и издательской деятельностью. Научные интересы Георгия Георгиевича лежали в области тепловых явлений и радиоактивности, представлены рядом публикаций и лекциями, которые он читал в трех институтах вплоть до 80-летнего возраста. В архиве сохранилась лекция «Современные взгляды на электричество»¹⁵, прочитанная профессором Де-Метцем в 1892 в Императорском университете Святого Владимира, а также его рабочие материалы, труды известных физиков и заметки о них. Был признанным ученым-физиком в России и мире. В 1889 женился на Сарре Карловне Крафт. У Георгия Георгиевича и Сарры Карловны было трое детей.

Маргарита Георгиевна Де-Метц (1890–1972, в замужестве Воскобойникова) – тетка М.И.Черемисиной и Т.И.Заславской – старшая сестра их матери, родилась в Одессе накануне переезда Де-Метцев в Киев, с отличием окончила гимназию, затем консерваторию по классу фортепиано. Замуж вышла за коллегу отца Михаила Михайловича Воскобойникова (профессора биологии киевского Института зоологии и биологии). Из-за своего якобы дворянского происхождения не могла найти постоянную работу, подрабатывала в разных клубах, сопровождая певца и певицам, заработки были ничтожными. Главной отдушиной были сын Миша и религия.

Юрий (1898–1920) – единственный сын Георгия и Сарры Де-Метц – младший брат матери Майи и Татьяны. После гимназии окончил кадетское училище, стал юнкером, воевал на стороне белых. Умер, не дожив до 22 лет, от сыпного тифа.

Карповы. Татьяна Георгиевна Карпова (урожд. Де-Метц 1895–1941) – мать девочек. Дочь профессора из среды «высшей русской интеллигенции Серебряного века несла на себе печать той культуры»¹⁶. Татьяна была хорошо образованна, окончила с отличием Киевскую классическую гимназию, Московские женские курсы, знала несколько иностранных языков. С Иваном Васильевичем Карповым, будущим мужем, познакомилась в 1918 на историко-филологическом факультете Киевского университета и через год вышла за него замуж. Гражданская война, семейные проблемы и трагедии помешали получить диплом о высшем

¹⁴ Савелова О.А., Крайнева И.А. Указ. изд.

¹⁵ Современные взгляды на электричество: Вступительная лекция, читанная 29 сентября 1892 года в Императорском университете Св. Владимира профессором Г.Г.Де-Метцем. – Киев. – 1892. – 17 с. – http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_31017 (дата обращения: 27.01.2022).

¹⁶ Заславская Т.И. Указ. изд. – С.79.

образовании¹⁷. Дворянское происхождение было одновременно и благом, и несчастьем ее жизни, постоянной работы найти не получалось. Занималась семейным бытом, помогала Ивану Васильевичу в переводе научных статей, перепечатывала его рукописи, в некоторой мере реализую свои способности и образованность на практике. Татьяна Георгиевна погибла во время бомбежки Москвы в июле 1941.

Иван Васильевич Карпов (1893–1965) – отец Татьяны и Майи – кандидат педагогических наук, профессор, работал в научно-педагогических учреждениях, его главными научными интересами были история и педология – комплексная междисциплинарная наука о развитии ребенка. Родился и вырос в деревне Зевнево Куровского уезда Московской губернии, но стремился к городской жизни, поэтому после успешного окончания церковно-приходской школы поступил в городское училище в Боровске и «стал истинным горожанином». Затем обосновался в Киеве, служил конторщиком в казенных учреждениях. Вольноопределяющимся принимал участие в Первой мировой войне с 1914. Был демобилизован по ранению в 1916, успешно сдал экзамен в гимназии, получил аттестат зрелости и поступил на философско-педагогический факультет Киевского университета, где и началась его карьера педагога и ученого. Страницы дневников и писем Ивана Васильевича¹⁸ хранят записи о знакомстве с будущей женой, радостях и трудностях совместной жизни, рождении детей, о первых днях Великой Отечественной войны, о событиях, происходящих на его глазах, о мыслях, страхах и надеждах человека, потерявшего в июле 1941 жену – любимую женщину, мать его детей.

Майя Ивановна Черемисина (урожд. Карпова) отчасти пошла по стопам матери, окончив филологический факультет МГУ. Талантливый лингвист, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РФ, Майя Ивановна, по воспоминаниям друзей и коллег, «была человеком увлекающимся и способным увлекать людей», заряжая творческой энергией всех вокруг¹⁹. С раннего детства семья мамы привила ей любовь к литературе, родной речи и языкам. Бабушки Сарра де-Метц (Крафт) и Анна Давыдова (Крафт) занимались духовным развитием внуков Майи и Тани. Через вечерние чтения детских книг закладывались основы тех духовных и культурных ценностей, которым они следовали всю жизнь²⁰. Майя Ивановна занималась исследованием русского синтаксиса, лексической семантики и синонимии, совмещала преподавание с научной деятельностью в вузах Новосибирска, Пекина, Томска, Тулы. В дневниках 1942–1989 годов Майя Ивановна оставила свои размышления о событиях, происходивших в ее круге общения, в научной среде,

¹⁷ Там же. – С.18.

¹⁸ См.: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu1_pavl_636603446169856450_1915 (дата обращения: 07.02.2022); http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshhtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_31004 (дата обращения 07.02.2022).

¹⁹ Горелова Л.М. Майя Ивановна Черемисина / Л.М.Горелова // Предложение как единица языка и речи. Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М.И.Черемисиной. – Новосибирск, 2019. – С.12–20.

²⁰ Савелова О.А., Крайнева И.А. Указ. изд.

в стране в целом в разные периоды жизни. Описаны события из детства, юности, ее замужество с Петром Георгиевичем Черемисиными (1950), первые годы супружеской и семейной жизни, воспоминания об Академгородке. В 1970-е она записывает мысли о праве на эмиграцию, об условиях существования разных людей, о развитии искусства и общества, о роли интеллигенции²¹. Есть записи накануне распада СССР, когда рушился привычный «застойный» уклад, жизнь людей стремительно менялась. В китайском дневнике 1957 года Майя рассказывает о жизни и работе в Китае, где она преподавала русский язык²². Описывает впечатления о другой стране, ее культуре, искусстве, языке. Продолжают эту тему письма китайских студентов и коллег Черемисиной, из которых просматривается их судьба в годы «Культурной революции».

Татьяна Ивановна Заславская (Карпова) – лидер российской социологии, академик РАН (1981), академик ВАСХНИЛ (1988). О наиболее ярких и значимых моментах своей жизни Татьяна Ивановна написала в воспоминаниях²³. Основой для книги послужила не только и не столько обманчивая личная память, сколько по большей части документальные источники – дневники и письма ее деда, матери, отца, ее собственные. Увлеченность физикой Г.Г.Де-Метца – дедушки Жоржа определила для Татьяны выбор первого научного пути и ее поступление на физический факультет МГУ:

Физика!.. вот наука, которую я изучала бы с наслаждением!.. как здорово было бы продолжить важное и нужное дело дедушки...²⁴

Позднее она изменила направление научной деятельности:

Закономерности движения частиц и волн, при всей своей строгости и стройности, уводили от того, что казалось самым интересным и главным, – устройства мира людей, механизмов его функционирования и развития...²⁵

В сентябре 1946 Татьяна Ивановна перевелась с естественного физическо-го на идеологический экономический факультет, который и окончила с отличием в 1950. Научная карьера Татьяны Ивановны началась в цитадели экономической науки – в Институте экономики АН СССР. В 1956 Татьяна защитила кандидатскую диссертацию.

Значительный материал содержат дневниковые записи 1962 года о причинах переезда в Новосибирский научный центр, о его «целесообразности», связанной

²¹ См.: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_2308 (дата обращения: 07.02.2022).

²² См.: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.cshtml?id=Zc_2628 (дата обращения: 07.02.2022).

²³ Заславская Т.И. Указ. изд.

²⁴ Там же. – Т.3. – С.256.

²⁵ Там же. – Т.3. – С.288.

с решением семейно-бытовых и производственных проблем²⁶. В Новосибирске Татьяна надеялась реализоваться в плодотворной научной работе. Чтобы «служить хотя бы мельчайшим винтиком в реально действующем механизме движения науки, надо, прежде всего, находиться на переднем крае фронта знаний»²⁷. По мнению Татьяны Ивановны, Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР подходил для этого в наибольшей степени.

В детстве бабушка Сарра и ее сестра Анна (бабушка Нина) привили Майе и Тане ту систему ценностей, которая включала личное достоинство, честность, порядочность, любовь к близким и сочувствие людям. Важной стороной семейного воспитания была акцентированная ценность знаний и любовь к образованию. Занятие наукой – интересной и достойной деятельностью, которой посвятили себя Ольга Карловна Крафт (сестра бабушки Сарры), профессора Г.Г.Де-Метц (дедушка), И.В.Карпов (отец), М.М.Воскобойников (дядя, муж Маргариты Георгиевны Де-Метц, профессор биологии Института зоологии и биологии в Киеве) и их окружение, вызывали огромное уважение сестер Карповых, представлялись самой почетной сферой приложения их способностей, что и реализовалось впоследствии в их научных карьерах²⁸.

Краткая биография, изложенная на основе архивных документов нескольких семей, дает представление о людях науки, связанных родственными узами, позволяет проследить преемственность в служении науке и просвещению представителей нескольких поколений научной династии, начиная с XIX века до наших дней.

В заключение хотелось бы сказать, что со второй половины 1990-х годов информатизация гуманитарной сферы стала одним из важных адаптационных механизмов к вызовам времени, средством встраивания гуманитариев в информационное общество, своего рода «незримым колледжем» научного и культурного сообществ на основе информационных технологий. В сложившейся ситуации существования научного и мирового сообщества в условиях COVID-19 информационные системы приобретают все более актуальное значение, позволяя историкам расширить поле архивной деятельности, ввести в оборот новые источниковые материалы, обеспечить оперативность исследований. Персональные электронные архивы открывают новый виток в изучении отечественной истории, объединяя эго-документы из разных источников в интернет-ориентированной системе. Способствуя аккумуляции научного и культурного наследия в информационном пространстве, исследователи содействуют развитию междисциплинарных и международных проектов накопления, представления и хранения наследия.

²⁶ См.: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_30986&eid=Zc_0003_0228 (дата обращения 07.02.2022).

²⁷ См.: http://odasib.ru/OpenArchive/DocumentImage.cshtml?id=Xu1_pavl_635766969644249164_30986&eid=Zc_0003_0230 (дата обращения 07.02.2022).

²⁸ Савелова О.А., Крайнева И.А. Указ. изд.

Елизавета Саволайнен

Биографический метод в этносоциологическом исследовании идентичности ингерманландских финнов

**Елизавета Арвовна
САВОЛАЙНЕН**

*аспирантка Института
социологии РАН
(ФНИСЦ РАН)*

*elizaveta.a.savolainen@
gmail.com*

Статья посвящена анализу биографических рассказов ингерманландских финнов с фокусировкой на репрезентации исторической памяти и рефлексии наследия «сложного прошлого». В качестве ключевого метода использовалось полужормализованное биографическое интервью, опрошено более 30 информантов, но в данной статье приводятся избранные и наиболее выразительные выдержки из интервью.

Социология, имея позитивистский генезис и стремление к объективным измеряемым показателям, сравнительно недавно обратилась к микроуровню – исследованию конкретных жизненных историй, качественным методам и погружению вглубь. В последние годы интерес к биографическому методу в социологии вырос под влиянием междисциплинарных исследований в культурологии и обновления исторической науки (публичная история, микроистория).

В рамках данного этносоциологического исследования анализируется не одна конкретная биография, а массив биографических данных, собранных

методом структурированного биографического интервью, а наличие структуры гайда позволяет выравнивать данные. Биографический метод, примененный в этносоциологии, помогает обнаружить и раскрыть механизмы индивидуальной идентичности, как индивид понимает для себя значимые моменты жизни – большие исторические события, социальный контекст, социальную динамику эпохи, как адаптируется, какие решения принимает. А.Бергсон замечал, что биографический метод позволяет рассматривать объект в «теплоте и подвижности» повседневной жизни¹. Сужая рамку, мы рассматриваем этническую идентичность, определить которую можно как сознание общности людей, основанное на представлениях о своей национальности, происхождении, языке, культуре, истории, территории, интересах, эмоциональном отношении к ним и – при определенных условиях – готовности действовать во имя этих представлений². В структуре идентичности выделяются три уровня – когнитивный (представления, знания о своей этнической общности, ее истории и культуре), эмоциональный (ощущения сопричастности, солидарности, вовлеченности, некоторого эмоционального отношения к этому факту) и деятельностный (действовать сообразно представлениям, воспроизводить этнокультурные и социальные нормы). Этническая идентификация не противоречит гражданско-государственной, а соотносится и сочетается с ней и другими типами идентичности (локальной, региональной) в различных пропорциях, что является условием сохранения культурного многообразия России.

Обработка комплекса литературы показывает, что «финская» тема богато представлена в исторических, лингвистических и культурологических исследованиях, однако комплексных социологических исследований, в которых была бы детально описана структура общности, межрегиональная и тем более межстрановая компаративистика, не проводилось, что определяет научную актуальность исследуемой нами проблемы. Но и с практической стороны изучение ингерманландских финнов как этнической общности представляется крайне актуальным в свете комплекса проблем, из которых можно выделить три ключевые:

1. Ситуация полупризнания со стороны государства, борьба за восстановление прав (в 1990-х финны признаны репрессированным народом³, но с тех пор никаких мер со стороны государства не было предпринято, как и в отношении других тотально репрессированных народов). На данный момент количество финнов составляет менее 20 тыс. человек, однако статус коренного

¹ Бергсон А. Здравый смысл и классическое образование / А.Бергсон // Вопросы философии. – 1990. – №1. – С.163–168.

² Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе: новые подходы, старые мифы, социальные практики / Л.М.Дробижева // Вестник Института социологии. – 2010. – №1. – С.429–442.

³ Закон РСФСР от 26.04.1991 №1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» // ГАРАНТ: Информационно-правовое обеспечение. – <http://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 28.01.2022).

малочисленного народа (до 50 тыс. человек)⁴ финнам получить так и не удалось. Игнорирование темы также обнаруживается и в Финляндии: история финнов, оставшихся или переехавших в СССР, неизвестна широкой аудитории. В период репатриации в Финляндию (1991–2016) иммигрировало не менее 30 тыс. ингерманландских финнов, но на протяжении многих лет эта тема практически не поднималась в общественно-политическом дискурсе. Выставка Л. и С. Пакканенов «Ингерманландцы – забытые финны» в Национальном музее Финляндии в Хельсинки была первым крупным проектом за тридцать лет, нарушившим сложившееся умолчание и открывшим дискуссию о судьбах и современном положении ингерманландских финнов⁵.

2. Ингерманландские финны имеют сложную структуру расселения, сегодня они проживают относительно компактно на Северо-Западе России (Санкт-Петербург и Ленинградская область, Карелия), но не менее четверти проживают дисперсно, т.е. рассеянно, вне контактов с представителями своей этнической группы, в регионах России. Имеются крупные группы в Финляндии (не менее 30 тыс. человек), Эстонии (не менее 7 тыс.) и Швеции (не менее 5 тыс.). Проживание в иноэтничном социальном окружении приводит к постепенной ассимиляции и утрате идентичности.

3. Конкуренция за символические формы и право на память (между этнокультурными организациями, разными территориальными группами российских финнов, регионалистским политическим движением «Свободная Ингрия»; самоназвание, территория и символы (флаг и герб) идентичны, это вводит в заблуждение, этнических ингерманландцев путают с регионалистами и необоснованно обвиняют в сепаратизме и экстремизме).

Демография и историческая фактура

В Российской империи уклад жизни ингерманландских финнов был традиционным, однако с некоторыми особенностями: финны – жители пригородного региона, поставщики сельскохозяйственной продукции, некоторые этнические профессиональные монополии (ювелиры и трубочисты) создавались финнами, в основном финляндскими. После обретения независимости Финляндией в 1917 году значительное число финнов оставалось на территории

⁴ См.: Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» в редакции от 06.02.2020 № 11-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_344780/ (дата обращения: 18.02.2022); Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями на 26 декабря 2011 года)» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – <https://docs.cntd.ru/document/901976648> (дата обращения: 28.01.2022).

⁵ Пакканен Л., Пакканен С. Ингерманландцы – забытые финны: Тексты к выставке (Национальный музей Финляндии, 24.01–19.04.2020) // Л.Пакканен, С.Пакканен. – [Хельсинки], 2020. – 50 с. // Музеи и крепости. – <https://www.kansallismuseo.fi/ru/exhibitions/inkerilaeiset-unohdetut-suomalaiset> (дата обращения: 22.02.2022).

России: это были ингерманландские финны и обновляемая за счет идеологически мотивированных иммигрантов финская диаспора⁶.

Финны в СССР – один из народов, которому государственный террор 1930–1950-х годов нанес непоправимый ущерб, уничтожив не менее трети представителей этой этнической группы, разрушив традиционный уклад жизни и культуру. Безусловно, нужно помнить о том, что тотальным депортациям в СССР подверглись не только финны, но еще девять народов и было проведено более сотни нетотальных депортационных кампаний по различным социальным, национальным, религиозным критериям⁷. Но к характерному можно отнести территориальную рассеянность, расселение ссылаемых финнов небольшими группами в восточных и северных районах РСФСР и в Казахстане, в то время как другие депортационные кампании имели более компактное расселение контингента.

Скудость информации и длительное умолчание стали для ингерманландских финнов испытанием на прочность общности: открыто говорить о событиях середины XX века стало возможно лишь в перестройку, спустя 30 лет. Сохранению памяти способствовал высокий уровень грамотности: около 80% против примерно 20%⁸ на рубеже веков, а в 1920–1930-х ситуация приблизилась к 100%. Умение читать и писать было необходимым требованием лютеранской религии, но также позволяло быстро адаптироваться в городе, давало более высокий потенциал социальной мобильности и автономии. Грамотность же открывала возможность письменной коммуникации и способствовала сохранению памяти в текстах (переписка, личные архивы, автобиографические документы – дневники и мемуары), и в сравнении с другими этническими группами, пострадавшими от репрессий 1930–1950-х у финнов обнаруживается обширный корпус текстов памяти, которые являются уникальными источниками для исторического и историко-социологического исследования.

---

⁶ См.: *Такала И.Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы / *И.Р.Такала* // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. – М., 1992; *Голубев А.В., Такала И.Р.* В поисках социалистического Эльдorado: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / *А.В.Голубев, И.Р.Такала*. – СПб., 2019. – 352 с.

⁷ *Полян П.М.* Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / *П.М.Полян*. – М.: ОГИ, 2001. – 328 с.

⁸ *Менделеев Д.И.* К познанию России / *Д.И.Менделеев*. – 6-е изд. – СПб., 1907. – 158 с.

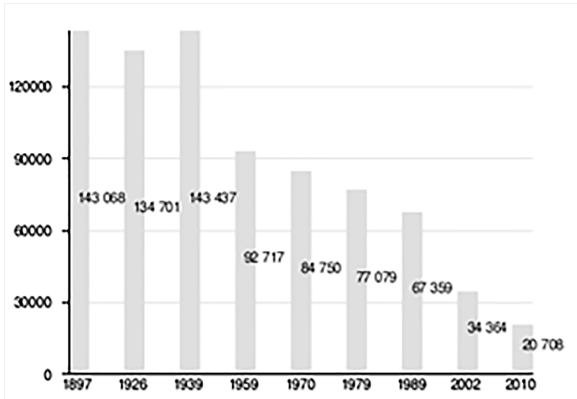

Рис. 1. Динамика численности финнов в XX веке

Рис. 2. Эффект бутылочного горлышка

На рис. 1 представлена динамика численности финнов в XX веке, демонстрирующая две резкие ступени: сокращение численности минимум на 1/3 в 1930–1950-е в результате репрессивной государственной политики, и в 1990-е – массовый исход финнов в Финляндию, отъезд по программе репатриации М.Койвисто. Фактически это два периода рассеяния этнической группы, которые сократили ее более чем в семь раз.

По результатам экспертного интервью, большинство экспертов называли события XX века «геноцидом». Показанное на рис. 2 резкое сокращение популяции вследствие прохождения критического периода, во время которого происходит значительное уменьшение ее численности, называют эффектом

«бутылочного горлышка»: в больших группах существует сценарий восстановления численности, в то время как в малых более возможной перспективой становится исчезновение, вымирание.

Рассматривая период с 1930 по 1953, можно выделить пять волн репрессий различного характера и направленности – как общие для других народов (раскулачивание), так и вполне уникальные.

1-я волна – 1930–1931 – «кулацкая» ссылка, 4320 семей (не менее 18 тыс. человек) выселены на Кольский полуостров, на Урал, в Якутию, в Западную и Восточную Сибирь⁹.

2-я волна – 1935–1936 – выселение из погранполосы не менее 26 тыс. человек¹⁰ в Западную Сибирь, Свердловскую область, Киргизию, Таджикистан, Северный и Южный Казахстан.

3-я волна – 1937–1938 – Большой террор, репрессировано по 58-й статье по 1-й и 2-й категории 10 598 человек¹¹.

4-я волна – март 1942 – постановлением Военного Совета Ленинградского фронта №00714-а от 20 марта 1942 года «об обязательной эвакуации финского и немецкого населения» из блокадного Ленинграда и Ленинградской области депортировано и направлено в Красноярский край, Якутию, Иркутскую, Омскую, Вологодскую и Кировскую области 44 737 ингерманландцев¹².

5-я волна – 1944–1946 – репатриация финнов – граждан СССР, вывезенных немцами в период оккупации в Финляндию по этническому признаку, – более 40 тыс. человек, часть из которых (около 5 тыс. человек) бежала в Швецию. Возвращенных в СССР финнов расселили в Псковской, Новгородской и Ярославской областях¹³.

Под разные типы репрессий попадали разные в половозрастном отношении категории населения. Точечные репрессии интеллигенции начались еще в 1920-х (исчезновение М.Путро, аресты среди священников, военных и политиков), но в период Большого террора они стали массовыми и коснулись широких слоев интеллигенции (учителей, преподавателей, врачей, служащих), причем затронули преимущественно мужскую часть, депортация 1942 года в основном производилась среди оставшихся в осажденной Ленобласти женщин, стариков и детей.

⁹ Ступин Ю.А. События середины 1930-х гг. на Карельском перешейке в судьбах финнов-ингерманландцев / Ю.А.Ступин // Новейшая история России. – 2016. – №1 (15). – С.83–108.

¹⁰ Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX – XX веке / В.И.Мусаев. – СПб.: Нестор-История, 2004. – 452 с.

¹¹ Дённингхаус В. В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР, 1917–1938 гг. / В.Дённингхаус. – М.: РОССПЭН, 2011. – 727 с.

¹² См.: Антонов Е.П. Якутская эмиграция: особенности адаптации и коммуникации // Научный диалог / Е.П.Антонов, В.Н.Антонова. – 2019. – №11. – С.228–244; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960 / В.Н.Земсков – М.: Наука, 2005. – 415 с.

¹³ Флинк Т. Домой в ссылку: депортация ингерманландских переселенцев из Финляндии в Советский Союз, 1944–1955 гг. / Т.Флинк. – СПб.: Гилья, 2011. – 390 с.

Долгосрочным и продолжающимся по сей день последствием террора стала ассимиляция, вызванная резким гендерным дисбалансом в сторону преобладания женского населения, а при патрилинейных традициях (смене фамилии при замужестве) во втором-третьем поколениях наблюдаются изменения самоидентификации и полное стирание следов этнической культуры. Демографические причины, ход и последствия процесса ассимиляции показаны в единственном полномасштабном этносоциологическом обследовании финнов, проведенном в Карелии в конце 1990-х¹⁴. При сравнении с другими этническими группами региона (карелы, русские, белорусы) у финнов наблюдается значительный демографический перевес женщин, наиболее высокий средний возраст, наиболее высокое число незамужних женщин и наиболее низкая детность. Экзогамия зачастую была вынужденной – найти супруга среди своей этнической группы в условиях дисперсного расселения и «рыхлой» структуры этнической группы было затруднительно. В семьях говорили на доминирующем (русском) языке, поэтому важнейшая часть самоидентификации – языковая – оказывалась утраченной: незнание финского языка у большинства информантов вызывает сожаление – и у говорящих по-фински, и у тех, кто совсем его не знает.

В 1990-х – 2010-х из-за репатриации в Финляндию произошло второе резкое сокращение числа финнов, которое коснулось в основном второго и третьего поколений (детей и внуков репрессированных), в то время как пожилые предпочитали оставаться с России. Это не только еще сильнее сократило численность, но и усугубило негативный демографический тренд (старение, отток трудоспособных людей и молодежи, отток наиболее образованной и интеллектуальной части населения).

Метод

В ходе исследования было опрошено 35 человек: в Финляндии (8), Ленинградской области и Санкт-Петербурге (13), Карелии (7) и в разных регионах России (7). Использованный в исследовании гайд¹⁵ полуформализованного биографического интервью включает шесть блоков вопросов (язык, религия, этническая общность, культура, интерпретация прошлого и личностная реализация), расположенных в логике от частного – самопредставления информанта и его повседневных коммуникативных практик, к общему – его представлению, отношениям, оценкам, концептуализации и рефлексии опыта.

¹⁴ Кожанов А.А. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты / А.А.Кожанов, С.Э.Яловицына // Финны в России: история, культура, судьбы. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. – С.129–174.

¹⁵ Гайд (*guide* – гид, путеводитель) – руководство для проведения интервью, представляющее собой набор открытых вопросов, направленных на раскрытие определенной темы и предполагающих развернутый ответ информанта.

Формулировки и детализация вопросов варьируются в зависимости от информанта, его знаний, желания рассказывать. В некоторых случаях выпадали целые блоки – когда информант отвечал, что ничего не знает об истории своей семьи или совсем не интересуется религией и ничего о ней не знает, – тогда задавались уточняющие вопросы о причине отсутствия интереса, но, чтобы избежать смущения информанта, переходили к следующему блоку вопросов.

В вопросе «Когда и как вы впервые почувствовали себя финном?» некоторые информанты видели возможность вспомнить случаи из детства, когда их дразнили и обижали, и фокусировались на эмоционально окрашенных моментах. Многие информанты упоминали случаи дискриминации в прошлом и что именно эти случаи пробудили в них этническое самосознание. Так, при расселении спецпоселенцев принимающее сообщество было предупреждено о том, что привозят «неблагонадежных», или «врагов народа», и фактор доверия населения местной администрации оказывался решающим и фактически определял отношение русского и нерусского окружения к прибывающим депортированным: «...местные якуты нам давали еду, видя наше бедственное положение. Русские же к нам относились с недоверием» (рассказ сосланной в Якутию А., 82 года). Дискриминационные практики распространялись и на второе поколение: «...я был единственным блондином в классе, и за это меня называли "фашистом"» (родившийся в Казахстане П., 58 лет). Но в возрастных группах моложе 50 лет информанты крайне редко упоминали случаи дискриминации: наиболее вероятной причиной этому стало молчание о прошлом и наличие позитивного имиджа у Финляндии как у национального государства финнов.

На вопрос «Как Вы считаете, что позволило финнам выжить в суровых условиях?» из блока об историческом прошлом все сколько-нибудь компетентные информанты отмечали специфический «финский характер», внутренний стержень и упрямство. Выживанию служили и особенности финской культуры, сохраненные ингерманландскими финнами и в условиях ссылки: добросовестность, честность, трудолюбие, являющиеся позитивными ценностями во всех культурах. Привычка к крестьянскому труду, смекалка и высокая работоспособность даже в условиях ссылки становились залогом социальной реабилитации: «финн – заслуженный хлопкороб Казахской ССР»¹⁶ или «финка – заслуженная акушерка Якутии»¹⁷.

Вопрос гайда «Кем Вы чувствуете себя в большей степени?» содержал вариативность, но информанты, проживающие в России, в большинстве своем, особенно в дисперсной группе, говорили, что чувствуют себя финнами, но

---

¹⁶ Председатель общества ингерманландцев: Если под сомнение ставится целостность России, то пора применить закон // ИА REGNUM. – 04.05.2010. – <https://regnum.ru/news/economy/1280505.html> (дата обращения: 28.01.2022).

¹⁷ Винокурова М. Ангел, подаренный репрессией: Интервью с Э.Д. Ушницкой / М. Винокурова // УКТ. – 11.12.2012. – <https://dnevnik.ykt.ru/MyPressClub/514010?mobile=true> (дата обращения: 27.01.2022).

«людьми русской культуры», а с культурой Финляндии знакомы, любят ее, но не считают полностью своей (К., 40 лет: «...когда приезжаю в Финляндию, я многому учусь, и вообще русским бы поучиться у финнов – может, заживем получше») и ощущают себя между двух культур, никогда не являясь до конца русскими или финнами, причем есть примеры как гармоничного, так и диссонантного сочетания этнической и гражданской идентичностей.

Важным структурирующим элементом в биографическом интервью являются воспоминания о территориальных перемещениях (индивидуальных или семейных), как добровольных, так и принудительных. Переезды делят проживаемую жизнь на четкие этапы, характеризующиеся нахождением в конкретном социуме, с определенными социальными статусами и характеристиками¹⁸. В старших поколениях это периодизация «до и после депортации» или «до и после возвращения из ссылки». Субъективная значимость переезда различна: переезд рассматривался иногда как главная жизненная цель, включающая перемещение из одного социального пространства в другое («жить в Кемеровской области было невозможно – не только холодно, но и тяжело, и бедно, и окружение не нравилось» – К., муж., 40 лет), иногда как средство увеличения своего социального капитала или для карьерного роста. Траектории судеб старшего поколения – запутанные, информанты рассказывают о бесконечных переездах, дорогах, перепрыгивают в рассказе с места на место («скитался несколько лет» или «несколько лет мы постоянно переезжали, причем редко оставались на одном месте больше двух месяцев»), наблюдаются временные разрывы, в которые «проваливаются» целые десятилетия.

Отметим, что до конца 1950-х проживать в родном регионе было разрешено лишь 5669 людям в Ленинградской области и 520 – в Ленинграде¹⁹. Это были граждане нескольких категорий: а) участники Великой Отечественной войны, имеющие правительственные награды, и члены их семей; б) члены семей военнослужащих, погибших на фронтах Великой Отечественной войны; в) трудармейцы и другие лица, награжденные орденами и медалями Советского Союза, и члены их семей; г) члены и кандидаты в члены ВКП(б) и их семьи; д) члены семей, главами которых являются русские, и е) явно нетрудоспособные и престарелые, не имеющие родственников. Некоторые финны предпринимали самовольные попытки вернуться, но их снова выслали. Само возвращение к родному дому зачастую было тяжелым испытанием: он был разграблен или разрушен, но чаще всего в конфискованных домах уже жили новые жильцы, которые были не рады возвращению старых хозяев. Зачастую это были лица,

¹⁸ Стрельникова А. Пространственные проекции социальной мобильности: переезды как доминантные события биографического повествования. – М.: Интер, 2015. – С.39–47.

¹⁹ Мусаев В.И. Указ. изд.

переселенные из южных регионов РСФСР, Белорусской и Украинской ССР²⁰. Родившаяся в ссылке информантка Г. (72 года) рассказывает: когда их семья вернулась после депортации, в их родовом доме уже жили другие люди, использовавшие подпол дома для сброса бытовых отходов и нечистот. Лишь после длительных судебных тяжб дом можно было вернуть, но это удавалось единицам.

Доминантой жизненной стратегии информанта Л. (83 года) стало возвращение себе родного дома и доброго имени: он родился под Гатчиной, был выслан вместе с семьей немцами во время гитлеровской оккупации через концлагерь в Клоога в Эстонии на работы в Финляндию, затем депортирован в СССР, провезен мимо Ленобласти в Великолукскую область, вернулся в Ленобласть, опять выселен – в Карело-Финскую ССР и лишь в 1960-е вернулся в Ленобласть. Он вступил в партию для укрепления своей социальной позиции, достиг значительных карьерных успехов, проводя механизацию колхозов Ленобласти; ему удалось вернуть дом и обзавестись хозяйством.

Травматическое наследие имеет сложный статус в мировосприятии информантов. С одной стороны, депортация и трагические события – нечто тяжелое и несправедливое, о чем люди избегают вспоминать, если пережили это лично, с другой – неотъемлемая часть коммуникации. Историк В.А.Кокко в экспертном интервью отмечает, что при встрече двух российских финнов примерно на 5–7-й минуте речь заходит о репрессиях – кто где из предков сидел и куда был сослан, кого расстреляли, где родственники. Травматическое наследие становится «конституирующим мифом» этнической общности, в то время как другие характеристики этноса, такие как язык, религия, культурная и коммуникативная общность, оказываются утраченными. Знания о прошлом своего этноса – та нить, которая позволяет воспроизводиться этничности без группы²¹, не столько в рамках коллективности и внешне описываемых форм, сколько как самоидентификация и способ индивидуального видения.

Семейная память

В выделении возрастных когорт я опиралась на теорию М.Хальбвакса, в которой семья и социальная группа рассматриваются как основные социокультурные рамки памяти²². Это «свидетели» – люди, непосредственно переживавшие утрату родины и привычного образа жизни (сейчас все они старше 80 лет), дети свидетелей, родившиеся в регионе ссылки, и третье поколение – внуки. Первое поколение «свидетелей» оказывается ответственным за передачу памяти,

²⁰ Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского пещейка. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2005. – 484 с. (Studia Ethnologica, вып. 2.)

²¹ Брубекер Р. Этничность без групп / Брубекер Р.; пер. с англ. И.Борисовой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2004.

²² Хальбвас Х.М. Социальные рамки памяти / Х.М.Хальбвас; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н.Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

ревитализация воспоминаний и их рефлексивность отражают потребность индивида восстановить собственную историю в целом, с генеалогическими и символическими связями, и позволяют встроить свой индивидуальный опыт в общий социоисторический контекст²³. Подобный акт рефлексии требует определенного мужества, так как воспоминания связаны с болезненными эмоциями, и определенных интеллектуальных усилий, в том числе способности взглянуть на свое прошлое как бы со стороны.

Утрата памяти связана в большинстве случаев с тем, что представители старшего поколения «свидетелей» не всегда осознавали контекст происходящих с ними событий, и тем более не говорили детям о перенесенных катаклизмах: «все так жили», «да кому это надо!», «буду хорошее рассказывать – подумаю, что хвастаюсь; буду плохое говорить – подумаю, что жалуюсь»; дети «свидетелей» (второе поколение), выросшие в позднее советское время, зачастую просто не знают об истории семьи, потому что им не рассказывали, а при интересе и попытке поиска информации сталкивались с такими сложностями, как отсутствие компетенций в архивной работе, слабое владение компьютером, неумение искать и систематизировать информацию в интернете и социальных сетях. Информации много, но она разрознена, и выстроить такой сложный интеллектуальный объект, как история и культура народа, оказывается крайне затруднительно. Индивиды, специально не занимавшиеся восстановлением истории, имеют крайне фрагментарное представление об историческом прошлом – своей семьи и группы. Драматичным образом на передаче памяти сказывается отсутствие семейных архивов и артефактов, которые представляли бы материальные свидетельства прошлого. Родившиеся в местах ссылки отмечают, что вокруг был интернационал, и особой дискриминации со стороны окружения они не ощущали, поскольку этнический состав был пестрым, со значительным числом ссыльных других национальностей. Однако то, что было потеряно предыдущим поколением (уклад, культура, социальность), оставалось за рамками индивидуальной памяти и поэтому воспринималось, скорее, как историческое, чем личное.

Как утверждают исследователи, существует несколько типов памяти: семантическая, или память знания как некоторой объективной информации, и эпизодическая – через время и место реального присутствия. Автобиографический опыт кодируется именно в эпизодической памяти, которая удерживает контекстуально связанные эпизоды (воспоминания себя в месте и времени), ее природа аффективна и тесно связана с эмоциональной сферой. Семантическая составляющая заполняет лакуны опыта, где по той или иной причине возникают разрывы эпизодической памяти, и компенсирует недостающие фрагменты

²³ Рождественская Е.Ю. Обыкновенный Холокост, или Биография выжившего / Е.Рождественская // Власть времени: социальные границы памяти: Сборник статей по материалам российской конференции «Культура, время, память», СГУ и ЦСПГИ. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2011. – С.88–100.

в знании о себе и мире. Передача семейной памяти также связана с эмоциональными аспектами, воспринимается как подлинная история, в противовес официальным историческим нарративам, игнорирующим частный опыт.

В ходе полуформализованного биографического интервью, рассказывая о своей жизни и жизни родственников, люди формулируют свои идентификации, ценностные и эмоциональные оценки тех или иных фактов. Биографическое интервью позволяет узнать не только историю самого человека, но проследить семейную историю на два-три поколения назад при условии сохранности семейной памяти. Дискурс семейных воспоминаний позволяет рассказчику идентифицировать себя с группой, выстраивать поколенческую связь между собой и значимыми другими, транслируя ценностно окрашенные модели поведения и стратегии выживания, брачный выбор, пути поиска профессии и социальной мобильности²⁴.

Несколько конкретных кейсов

Кейс информанта К. (40 лет): мать деда умерла по дороге в ссылку, в Казахстане он попал в детский дом, где был разлучен с сестрой. Ему дали новую фамилию – К**ттин, под которой родились сын и внук. Сам информант К. теперь пытается отыскать, как звучала финская версия фамилии – К**тунен или К**тинен. О своем происхождении К. узнал в 18 лет, но ощутил в полноте в 24 года, когда вынужденно переехал в Кемерово из Казахстана. Прижиться в Кемерово не удалось, переехал в Краснодарский край. Везде чувствует себя «не в своей тарелке» и «живет как будто не своей жизнью», значительное время и силы тратит на переписку с архивами для выяснения судьбы деда, восстановления фамилии и определения точного места происхождения – названия ингерманландской деревни, откуда был сослан дед, К. не знает. Из архивов приходят ответы, что данных нет, документы погибли в пожаре или были перевезены и утрачены. К. говорит, что порой его охватывает отчаяние, но он не сдается и продолжает поиски, аргументируя это финским упрямством и желанием «знать правду» о своей семье и в конечном итоге о самом себе.

Кейс информанта Н. (80 лет): ребенком попал в детский дом, где ему изменили имя и фамилию. Всю жизнь он искал информацию о родных, пытался узнать свои реальные имя и фамилию, но безуспешно. Чувствует близость с финнами, ощущает «финский характер», является прихожанином Евангелической лютеранской церкви Ингрии. Работал на фабрике детских игрушек, всю жизнь прожил одиноким: «кому нужен человек, который имени своего даже не знает».

В обоих этих случаях неизвестное прошлое, непонимание своего происхождения толкает индивида к генеалогическому и историческому исследованию, приводя к более глубокой рефлексии и переосмыслению опыта, но

²⁴ Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии / Е.Ю.Рождественская. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С.67.

в значительном числе случаев обращения в государственные архивы остаются безрезультатными.

По мере поиска формируются и представления об этнической общности, связи с другими ее представителями, а также эмоциональная вовлеченность и чувство сопричастности, но далеко не всегда поиски дают возможность ответить себе на главный вопрос самоидентификации «Кто я?» и отстаивать свое право на идентичность.

Противоположный и значительно более редкий случай – кейс информантки С. (35 лет).

Отец, один из лидеров ингерманландского возрождения, воспитывал ее как финку, на родной земле, на родном диалекте, что выражало идеал ингерманландских этноромантиков, однако она чувствовала себя настолько другой среди русского окружения, что переехала в Финляндию – уже после окончания программы репатриации, распродав свое имущество: «Меня можно было назвать “лохом” из-за моего поведения. Это при том, что я “все понимаю”, но не хочу играть по российским правилам, не хочу хитрить, не хочу молчать, не хочу обманывать ради наживы, по большому счету и доверять не хочу».

Она же сформулировала вопрос, возникающий у детей к старшему поколению (как правило, к бабушкам), сохранившему язык и культурные знания, но не передавшему эти ценности следующему поколению: «Кто дал вам право за меня решать – быть мне финном или не быть? Почему у вас, финок, русские внуки?»

Глубокая погруженность С. в этнокультурное движение привела к эмоциональному выгоранию, депрессии и большим психологическим проблемам, с которыми она решила справиться одним махом – начав все заново, сменив профессию и переехав в Финляндию, где «все просто и понятно». Высокая информированность и высокая степень актуализации этнической идентичности также вызывает дискомфорт, как и неизвестное прошлое и бесплодные попытки его прояснить. Но в такой ситуации самоидентификация индивида оказывается настолько непротиворечивой и «плотной», что успешная адаптация в иноэтнической среде оказывается затруднительной и болезненной.

Кейс двух братьев П***нена (72 года) и А***ова (70 лет): сыновья одних родителей, погодки, проживали в ссылке в Бийске. При регистрации рождения были записаны под разными фамилиями, оба не говорили по-фински, но П***нен ощущал свою инаковость от окружения, а его брат с русской фамилией – нет. П***нен рассказывает: «Грязно, накурено, наплевано там в машине, и я всегда после работы каждый раз вымывал начистовую, и опять грязь... и мне пришла мысль, это что, специально делают для меня? В машине... А еще один подходит и говорит: у меня на следующей неделе выходной, ты не хочешь поработать за меня?» А***ов возражает: «Это тебе казалось, наверно, я ничего такого не ощущал, нормально к нам относились».

Имя становится крайне важным маркером идентификации, отличающим индивида от окружения. Отметим также, что в кейсе двух братьев пролегает еще одна невидимая граница, обозначенная Ф.Бартом²⁵, – набор этических представлений, а в частности отношение к труду, отличающее финнов от русских (важность добросовестной работы), отмечали все информанты. Большинство информантов упоминали финский «национальный характер», главной чертой которого называли *sisu* – внутренний стержень. Упорство, упрямство или даже упертость финнов связана с тем, что на протяжении поколений им приходилось выживать в тяжелых климатических условиях и корчевать камни для расчистки посевных территорий.

В кейсе двух братьев само право на имя становится предметом проблематизации. Сохранение имени, равно как сохранение отметки «финн» в ныне отмененной графе «национальность», становилось фактически связующей нитью в сохранении семейной и этнической истории. В СССР такая стратегия могла мешать карьере, однако для многих людей сохранение имени было принципиально важным – в ситуации, когда не осталось ничего больше и только имя связывает с собственной идентичностью. Утрата имени зачастую происходила не по собственной воле (ситуации принудительного переименования детей в детских домах, дети женщин, сменивших фамилию и молчавших о прошлом). Пятеро информантов в своих рассказах указывали, что старшим членам их семей рекомендовали поменять фамилию или записаться русскими, что является бюрократической ассимиляцией – сравнительно мягкой мерой, но не менее разрушительной для сообщества. В случае женщин смена фамилии при замужестве – стратегия, служившая «ремонту» биографии, могла облегчить выезд из места ссылки, трудоустройство, восстановление социального статуса. Но фактически смена имени означала отказ от воспроизводства идентичности для последующих поколений, поскольку фамилия и родство передаются по отцу в соответствии с нормами патрилинейного общества.

Интересно сыграла частичная исторически обусловленная русификация фамилий. За долгое время проживания на территории России некоторые финские фамилии из-за сложности произнесения модифицировались на русский манер, например *Röyhönen* [Пёюхёнен] превращалось в Певгонен, *Kuikkauppi* – в Кугаппи, *Kiltti* – в Гильди. При репатриации в Финляндию переведенные обратно на финский язык частично русифицированные фамилии становились маркером ингерманландского, российского происхождения и упоминались информантами из финляндской группы как один из поводов для дискриминации и по сей день. Гонимые в СССР, вернувшись на историческую родину в Финляндию, они так и не стали «своими» до конца в принимающем сообществе, а сама история ингерманландских финнов как бы проваливается в зазор между двумя

²⁵ Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф.Барта; пер. с англ. И.Пильщикова. – М.: Новое издательство, 2006.

нациями – россиян и финляндцев. Но в этой позиции есть и свои плюсы: ингерманландские финны становятся связующим звеном в двух культурах, многие из них, имея образование, достигают больших научных и социальных успехов, а их возможность глубоко понимать обе столь различные культуры обогащает социокультурный ландшафт и укрепляет социальные связи между странами.

Заключение

Опыт ингерманландских финнов представляется крайне интересным с аналитической точки зрения, поскольку известная историческая фактура и личные биографические источники формируют гипертекст с массой пересечений и отсылок, множеством «перекрестков» судеб, перекрестных цитирований и не связанных, но сравнимых воспоминаний об одних и тех же событиях, обеспечивают историческую достоверность позволяя создать объемную картину событий прошлого и их адекватную интерпретацию в настоящем.

Биографический метод имеет большой эвристический потенциал для анализа «сложной истории», поскольку позволяет создать картину прошлого через индивидуальные тексты, свидетельствующие о политических решениях и их практической реализации на местах. Публичная история и микроистория – альтернатива государственному историческим метанаррациям, которая позволяет вернуть человеческий масштаб минувшим событиям и представить их изнутри, глазами свидетеля, наблюдателя, «рядового» человека. Через биографическое интервью с живыми людьми открываются лакуны истории, понимание прошлого как отторгнутого и забытого, поскольку предать что-либо забвению – это выбор, решение невключения социальной памяти в индивидуальный биографический нарратив, которое принимает сам индивид. Но произвольному индивидуальному забвению противостоят публикации воспоминаний и исследований, практики социальных сетей и огромный массив информации, существующий в интернете. Память и интерпретация опыта объединяют индивида с другими членами группы, формируют его я-концепцию, оказывают сильное влияние на мотивацию и в конечном итоге формируют поведенческие стратегии и выстраивают сложные модели самоидентификаций, некоторые из которых ведут к успешной адаптации, а некоторые, наоборот, толкают к эмиграции. В случае ингерманландских финнов референтная группа становится в прямом смысле вообразимым сообществом²⁶ – как финн, живущий в Красноярском крае, соотносит себя с другими российскими или финляндскими финнами, выстраивая себя в отрыве от других, но стараясь соответствовать представлению о группе.

На протяжении XX века право носить собственное имя, фамилию, сохранять национальность для многих ингерманландских финнов становилось тяжелым бременем. Размывание и утрата этнокультурной идентичности, безусловно,

---

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Б.Андерсон. – М.: Кучково поле, 2016.

является болезненным процессом для людей, однако фигура утраты и травмы может выступать доминантой притяжения для последующих поколений, заставляя искать свои корни, восстанавливать семейную историю, тем самым вырывая ее из забвения. Причем генеалогическими исследованиями, архивными поисками и изучением прошлого люди начинают заниматься, как правило, после 40 лет, когда рождается новое поколение, которому нужно передать какой-то набор представлений о себе, своем происхождении и истории.

Марина Сорокина

Петр Богатырев и храбрый солдат Швейк: эпизоды нелитературной биографии

**Марина Юрьевна
СОРОКИНА**

*ведущий научный сотрудник,
зав. отделом истории
российского зарубежья
ГБУК «Дом русского
зарубежья
им. Александра
Солженицына»,
г. Москва*

msorokina61@gmail.com

В 1921 году в пражской печати появились первые главы бессмертных «Похождений храброго солдата Швейка» Ярослава Гашека (1883–1923). Десятки экранизаций и множество спектаклей по всему миру, переводы более чем на пятьдесят языков превратили рядового солдата в культовую фигуру не только литературы, но и всей мировой культуры. В стране победившего социализма Швейк также сразу стал «своим»: после того как в 1926 ленинградское издательство «Прибой» опубликовало первую часть романа «Приключения храброго солдата Швейка» в переводе Герберта Августовича Зуккау (1883–1937), советские читатели каждый год получали все новые произведения Я.Гашека.

Если Зуккау сделал свой перевод с вышедшего в Праге издания на немецком языке¹, то первым переводить Гашека с чешского языка на русский начал поэт и литературный критик Михаил

---

¹ Позднее к нему присоединилась жена – Алиса Германовна (урожд. фон Витте, 1888–1941), и уже вместе они перевели третью и четвертую части романа, опубликованные все тем же издательством «Прибой» в 1927–1928.

Наумович Скачков (1896–1937), с 1922 по 1926 живший в Праге. Только в 1927–1930 он выпустил четыре сборника рассказов и фельетонов чешского писателя². Под псевдонимом «М.С.»³ в 1928 Скачков опубликовал в своем переводе книгу продолжателя Гашека Карела Ванека «Швейк в русском плену», в 1930 в серии «Роман-газета» – перевод первой части «Похождения бравого солдата Швейка», а в 1931 в Гослитиздате – сборник рассказов «Бравый солдат Швейк готовится к войне». Между тем, несмотря на такую высокую активность по продвижению чешского писателя в СССР, у современного читателя и даже литературоведов имя Скачкова почти не ассоциируется с Гашеком и его героем. Даже в статье от составителя, открывающей современную двухтомную антологию «Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России» и перечисляющей все русские переводы вплоть до ростовского 2001 года, его фамилия не упоминается⁴.

Одна из причин тотального исчезновения имени Скачкова связана как с его трагической судьбой расстрелянного в 1937 «врага народа», так и с тем, что параллельно ему переводом сочинений Я.Гашека занимался и другой русский пражанин – этнограф и фольклорист Петр Григорьевич Богатырев (1893–1971), чей перевод «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны», впервые изданный в 1929–1930 с предисловием известного большевика В.А.Антонова-Овсеенко, в 1924–1928 возглавлявшего советскую дипломатическую миссию в Чехословакии⁵, давно признан каноническим. Более того, как справедливо отмечает автор «Комментариев» к роману Гашека Сергей Солоух, невероятная популярность чешского автора и его героя стали возможными именно благодаря переводу Петра Богатырева⁶. Который, заметим мы, в отличие от М.Н.Скачкова, не был литератором, и «Швейк» оказался единственной значительной работой ученого по переводу художественной литературы.

Любопытно и то, что в значительной части переводы Скачкова и Богатырева были почти синхронно сделаны в Праге, где их авторы находились на службе в советском полпредстве. Оба появились в столице Чехословакии в 1922.

² В 1927 в издательстве «Московский рабочий» был опубликован сборник юмористических рассказов «Уши святого Мартина», в том же году в «Библиотеке сатиры и юмора» – сборник рассказов «Дружеский матч», в 1928 в той же серии вышли еще два сборника рассказов – «Исповедь старого холостяка. (Zpověď starého mládence)» и «Счастливая семья. (Stastny domov)». В 1930 в издательстве «Молодая гвардия» вышел сборник рассказов Гашека для детей «Твердая кожа».

³ Нередко этот псевдоним неверно приписывается Марку Слободскому (1913–1991).

⁴ Глазкова Н.Л. Швейк шагает «Левой! Левой! Левой!» / Н.Л.Глазкова // Невыдуманная история походов Йозефа Швейка в России. Кн. 1. / Сост. Н.Л.Глазкова, отв. ред. Ю.Г.Фридриштейн. – М.: Центр книги ВГИБЛ им. М.И.Рудомино, 2012. – С.5–12.

⁵ Поскольку дипломатические отношения между СССР и Чехословакией были установлены только в 1934, миссия имела разные названия, но по сути всегда выполняла функции дипломатического представительства.

⁶ Солоух С. Похождения бравого солдата Швейка: Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека / С.Солоух. – М.: Время, 2015. – С.6.

Богатырев при прямом содействии своего ближайшего друга, лингвиста и историка литературы Романа Якобсона (1896–1982) получил место сотрудника отдела печати в советской миссии и занимался переводами местной прессы. Скачков примерно с 1924 числился сотрудником-переводчиком, совместно Д.Штерном и Д.Быстролетовым готовившим и издававшим «Экономический бюллетень» миссии⁷.

Трудно отделаться от впечатления, что сотрудники советского полпредства не случайно занялись переводом романа Я.Гашека, и еще более любопытно, что они никогда никому не рассказывали о том, что мотивировало их к этой работе. Было ли это политическим заказом «патрона»? Ведь согласно позднему рассказу Р.Якобсона, сам нарком иностранных дел Советской России Георгий Чичерин интересовался «Швейком» и просил некоего своего друга, работавшего в полпредстве в Чехословакии, прислать ему текст⁸; да и П.Г.Богатырев как-то обмолвился, что помнил Ярослава Гашека, а значит, встречался с ним. Но это могло произойти только в 1922, поскольку писатель скончался 3 января 1923, и таким образом версия о поручении наркома получает дополнительное подкрепление. В ее же пользу свидетельствуют и хлопоты А.М.Горького и В.А.Антонова-Овсеенко по изданию перевода П.Г.Богатырева в 1929 году.

Однако нельзя исключить и того, что «внедрение» бравого солдата, в авторских замыслах собиравшегося дойти чуть ли не до Китая, стало одной из акций эмиссаров Коминтерна по поддержке мировой революции. Как известно, популярность Я.Гашека и его произведения пошла в гору после публикации в 1921 рецензии известного чешского писателя и публициста, одного из основателей Коммунистической партии Чехословакии Ивана Ольбрахта (1882–1952), навсегда связавшего восхождение Швейка с историей становления коммунистического движения в Чехословакии⁹.

У нас нет прямого ответа на вопрос, что послужило триггером к советским переводам Ярослава Гашека, и вероятно, единственного ответа и не существует. Но безусловно существенным представляется и вопрос о собственных, внутренних мотивациях переводчиков, чьи служебные и интеллектуальные биографии, связи и контакты, особенно пражского периода, почти не исследованы и тем более не документированы. Какие обстоятельства, личные, научные

⁷ См.: *Просветов И.* Вербовщик: Подлинная история легендарного нелегала Быстролетова / И.Просветов. – М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. – С.93–94.

⁸ Цит. по: Jakobson-Budetliian: Sbornik Materialov / Ed. B.Jangfeldt // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature, 26. – Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1992. – P.151. С большой вероятностью им мог быть секретарь миссии Илья Исаакович Левин (р.1899), знавший чешский и немецкий языки, хранивший шифры и состоявший в личной переписке с Г.В.Чичериным по 1921 г. включительно, по возвращении в Москву – референт по Чехословакии в Среднеевропейской секции Профинтерна (РГАСПИ. – Ф.495. – Оп.65а. – Д.6779). См.: *Станков Н.Н.* Повседневная жизнь в Чехословацкой республике начала 1920-х гг. в письмах служащего советской миссии Красного Креста в Праге И.И.Левина / Н.Н.Станков // Славянский альманах. – 2019. – №1–2. – С.72–84.

⁹ *Rudé právo.* – 15.11.1921.

и/или служебные, побудили их заняться переводом романа Гашека, что связывало сотрудников советской миссии и Швейка, какое место этот перевод занимал в жизни П.Г.Богатырева и М.Н. Скачкова – круг этих вопросов лежит в основе нашего небольшого эссе, основанного на новых архивных документах.

Анабасис

Петр Григорьевич Богатырев хорошо известен в академической среде как выдающийся фольклорист и этнограф, участник знаменитых Московского и Пражского лингвистического кружков, профессор Московского и Воронежского университетов, внештатный профессор Высшей дипломатической школы НКВД в Москве¹⁰.

Несмотря на огромную работу, проделанную в последние десятилетия по изучению его научного наследия, постоянное проведение Богатыревских чтений, научная биография Богатырева пока не создана. Вероятно, одна из причин этого – необходимость документирования и интерпретации на этой основе таких необычных для «советского» ученого обстоятельств жизни и профессиональной карьеры, как пребывание П.Г.Богатырева с 1922 по 1939 в Чехословакии в составе советской дипломатической миссии.

Исследователи уже неоднократно задавали вопрос, как гражданину Советской России, а затем СССР всего через год после приезда в Прагу удалось получить грант от Карлова университета и выезжать не куда-нибудь, а в Подкарпатскую Русь для проведения лингвоэтнографических экспедиций; как, будучи по статусу «совработником», Богатыреву удалось беспрепятственно защитить магистерскую диссертацию в Чехословакии и опубликовать ее текст в Париже и, наконец, как ему удалось в 1939 безболезненно вернуться в СССР, где до конца 1940-х ученого ничто не задевало – ни «дело славистов», ни Большой террор.

Сегодня известно, что П.Г.Богатырев попал в Прагу при прямом содействии Р.О.Якобсона. Но стало это возможным не только благодаря дружеской протекции и знанию языков, но и в силу уже проявленной определенной надежности П.Г.Богатырева как советского работника.

По окончании Московского университета (1917) он служил в самых разнообразных учреждениях – в Народном комиссариате по просвещению и в Политическом управлении Реввоенсовета; был сотрудником Исторического музея, преподавал в Саратовском университете.

¹⁰ См.: Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т.Г.Иванова и А.Л.Топорков. – М.: Пробел, 2010. – С.137–147; Петр Григорьевич Богатырев: Воспоминания: Документы. Статьи / Сост. и отв. ред. Л.П.Солнцева. – СПб.: Алетей, 2002. – 366 с.; *Богатырев П.Г.* Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / П.Г.Богатырев; сост., вступ. ст. и коммент. С.П.Сорокиной. – М.: ИМЛИ РАН, 2006. – 286 с.; *Богатырев П.Г.* Народная культура славян / П.Г.Богатырев; сост. Е.С.Новик, Б.С.Долган; под ред. Е.С.Новик. – М.: ОГИ, 2007. – 368 с.

Один из самых интересных эпизодов его служебной биографии этого периода – командировка в середине июля 1920 как эмиссара Политпросвета Политического управления Реввоенсовета (ПУРа) на Северный Кавказ, где молодой фольклорист неожиданно для себя оказался еще и политработником, и режиссером походной труппы 12-й кавалерийской дивизии.

Сохранился рукописный отчет П.Г.Богатырева об этой командировке, повествующий о его поистине швейковских приключениях в охваченном огнем гражданской войны казачьем пространстве Пятигорск – Ессентуки – Кисловодск¹¹. Лишенный транспорта, материальных средств и привычных связей, буквально брошенный на произвол судьбы, молодой человек передвигался по казачьим станицам пешком, не очень понимая, чью власть застанет в очередном пункте, но записывая диалекты и приобретая обрядовые образцы артефактов. Он посещал местные музеи, читал лекции в Народных домах, а оказавшись в Пятигорске, раздобыл для столичных музеев настоящие артефакты гражданской войны – аннулированные денкинские банкноты на сумму 24 675 руб.

В Невинномысске по просьбе комиссара Берзе Богатыреву пришлось взять на себя руководство дивизионной труппой, так как прежний режиссер покинул ее. Труппа насчитывала всего трех артистов, и новому худруку пришлось искать любителей, что не помешало ему ставить спектакли по рассказам А.П.Чехова. В станичном и железнодорожных театрах он устраивал вечера, посвященные Чехову и имевшие настолько большой успех «на партийной неделе», что режиссеру пришлось их проводить «несколько недель сряду»¹².

Позднее политработник Богатырев получил приказ двигаться по направлению к грузинской границе, где в станице Георгиевской его назначили заведующим Литературной студией с одновременным исполнением обязанностей по объяснительному чтению в партийной школе «Азбуки коммунизма». Невольно вспоминается знаменитый художественный фильм Александра Митты «Гори, гори, моя звезда!» (1969), главный герой которого режиссер Искремас («Искусство – революционным массам») пытался в небольшом провинциальном городке, где к власти приходят то красные, то белые, то зеленые, построить свой новый революционный театр и одновременно выжить.

Петру Богатыреву это удалось, и в архивных делах Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР, где он служил непосредственно перед отъездом в Чехословакию, его должности определялись как «сотрудник для особых поручений», «ответственный агент для поручений»¹³. Но, пожалуй, самый любопытный богатыревский документ в этом собрании – «Анкета для членов и кандидатов в члены Российской Коммунистической партии», датированная 4 марта 1921 года¹⁴.

¹¹ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.190. – Л.1–4.

¹² Там же.

¹³ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.142, 144, 146.

¹⁴ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.144–144об.

Аналогичная анкета П.Г.Богатырева сохранилась и в делах Коммунистического университета национальных меньшинств Запада¹⁵, где он преподавал до 21 декабря 1921, т.е. до самого отъезда в Чехословакию.

Документы свидетельствуют, что, как многие другие молодые интеллектуалы, Петр Богатырев в первые пореволюционные годы был достаточно тесно аффилирован с различными советскими институтами пропагандистского характера, что, вероятно, сыграло значительную роль и при его направлении в советскую миссию в Праге.

Для советских структур он был признан «надежным», как писалось в одной из анкет, «сотрудником для ответственных поручений, требующих специальных знаний»¹⁶. Причем этому не помешало ни буржуазное социальное происхождение (его отец – золотых и серебряных дел мастер, причисленный к Обществу саратовских цеховых, т.е. ювелир), ни связь с белоэмигрантами (родной брат Дмитрий – флотский инженер-механик лейтенант, жил в эмиграции в Чехословакии)¹⁷, о чем, по-видимому, советские кадровики не догадывались.

По свидетельству воронежских университетских коллег, в 1950-е – годы опалы – уже профессор Петр Богатырев задумчиво спрашивал их: «Я похож на Швейка?»¹⁸ И конечно, этот вопрос касался не внешности, но более глубокого экзистенциального сходства... В Воронеже Богатырев вел годовой курс лекций и семинаров «Творчество Ярослава Гашека»¹⁹, подробно изучая со студентами чешские и советские работы о пребывании Ярослава Гашека в рядах Красной армии и, несомненно, вспоминая свои годы Гражданской войны.

Но, помимо прямых жизненных реминисценций и параллелей, Гашек и его герой были важны Богатыреву как этнографу и фольклористу, ибо, объяснял он студентам, «Ярослав Гашек открыл <...> неведомый мир пражской периферии, солдатской этнографии, коширжского диалекта, сравнительной филологии пражских предместий, их обычаев и фольклора»²⁰ – мир, который был так понятен и интересен самому ученому, с самого начала своей профессиональной карьеры изучавшему преломление актуальных событий в фольклорных формах (в анекдоте, сказке, частушке и т.д.).

¹⁵ РГАСПИ. – Ф.529. – Оп.19. – Д.10 – Л.2–2об.

¹⁶ ГАРФ. – Ф.А-2313. – Оп.8. – Д.89. – Л.144.

¹⁷ Подробнее см.: Сорокина М.Ю. Славист Петр Богатырев (1893–1971): между Россией и Чехословакией / М.Ю.Сорокина // Культурный слой: Материалы Международной научно-практической конференции «II Зверевские чтения – культурный слой города: исторический, археологический, этнографический аспекты» (г. Воронеж, 11–12 сентября 2021) / Под общ. ред. Р.С.Берестнева. – Воронеж: Государственная инспекция историко-культурного наследия, 2021. – С.77–83.

¹⁸ Ботникова А.Б. Из прошлого университета / А.Б.Ботникова // Вестник ВГУ. (Серия: Проблемы высшего образования). – 2008. – №1. – С.122. См. также: Ботникова А.Б. Воспоминания о П.Г.Богатыреве / А.Б.Ботникова // Филологические записки. – 1993. – №1. – С.149–156.

¹⁹ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.75.

²⁰ АРАН. – Ф.1651. – Оп.1. – Д.45. – Л.10.

Нам кажется, что в тексте Я.Гашека Петр Богатырев обнаружил одновременно и уникальный источник фольклорной информации, и пласт жизни, тесно связанной с его собственными переживаниями и наблюдениями времен гражданской войны. Обе эти составляющие – экзистенциальная и профессиональная – и стали основой личной мотивации молодого ученого при переводе романа Гашека. Между автором, героем и переводчиком образовалась особая близость – и личный опыт оказался переработанным и трансформированным в перевод, что в значительной степени и определило его невероятный успех.

На этом можно было бы и закончить эссе о двойниках, но судьба первого переводчика «Швейка» с чешского языка на русский – Михаила Скачкова – также заслуживает быть отмеченной хотя бы вкратце, тем более что его пути еще неоднократно пересекались с жизненными траекториями многих русских прагжан.

«Тут победителей нет...»

В отличие от Богатырева Скачков был профессиональным литератором и переводчиком. Он происходил из донской казачьей семьи, в 1910-е годы переселившейся на Дальний Восток; в годы гражданской войны успел поучиться на историко-филологическом факультете Восточного института / Дальневосточного университета и заявить о себе как о поэте, близком к находившимся в это время во Владивостоке столпам русского футуризма – Д.Бурлюку, Н.Асееву, С.Третьякову и др.²¹ По неизвестным нам пока причинам в октябре 1922 Скачков оказался в Праге и сразу был зачислен в студенты Русского юридического факультета. Здесь, по сообщению Ивана Просветова, автора новейшей биографии советского нелегала Дмитрия Быстролетова, он стал единственным близким другом Быстролетова и вступил в Союз студентов – граждан РСФСР²².

В то же время Скачков начал интенсивно сотрудничать с литературными объединениями Праги самых разных политических и художественных программ – и со «Скитом поэтов», в который входили многие русские белые эмигранты – поэты и прозаики²³, и со словацкими и чешскими объединениями революционного художественного авангарда «Дав» и «Деветсил», под грифом последнего он издал в Праге на русском языке свой единственный поэтический сборник «Музыка моторов» (1926).

П.Г.Богатырев, Р.О.Якобсон и М.Н.Скачков, несомненно, постоянно пересекались в Праге, они жили в общем служебном и интеллектуальном пространстве,

²¹ См.: Кириллова Е.О. Дальневосточная гавань русского футуризма / Е.О.Кириллова. – Кн. 1. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2011; Турчинская Е.Ю. Авангард на Дальнем Востоке / Е.Ю.Турчинская. – СПб.: Алетейя, 2011.

²² Просветов И. Указ. изд. – С.93, 152. Союз русских студентов – граждан РСФСР якобы был создан эсеровским центром с ведома чехословацкого правительства для последующей легальной переправки шпионов и диверсантов в СССР.

²³ См.: «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст., общ. ред. Л.Н.Белошевской; сост., биографии Л.Н.Белошевской, В.П.Нечаева. – М.: Русский путь, 2006. – 768 с.

но выбирали разные алгоритмы и пути его освоения. Мотивы революционно-го обновления общества на основе интеграции идей конструктивизма и коммунизма, доминантой звучавшие в эти годы в жесткой и аритмичной поэзии Скачкова, вероятно, отражали и его политические устремления, которые привели литератора, как и ряд других русских эмигрантов, к сотрудничеству с советскими спецслужбами. Профессор-славист Н.Н.Дурново, несколько лет живший в Чехословакии и арестованный в Москве в начале 1930-х по «делу славистов», в своих показаниях вспоминал, что Якобсон предупреждал его:

Скачков возвращенец и <...> с ним надо быть осторожным. Позднее, приглася Скачкова к себе, чтобы познакомить его со своим сыном, я совершенно не представлял себе его политического лица и думал, что он если не коммунист, то близок к коммунизму. Я хотел, чтобы он познакомился с моим сыном только ввиду их общих научных интересов в области славянских литератур (чешской и сербохорватской)²⁴.

Действительно, в марте 1926 М.Н.Скачков уехал в СССР, где быстро занял весьма заметное положение в советской литературной номенклатуре: в 1930–1931 он ответственный секретарь Московского горкома писателей, политический редактор Иностранного отдела Главлита. Член Международного объединения революционных писателей (МОРП) по Центральной Европе, Скачков продолжал поддерживать связи с литературной Чехословакией и, помимо Я.Гашека, переводил повести и романы других чешских левосоциалистических авторов – В.Ванчуры, И.Горы, М.Майеровой и уже знакомого нам И.Ольбрахта, публиковал статьи о современной чешской культуре в журналах «На литературном посту», «Вестник иностранной литературы», «Революция и культура» и др., а также в «Литературной газете».

Его бурно развивавшаяся карьера советского чиновника от литературы закончилась в один день – 14 ноября 1933 Михаил Скачков был арестован и обвинен в принадлежности к антисоветским организациям за рубежом и Российской национальной партии («дело славистов»)²⁵. Как пишет В.М.Алпатов, из следственного дела следует, что Скачков дважды вербовался ОГПУ и дал показания, позволившие сфабриковать «дело славистов», по которому, с одной стороны, были привлечены и осуждены такие известные советские ученые, как профессора Н.Н.Дурново, А.М.Селищев, В.В.Виноградов, а с другой – недавние коллеги Скачкова по Праге и советской миссии – Роман Якобсон, Петр

²⁴ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы / Ф.Д.Ашнин, В.М.Алпатов. – М.: Наследие, 1994. – С.11–12.

²⁵ См.: Горяинов А.Н. Славяноведы – жертвы репрессий 1920–1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки / А.Н.Горяинов // Советское славяноведение. – 1990. – №2. – С.81–82.

Богатырев, которых заочно обвиняли в координации «фашистской пропаганды панславистского характера»²⁶.

Постановлением коллегии ОГПУ от 29 марта 1934 М.Н.Скачков был приговорен по ст. 58-4-11 УК РСФСР к расстрелу, замененному на 10 лет лишения свободы. Он отбывал срок на Соловках, но 9 октября 1937 постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской области литератор был вновь приговорен к смертной казни. Приговор привели в исполнение 3 ноября 1937. Так жизнь одного из первых русских создателей brave солдата Швейка закончилась в Сандармохе (Карельская АССР). И хотя переводы Скачкова еще много лет переиздавались, но уже без упоминания его имени, которое со временем совсем исчезло со страниц литературных изданий и вспомнилось уже только в 90-е годы XX века.

---

²⁶ Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Указ. изд. – С.11–12.

Ольга Тиховская

Специфика периодизации в биографическом исследовании (заметки на полях жизнеописания Ю.А.Квятковской)

**Ольга Александровна
ТИХОВСКАЯ**

*культуролог,
редактор Центра гуманитарных
проектов «Интер-Класс»,
г. Кишинев*

olgati@yandex.ru

Продуктивное предубеждение биографа к ценности жизненного опыта конкретной личности – убеждение, предшествующее замыслу биографического исследования, – играет ключевую роль при выборе персонажа.

Имя врача-офтальмолога Юлии Александровны Квятковской (1859–1951) не случайно появилось в списке персоналий моего просветительского проекта «Провинциальный доктор в гражданском служении России: очерк традиций медицинского сообщества Бессарабии XIX–XX вв.»¹. Содержательной основой этой работы стали материалы о жизни шестнадцати российских врачей, связанных с Бессарабией. Среди них – видные представители медицинской науки и практики, общественные деятели П.П.Тутышкин (1868–1937), А.В.Корчак-Чепурковский (1857–1947), А.Д.Коцовский (1864–1937), Я.М.Бернштейн-Коган (1859–

---

¹ Проект был представлен на Седьмых Чертковских чтениях «Российская империя во времени и пространстве» в Государственной публичной исторической библиотеке России (Москва, 6 декабря 2018).

1929), Н.А.Дорошевский (1857–1910), М.Б.Слущкий (1851–1934). Их современница и коллега Ю.А.Квятковская, выпускница Высших женских врачебных курсов при Николаевском военно-сухопутном госпитале в Санкт-Петербурге, принадлежала к первому поколению женщин, получивших высшее медицинское образование в России. В наши дни, когда гуманитарный вектор развития отечественной медицины подавляется вектором коммерческим, не праздным будет обращение к судьбам таких самоотверженных тружениц, как доктор Квятковская. Осмысление ее жизненного опыта и создание биографической реконструкции представляются более чем своевременными.

Реализация личностного потенциала Квятковской совершалась в различных историко-культурных контекстах, в обширном географическом и социальном пространстве (Томск – место рождения, затем Санкт-Петербург, Ашхабад, Херсон и наконец Кишинев, где прожито более полувека и где завершился земной путь; Полтавская губерния, Уфимская губерния, Закаспийская область, Бессарабская губерния; Российская империя, Румынское королевство, Союз Советских Социалистических Республик). Квятковская смогла сочетать обширную врачебную практику с общественным служением, содействием революционному движению с благотворительностью. В списке ее благодеяний – первая глазная лечебница Бессарабии, организация помощи детям-сиротам, семьям погибших воинов, беженцам в годы Первой мировой и Гражданской войн, помощь кишиневцам-евреям в условиях немецко-румынской фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны.

Символические вехи на протяжении почти столетнего жизненного пути Квятковской – голоса ее современников. В юности она слышала, как народо-вольцы спорят о будущем, как в публичном собрании Ф.М.Достоевский читает вслух главы романа «Братья Карамазовы», а на склоне лет ей довелось услышать радиотрансляцию со словами «Братья и сестры!» – обращение И.В.Сталина к советскому народу, ввергнутому в водоворот Второй мировой войны.

Реконструкция столь долгой и многогранной жизни служит стимулом к рассмотрению, на эмпирическом и теоретическом уровне, таких вопросов, как соотношение периодизации и биографической схемы, содержание объекта периодизации, сопряжение разнотипных критериев, анализ методологических подходов к периодизации в различных антропологических дисциплинах, в том числе на примерах периодизаций возрастного развития и профессионально-го становления.

Впервые отдельные биографические сведения о Квятковской стали публичным достоянием в 1899, когда на страницах газеты «Бессарабец» появились заметки об открытии первой глазной лечебницы в главном городе Бессарабской губернии – Кишиневе. Журналист и общественный деятель П.А.Крушеван (псевдоним Бука), приветствуя начинание Ю.А.Квятковской, общал читателей:

Цель лечебницы заключается в предоставлении страждущим болезнями глаз возможности пользоваться обстановкой, которой в значительной мере обуславливается успешное лечение <...>. Лечебница устроена и содержится на собственные средства учредительницы, снабдившей ее всеми приспособлениями, согласно современным научным требованиям².

Спустя несколько месяцев Крушеван вновь написал о глазной лечебнице. В этой публикации актуализируется информационный повод первой по времени заметки (процитированной выше). Называя создание лечебницы *выдающимся фактом*, журналист обращает внимание читающей публики на личность самой Квятковской и на общественную значимость ее работы.

А между тем этот выдающийся факт был полон глубокого значения, говорил о чем-то светлом, хорошем и глубоко симпатичном в жизни нашего общества, <...> говорил о попытке интеллигентной женщины не только завоевать независимое положение и жить самостоятельно собственным трудом, но и создать полезное, важное дело, в котором давно нуждается родное общество. <...> посмотрите, как ярко выступает светлый образ этой женщины-врача. <...> Молодой девушкой пошла она на медицинские курсы, добилась диплома <...>. Для бедных больных г-жа Квятковская назначила приемные часы и лечит их бесплатно³.

В дальнейшем имя Квятковской по разным поводам появлялось в бессарабской прессе и в профессиональных периодических изданиях⁴. Некоторые факты своей жизни Квятковская приводит, выступая как автор в специальных медицинских журналах⁵. Самым полным повествованием о жизни Квятковской стала мемуарная автобиография, изданная в 1937⁶. Книга вышла в Париже, где в то время находились родственники Квятковской, русские эмигранты; сама она, не меняя места жительства, также оказалась вне России – вопреки собственной воле. Сей поворот судьбы объясняется тем, что в результате вооруженного вторжения румынских войск в Бессарабию территория этой бывшей пограничной губернии Российской империи была оккупирована и затем

² [Крушеван П.А.] Первая глазная лечебница // Бессарабец (Кишинев). – 1899. – 25 мая (6 июня). – С.3.

³ Бука [Крушеван П.А.]. Мимоходом / П.А.Крушеван (псевд. Бука) // Бессарабец (Кишинев). – 1899. – 7 (19) сентября. – С.3.

⁴ Напр.: Хроника и мелкие известия // Врач (СПб.). – 1899. – 18 сентября. – Т.ХХ. – №38. – С.1122; Квятковская Ю.А. Письмо в редакцию / Ю.А.Квятковская // Врач (СПб.). – 1899. – 9 октября. – Т.ХХ. – №41. – С.1214.

⁵ Квятковская Ю.А. Отчет частной глазной лечебницы в г. Кишиневе, Бессарабской губ.: За 4 года (с 20 мая 1899 г. по 1 октября 1903 г.) / Ю.А.Квятковская // Вестник офтальмологии. – 1904. – Т.ХХI (январь–февраль). – С.322–339.

⁶ Квятковская Ю.А. Воспоминания врачей / Ю.А.Квятковская, М.П.Рашкович. – Париж, 1937. – 268 с.

аннексирована Румынским королевством. Таким образом, с 1918 по 1940 Бессарабия являлась румынской провинцией, и в ее границах Квятковская проживала вплоть до 28 июня 1940, когда произошло значимое политическое событие. В советской и постсоветской историографии это событие трактуется как освобождение Бессарабии от румынской оккупации и воссоединение с преемником России – Советским Союзом.

В Молдавской ССР, созданной 2 августа 1940 в результате объединения освобожденной Бессарабии и Молдавской автономной советской социалистической республики (МАССР с 1924 входила в состав Украинской ССР), интерес к жизни и деятельности доктора Квятковской возник в послевоенный период, в начале 1960-х⁷. Для историков, краеведов, журналистов важны были свидетельства о сотрудничестве Квятковской с представителями социал-демократических кругов, о ее участии в общественном движении 1900-х. Авторы публикаций, где упоминается Квятковская, уделяли особое внимание эпизодам, связанным с революционной деятельностью ее родственников, прежде всего – старшего брата народовольца А.А.Квятковского (1852–1880), осужденного по «процессу 16-ти» и казненного в Петропавловской крепости 4 ноября 1880 года⁸. Сын казненного – А.А.Квятковский, родившийся в 1878, впоследствии тоже примкнул к революционному движению и в качестве экспедитора подпольной газеты «Искра» нередко обращался за содействием к своей родственнице:

Зачастую литературу приходилось возить в корзинах и чемоданах <...>. Большую помощь оказывала в деле транспортировки литературы и Юлия Александровна Квятковская⁹.

Библиография работ с упоминанием Ю.А.Квятковской и отдельных публикаций о ее жизни и деятельности невелика. С начала 1960-х до настоящего времени не появилось ни одного подробного биографического очерка. В существующих публикациях прослеживается стремление идеализировать образ Квятковской, подверстывая его под современный авторам идеологический контекст; кроме того, авторы чаще использовали неverified текст автобиографии Квятковской, нежели обращались к иным документальным источникам. Благонамеренное мифотворчество авторов, «редактировавших»

⁷ См. о сотрудничестве Квятковской с народной библиотекой: *Киртока А.С.* Кишиневская народная бесплатная библиотека-читальня (1896–1909): из истории развития библиотечного дела в Молдавии / А.С.Киртока. – Кишинев, 1961. – С.48–49, 70–71, 75.

⁸ *Казаков В.Г.* Квятковские // Казаков В.Г. Помнят улицы... [Сб.] / В.Г.Казаков. – Кишинев, 1976. – С.32–41.

⁹ Из воспоминаний А.А.Квятковского о кишиневской типографии «Искры». 1901–1902 гг. // Первая в России подпольная типография ленинской газеты «Искра»: Сб. материалов, документов и воспоминаний. – Кишинев, 1970. – С.237..

историю жизни доктора Квятковской, становится все более очевидным по мере выявления новых документов и расширения источниковой базы. Сегодня образцы подобного редактирования тоже являются документальными свидетельствами – в том числе свидетельствами социальных функций биографического знания. Приведем один из характерных примеров:

Уроженка Сибири (1859 г.), после окончания гимназии она порвала с семьей (отец был золотопромышленником) и уехала в Петербург. <...> Годы учебы на курсах превратились в годы активной политической деятельности <...>. Долгие месяцы проводит она в застенках полиции, III Отделения, в доме предварительного заключения... <...> В противовес официальным властям, которые ничего не предпринимали, Юлия Александровна возглавила борьбу за создание глазной лечебницы¹⁰.

Между тем не найдено ни одного свидетельства о том, как Юлия Квятковская «порвала с семьей», поскольку многие факты красноречиво говорят об обратном. После казни старшего брата, Александра, Квятковская ухаживала за его вторым сыном, младенцем, чья мать С.А.Иванова-Борейша была приговорена к каторжным работам на «процессе 16-ти»¹¹. А жену своего брата Ивана Квятковского Юлия приютила у себя в кишиневском доме и помогла ей начать самостоятельную врачебную практику. Здесь же, в Кишиневе, под опекой дочери, провела свои последние годы мать Юлии – А.Т.Квятковская. «Долгие месяцы в застенках» не подтверждаются выявленными документами. Так, в справке, отложившейся в фонде III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (в Государственном архиве РФ), сказано, что дворянка Ю.А.Квятковская, 20 лет, слушательница женских врачебных курсов при Николаевском госпитале в Санкт-Петербурге, хотя и «возбудила подозрение в своей политической неблагонадежности», но к дознанию не привлекалась¹². Что же касается действий «в противовес властям» и «борьбы» за создание глазной лечебницы, то подобные фигуры речи не соотносятся с достоверными фактами: имена высокопоставленных лиц Бессарабской губернии значатся в списке тех, кто поддержал открытие лечебницы и оказал помощь при строительстве нового здания; кроме того, дальнейшее развитие этого важного медицинского учреждения, основанного Квятковской, происходило под эгидой Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых¹³.

¹⁰ Ременко Г. Домик на Садовой [о враче Квятковской Ю.А.] / Г.Ременко // Вечерний Кишинев. – 1972. – 7 марта. – С.2.

¹¹ «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. – Л., 1989. – С.366.

¹² Справка на Квятковскую Ю.А. – ГАРФ. – Ф.109. – Оп.230. – Ед. хр. 2207. – Л.1–4.

¹³ Закладка здания глазной лечебницы // Бессарабские Губернские Ведомости. – 1908. – 20 мая (2 июня). – С.2.

Однако и в постсоветской Республике Молдова появились публикации, где личность Квятковской заметно идеализируется, при этом отдельные факты искажены или получили необоснованную интерпретацию, а ряд источников, находящихся в культурном и научном обороте, проигнорирован.

Так, в одной из публикаций утверждается, что «Юлия Квятковская в молодости была активной народницей. Ходила в народ, лечила, давала советы»¹⁴. Авторы другой публикации – очерка «Сибирский характер» – в необычайно оптимистической тональности сообщают о занятиях Квятковской виноградарством и садоводством:

В 1918 году, после упразднения городской управы, Юлию Квятковскую отстранили от общественных дел. Но и тогда полячка не поддавалась отчаянию: со свойственной ей энергией Юлия взялась за виноградарство и садоводство. Через несколько лет на сельскохозяйственной выставке она удостоилась золотой медали¹⁵.

При этом авторы ни слова не говорят о том, что пожилая женщина, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынуждена была продавать урожай из своего дачного виноградника для получения дополнительного дохода. Это была попытка выжить в условиях, наглядно обрисованных сенатором Н.Н.Александром во время его выступления в Сенате Румынии по поводу бедственного положения Бессарабии, где осуществлялся особый военизированный режим управления и проводилась агрессивная политика румынизации:

Медики, учителя, учительницы низших и средних школ, судьи, нотариусы и чиновники Окружного суда русской службы, почтово-телеграфные чиновники, чиновники телеграфа, казначейства, Казенной палаты – все это бывшие люди, выброшенные на улицу, люди, умирающие от голода, находящиеся в безвыходном положении¹⁶.

В июне 1920 депутация медиков обратилась к Н.Н.Александру с просьбой «сделать все возможное, чтобы глумление над бессарабскими вольнопрактикующими врачами прекратилось». Позицию румынских властей депутация проиллюстрировала словами из официального документа:

¹⁴ *Маринчук А.* В 30-х годах в Кишиневе был лучший сиротский приют Европы / А.Маринчук // Молдавские ведомости. – 2013. – 13 декабря. – С. 5.

¹⁵ *Тарнакин В.* Сибирский характер // Тарнакин В. Бессарабские истории: Историко-краеведческие журналистские расследования / В.Тарнакин, Т.Соловьева. – Кишинев: Pontos, 2011. – С. 214.

¹⁶ Речь Н.Н.Александри // Новое Слово (Кишинев). – 1920. – 27 августа. – С. 3.

Медицинское общество Бессарабии занимается политикой, не проникнуто любовью к Румынии, и стоящие во главе общества врачи – революционеры и агитаторы¹⁷.

Также вряд ли оправданно именование «полячка», использованное авторами очерка: на самом деле этническое происхождение отца, поляка по рождению, принявшего православие, не повлияло на формирование культурной идентичности Квятковской, не отразилось на ее воспитании и образовании, проходивших в русскоязычной православной среде.

Как видим, воссоздание, в той или иной форме, жизненного пути доктора Квятковской имеет свою предысторию, и в этой биографической прелюдии, сложившейся при участии разных авторов, много незавершенных мотивов – нерешенных задач. Некоторые из них связаны с проблемами периодизации. Прежде всего, с проблемой *содержания объекта* периодизации. Определить хронологически последовательные периоды жизни индивида, периоды значимые и существенно различающиеся, невозможно без объяснения, что мы вкладываем в понятие «жизнь конкретного человека» и каким мы представляем себе «этого конкретного человека». Жизнь как объект периодизации невозможно описать с исчерпывающей полнотой. Не случайно метод периодизации корректно применяется в отношении таких составляющих жизненного процесса, как «профессиональная деятельность», «научная деятельность», «творческая деятельность». Анализируя эти составляющие, мы можем фиксировать объективные изменения, показатели развития или регресса, можем выбирать четкие критерии – основания периодизации. Когда речь идет о жизни человека в целом, мы имеем дело со множеством процессов настолько разнотипных и настолько взаимосвязанных, что выбор единого основания периодизации будет заведомо условным. Вот почему в практике биографического письма чаще создаются биографические схемы, основанные на предметных, географических, пространственных или хронологических реалиях: подобные внешние вехи маркируют последовательные жизненные этапы. Такова, например, традиционная биографическая схема, принятая пушкиноведами: «Лицей – Петербург – Юг – Михайловское – После 1825 года – Последние (т.е. 30-е годы)»¹⁸.

Однако использование биографической схемы не снимает вопроса о периодизации, что подтверждается обсуждениями этой проблематики в различных научных сообществах (например, дискуссии по поводу биографии А.С.Пушкина, И.-С.Баха и др.). Применение условной схемы побуждает к размышлению об *идеальном* и *реальном* объектах периодизации. Для биографа

¹⁷ Врачи у Н.Н.Александров // Новое Слово (Кишинев). – 1920. – 10 июня. – С.3.

¹⁸ Фомичев С.А. Периодизация творчества Пушкина: (К постановке проблемы) // С.А.Фомичев // Пушкин: Исследования и материалы. – Т.10. – Л., 1982. – С.5.

жизненный путь персонажа является идеальной субстанцией, не представленной в непосредственном опыте. Исследователю не дано наблюдать процесс земного существования биографируемого индивида – во всеобъемлющем единстве внутренней и внешней жизни (включая и такие случаи, когда биограф и его персонаж оказывались современниками, были лично знакомы). В связи с этим показательны рассуждения писателя Ф.К. Сологуба о восприятии собственной жизни и ее биографического отображения:

<...> указание внешних вех жизни я считаю слишком мало уясняющим жизнь человека. <...> Читая беглый перечень внешних фактов, посторонний человек видит их разрозненными, обособленными, невыразительными, – ведь это только для меня жизнь – целое, органически связанное, где, собственно, нет таких прямых граней – детство, юность, а где все едино, и везде я – один. Наконец, душа всякого события не во внешности факта, а в тех психологических основаниях, с какими он был принят, пережит, прочувствован¹⁹.

Задача уяснить жизнь человека требует объективного подхода. Жизнь, воссозданная по отражениям в сохранившейся и доступной нам документально-текстовой реальности, существует в виде умозрительного идеального объекта. Реальным объектом периодизации является модель жизни – биографическая реконструкция. Содержание этого объекта определяется биографом, отбирающим фактологический материал. При анализе биографических фактов и обосновании критериев периодизации ключевую роль играет концептуальное видение персонажа, сформулированное исследователем.

Воссоздание личной истории Квятковской можно выстроить на следующих концептуальных основаниях.

Первое: биография Квятковской как наследницы «неслучайного семейства». Достоевский, говоря о русских «случайных семействах» (в романе «Подросток» и «Дневнике писателя»), размышлял об утрате традиционных семейных ценностей, о разрыве связей, о внутреннем «хаосе». Между тем в современной писателю пореформенной России появлялись такие «неслучайные семейства», как многодетные семьи Ульяновых или Гавронских, где братья и сестры разного возраста участвовали в революционном движении. Новые семейные скрепы, новые идеалы и ценности сказывались на судьбах всех членов семьи независимо от степени их вовлеченности в нелегальную деятельность. К такому «неслучайному семейству» принадлежала и Ю.А.Квятковская: свою лепту в будущее переустройство России внесли не только ее братья Александр, Тихон, Иван, Петр, но и другие родственники. Периодизация жизненного пути наследницы «неслучайного семейства» может быть выстроена с учетом того,

¹⁹ Измайлов А.А. У Ф.К. Сологуба: [интервью] / А.А.Измайлов // Сологуб Ф.К. Творимая легенда / Ф.К.Сологуб. – Кн. 2. – М., 1991. – С.227–228.

как сотрудничество с нелегальными организациями и контакты с революционными активистами повлияли на судьбу Квятковской, на формирование ее личности, на ее решения и поступки, приводившие к изменениям в личной и профессиональной жизни.

Второе: продуктивной концептуальной основой биографической реконструкции является образ Квятковской как женщины-врача, сохранявшей традиции российского медицинского сообщества в различных исторических условиях (включая такие социальные потрясения, как революции, войны, репрессии). Вступив на профессиональное поприще в 1886 после получения диплома на право врачебной практики, Квятковская начинала свой путь в медицине под руководством известного врача А.Г.Архангельской в Петровской лечебнице Московского земства. О своих земских коллегах Квятковская позднее написала:

Это была дружная семья врачей, сплоченная единственным стремлением принести как можно больше пользы своему народу правильно поставленной медицинской помощью. Здесь не было места интригам, зависти или заботам о своем собственном благополучии²⁰.

На склоне лет, пережив многих своих сверстников, Квятковская стала свидетелем того, как воплотилась в жизнь давняя мечта ее коллег и сподвижников – система народного здравоохранения и бесплатного медицинского обслуживания для всех слоев населения. Критерий периодизации в данном случае будет соотнесен с профессиональной эволюцией, с изменением масштабов деятельности, с принятыми знаковыми решениями и достижениями. Реконструкция, выстроенная на этой основе, учитывает малоизученные периоды жизни Квятковской, в частности 1920–1930-е. Это время, фрагментарно отраженное в выявленных нами источниках, крайне важно для понимания личности Квятковской, пытавшейся – в изменившемся социокультурном контексте – защитить созданную ею лечебницу от уничтожения, оставаясь верной гуманитарным традициям российской медицины²¹. К этому же периоду относятся документы из фондов Национального архива Республики Молдова, проливающие свет на эпизоды частной жизни, на безуспешную попытку Ю.А.Квятковской получить разрешение румынских властей на въезд в Бессарабию ее родственницы Н.Квятковской²².

²⁰ Квятковская Ю.А. Воспоминания врачей. Указ. изд. – С.82–83.

²¹ Насильственное выселение глазной лечебницы из собственного дома // Бессарабское Слово (Кишинев). – 1928. – 2 октября. – С.2; Надо помочь глазной лечебнице // Бессарабская почта. – 1933. – 13 февраля. – С.2.

²² НАРМ. – Ф.679. – Оп.5. – Ед. хр. 2479. – Л.1 с прилож.; НАРМ. – Ф.680. – Оп.1. – Ед. хр. 3618. – Л.194, 195, 212, 213.

Очевидно, что, уточняя содержание объекта периодизации, невозможно ограничиться имманентным анализом биографических фактов: необходимо задействовать широкий исторический и культурный контекст. Обоснованная биографическая периодизация соотносится с общеисторической и другими видами периодизации, определяющими этапы существования тех стран, городов, социальных институтов, сообществ, организаций, отдельных личностей, с которыми была связана жизнь биографируемого индивида. Соотнесение разнородных периодизаций помогает преодолеть субъективность в работе с фактологическим материалом и при анализе документальных источников. Например, для истолкования письма Квятковской к врачу Екатерине Арборе-Ралли (дочери революционера З.К.Арборе-Ралли) от 19 декабря 1905, отложившегося в Российском госархиве литературы и искусства, необходимо соотнести периоды жизни адресанта и адресата, а также обратиться к периодизации истории русской революции 1905–1907, истории российской медицины, истории бессарабского земства²³.

Таким образом, в биографическом исследовании периодизация многофункциональна, и ее применение в процессе реконструкции способствует постижению объективной сущности жизни индивида.

---

²³ Квятковская Ю.А. Письмо к Е.З. Арборе-Ралли. – РГАЛИ. – Ф.1019. – Оп.1. – Ед. хр. 297. – Л.1–2.

Иван Толстой

Забывтый и переименованный. Судьба Григория Лозинского по бумагам семейного архива

**Иван Никитич
ТОЛСТОЙ**

*историк литературы русской
эмиграции*

ivan.tolstoi@gmail.com

Судьба явно обещала братьям Лозинским схожие жизненные пути.

Оба окончили сперва юридический факультет Петербургского университета, затем филологический. Михаил Леонидович, оставшись после революции в России, обратился в 1920-е годы к переводам европейских классиков – от Лопе де Вега до Анри де Ренье – и посвятил переводам всю оставшуюся жизнь.

Подобная же участь, вероятно, ждала и младшего брата, Григория, если бы не необходимость бежать из Петрограда после ареста его близкого друга Николая Гумилева. Никакого отношения к Таганцевскому заговору он не имел, но его поспешный уход в подполье был совершенно осознанным – так, словно его, а не старшего брата, Михаила, продержали «три дня на венском стуле»¹ в ЧК на Гороховой.

Григорий Лозинский успел проявить себя в России переводами с португальского и интересом к старофранцузскому языку. Он подготовил для издательства

---

¹ Устная домашняя легенда, слова М.Л.Лозинского, передававшиеся из поколения в поколение.

«Всемирная литература» три тома португальского классика Эсы де Кайроша (в сегодняшнем написании – Кейроша), стал сооснователем – вместе с Яковом Блохом – издательства «Петрополис» и завязал дружеские и профессиональные отношения в литературно-филологической среде².

Все эти интересы и определили его дальнейшую жизнь в эмиграции, где он изучал средневековую французскую литературу, преподавал старофранцузский язык в Сорбонне, работал редактором литературного журнала «Звено», сотрудничал с парижским Институтом Славяноведения, был соавтором (вместе с Константином Мочульским и Модестом Гофманом) написанной по-французски «Истории русской литературы от ее истоков до наших дней»³, где ему принадлежал двухсотстраничный раздел «Пушкин», включавший разбор всей литературы широко понимаемого пушкинского времени – от Карамзина, Крылова, Озерова, Шаховского, Жуковского, Мерзлякова, Батюшкова, Баратынского, Козлова, Рылеева, Дельвига, Языкова до Тютчева, Кольцова, Грибоедова, Лермонтова и Гоголя. По некоторым сведениям, перу Лозинского принадлежали также главы о Кантемире и Тургеневе, но детальный разбор участия трех авторов в «Истории» пока что невозможен: не хватает свидетельств и документов.

² Григорий Леонидович Лозинский (1889–1942) окончил в 1906 1-ю Петербургскую гимназию, в 1910 окончил юридический факультет Петербургского университета и в 1915 – романо-германское отделение историко-филологического факультета; в 1910–1912 занимался романской литературой в *École des hautes études* в Париже. С 1915 преподавал старофранцузский язык на Высших педагогических курсах *Alliance Française*. С 1918 – приват-доцент, преподавал португальский язык и литературу в Петроградском университете, профессор романской филологии в Высшем женском педагогическом институте. В 1918 – член коллегии экспертов по составлению планов и подбора переводчиков для издательства «Всемирная литература», где при его участии вышли сочинения итальянских, португальских и аргентинских классиков. С 15 мая 1918 – нештатный сотрудник Отделения полиграфии Публичной библиотеки, с 4 октября – в Отделении языкознания, с 16 января 1919 избран научным сотрудником без содержания.

Среди главных собственных и редактируемых Г.Л.Лозинским переводов этой поры:

Лазарь-поводырь: Жизнь Лазаря с Торреса, его бедствия и приключения / Пер. с исп. Г.Лозинского. – Санкт-Петербург, 1913.

Ларрета Э. Подвиг Дон-Рамиро / Пер. К.Жихаревой; предисл. Г.Лозинского и И.Крачковского; прим. Г.Лозинского и Б.Кржевского; под ред. Г.Лозинского. (Серия: Всемирн. лит.-ра: Испания.). – Берлин, 1922.

Иркуляно А. Исторические повести / Пер. В.В.Рейтца и Г.Л.Лозинского; под ред., с предисл. и прим. Г.Л.Лозинского. (Серия: Всемирн. лит.-ра: Португалия). – Петербург; Москва: Гос. изд-во, 1922.

Аннунцио Г. д'. Может быть да, может быть нет / Пер. с ит. и с предисл. Г.Л.Лозинского. – Берлин, 1923.

Кайрош Э. де. Переписка Фрадика Мендеша / Пер. Г.Л.Лозинского, Е.Н.Лавровой; предисл. Г.Л.Лозинского; прим. Г.Л.Лозинского, Б.А.Кржевского. (Серия: Всемирн. лит.-ра: Португалия). – Берлин: Гос. изд-во, 1923.

Перед этим вышли два тома сочинений писателя с другим написанием фамилии:

Избранные сочинения Эсы де-Кэйрош / Под ред. Г.Л.Лозинского. (Серия: Всемирн. лит.-ра: Португалия). – Т.1: Рассказы / Пер. М.А.Жирмунского, Е.Н.Лавровой, М.М.Рындина; вступ. ст. и прим. Г.Л.Лозинского. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923.

Избранные сочинения Эсы де-Кэйрош / Пер. А.Брюсова; предисл. и прим. Г.Л.Лозинского; под ред. Г.Л.Лозинского. (Всемирн. лит.-ра.: Португалия). – Т.4: Реликвия. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1922 [на титульном листе: 1923].

³ L'Histoire de la littérature russe depuis les origines jusqu'à nos jours. – Paris, 1934.

В парижской деятельности Григория Леонидовича видимых острых углов не найти: преподавание французского, создание программы по русскому языку и словесности для Русской гимназии в Париже, работа в ежемесячнике *Le Mois*, изучение французских средневековых литературных памятников, исследование творчества Пушкина и комментирование – прежде всего «Евгения Онегина». Секретарь Пушкинского юбилейного комитета (1935–1937), он изучает ареалы распространения русской печати в мире, редактирует *Временник Общества друзей русской книги* (1925–1938).

Без громких публикаций он завоевал в эмиграции признание глубокого знатока Пушкина: в письме к пражанину Альфреду Бему Владислав Ходасевич писал о Пушкинском комитете:

<...> в комитете сидит человек сорок, из которых читали Пушкина четверо: Гофман, Лозинский, Кульман и Ваш покорный слуга⁴.

С одной стороны, в советофильских настроениях Григорий Леонидович не замечен, с другой – вся зарубежная деятельность издательства «Петрополис» (к которому он имел затихавшее с годами отношение), французская славистика (в лице Андре Мазона) – все это гавани, воды которых поблескивали розовой зарей.

Была ли это забота об оставшемся в Ленинграде брате?

Отъезд за границу Григорий Леонидович готовил заранее. Еще летом 1920 он передал просьбу сестре Елизавете, с 1918 жившей с мужем Владимиром Миллером в Лондоне, похлопотать в скандинавской академической среде об университетском месте. 21 сентября 1920 друг семьи Лозинских Алексей Сергеевич Глазенап⁵ писал Елизавете Леонидовне из Христиании (Осло):

<...> Твое письмо касательно Гриши получил несколько дней тому назад, дорогая Лизочка, и немедленно принялся за хлопоты. Сегодня наконец могу отписать следующее:

⁴ Письмо В.Ф.Ходасевича А.Л.Бему, 6 ноября 1935 // *Янгиров Р. Пушкин и пушкинисты: По материалам из чешских архивов Р.Янгиров // Новое литературное обозрение*. – 1999. – №37. – С. 194.

⁵ Алексей Сергеевич фон Глазенап (1887–1931) – сын Сергея Павловича фон Глазенапа (1848–1937), создателя и руководителя астрономической обсерватории при Петербургском университете (1881) и первой в России горной астрономической обсерватории в грузинском поселке Абас-Туман, члена-корреспондента (1928) и почетного члена АН СССР (1929). А.С. фон Глазенап – выпускник Александровского лицея (1907, серебряная медаль), коллежский асессор, столоничальник отдела торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности. В 1910 женился на О.П.Миллер. Во время Первой мировой войны назначен торговым представителем при русском посольстве в Норвегии; после октября 1917 в Россию не вернулся. В Осло семья жила бедно. О.П.Миллер скончалась в 1964. А.С.Глазенап приходился троюродным братом Т.Б.Шапировой (Лозинской) по линии Ширококовых.

<...> Здешний старший коллега твоего брата – проф. Олаф Иванович Брок (славянские наречия) вплотную принялся за хлопоты и уверяет, что через несколько дней будет отослано предписание Норвежской миссии в Гельсингфорсе немедленно дать визу Г.Л[озинско]му, если он обратится за таковой в Миссию. Местом приюта Гриши в Норвегии будет указана моя квартира. Итак я надеюсь, что все будет в порядке и Гриша беспрепятственно доедет до меня.

<...> Но как известить его о том, что по приезде в Финляндию он должен обратиться немедленно же в Норвежскую Миссию!... Я хотел бы написать Шапировым, но без твоего разрешения не смею делать, боясь повредить Грише сообщением преждевременных новостей в ту местность, где он так хорошо известен. Поэтому я в Финляндию ничего не пишу. Но предлагаю сделать так: если ты считаешь, что нужно как можно скорее написать туда, то телеграфируй мне так:

<...> «Прошу написать Шапировой (или Пашутиной) адрес Ваммельсу» (или иной, ибо я не знаю их точного адреса).

<...> В случае получения от тебя такой телеграммы я немедленно пишу указанному лицу о том, что нужно предпринять брату Лизочки Миллер – Грише – для того, чтобы достать норвежскую визу⁶.

Трудно сказать, что же помешало тогда Григорию Леонидовичу перебраться в Финляндию. Возможно, семья решила сперва отправить за границу мать, Анну Ивановну. Для нее весной 1921 был выбран путь многих петроградцев, считавшийся среди прочих наименее рискованным, – на лодке вдоль берега Финского залива в сопровождении контрабандиста.

Тем временем Григорий Леонидович готовил свой побег. Сказать, что в Петрограде он был под каким-то определенным подозрением, нельзя. Во всяком случае, из доступных нам документов никаких беспокоящих сведений не извлечь, и остается предположить, что его личный порог тревожности был вполне низок и общая атмосфера чекистских репрессий, опыт пережитого за три с половиной года подвигали его избрать проторенный путь многих – в Европу. Да и узам Гименя Григорий Леонидович связан еще не был.

Злосчастный август 1921 года лишь поторопил его к принятию судьбоносного решения: документы были выправлены, и даже валюта припасена.

Михаил и Григорий расстались в Петрограде в середине месяца – после того, как старший из братьев был задержан в комнате Гумилева в Доме искусств. Почувствовав, что им тоже могут интересоваться, Григорий скрылся в квартире у друзей, переждал несколько суток и, ни с кем не прощаясь, последовал путем Анны Ивановны – отправился с проводником через финскую границу.

⁶ Письмо А.С.Глазенапа Е.Л.Миллер, 21.09.1920. – Архив публикатора. Ольга Васильевна Пашутина (урожд. Семичева) – родная сестра Софьи Васильевны Семичевой, жены Б.М.Шапирова. В Ваммельсу до 1917 находилась дача семьи Шапировых, оказавшаяся после революции на территории Финляндии.

В лодку сели ночью, гребли неслышно, то и дело замирая в прибрежных камышах. Несмотря на август, на Григории Леонидовиче была длиннополая шуба, куда он зашил документы и словари.

Луны не было, пробирались почти на ощупь. Несколько раз мимо прошел сторожевой катер, шаря лучом прожектора и поднимая высокую волну. Лодку нарушителей несколько раз захлестывало, в панике горстями вычерпывали воду, шуба промокла и тянула вниз.

Августовские дни 1921 года в Петрограде были последними, когда братья видели друг друга. Впереди будут почти двадцать лет переписки, обсуждений, обмена фотографиями, даже надежд на встречу в Париже.

О конспирологическом, псевдоконспирологическом и откровенно шуточном характере начальных писем из Петрограда можно судить по такой цитате:

14.XII.1922.

Дорогая Annette,

с тех пор, как я 3.IX отправил поздравление Вашей дочурке, я все откладывал мое письмо Вам, а также и Жоржетте, надеясь, что вот-вот выдастся свободный вечер, когда удастся написать Вам и ей обстоятельно⁷.

Под именем Annette здесь скрыта мать Михаила, Григория и Елизаветы – Анна Ивановна, ее дочурка – Елизавета, а Жоржетта – домашнее имя Григория, уходящее в детские игры. Михаил в этих играх звался Ахмет, о чем рассказывает в своих воспоминаниях Елизавета Леонидовна.

Доверять бумаге еще можно было невинные домашние шутки или библиографические заботы, но общественная тематика с каждым годом сужалась.

Правда, во внутрисемейном эпистолярном случился все же недолгий просвет: осенью 1924 Михаила Леонидовича отпустили на три месяца в Финляндию – в те места, где еще недавно была дача и их семья, и семейства Шапировых, с которыми Лозинские породнились в 1911, когда Михаил Леонидович женился на Татьяне Борисовне. Главной целью поездки была после трех лет разлуки встреча с матерью, выехавшей к ним на свидание из Парижа. Встреча оказалась последней в их жизни.

Из Ленинграда выпустили также Татьяну Борисовну и обоих детей – Сергея и Наталью, так что за границей оказалась вся семья.

Были ли у властей подозрения (или скрытая надежда) на невозвращение всего клана?

---

⁷ Письмо М.Л.Лозинского А.И.Лозинской, 14.12.1922. – Семейный архив Лозинских.

Семейные письма между Ленинградом и Парижем ходили вполне исправно, но тематический их репертуар был строго регламентирован домашними впечатлениями. Как правило, писала Татьяна Борисовна, приписку делал кто-то из детей или Михаил Леонидович.

К середине 1920-х, когда «Всемирная литература» в Ленинграде закрылась и ее основные силы перебрались в разраставшееся издательство *Academia*, в узком кругу ленинградских друзей-переводчиков возникла идея привлечь Григория Леонидовича к замыслу новых изданий мировой классики. Энергичный редактор Александр Александрович Смирнов 25 марта 1923 написал в Париж и предложил Лозинскому и Константину Мочульскому участие в переводе Сервантеса:

У нас расцвет: Москва предложила нам издать серию архи-классиков в новых переводах: Божественную Комедию, том Шекспира, Раблэ, Дон Кихота, Боккаччо и мн. др. У нас сомнение – кому дать Раблэ и Дон-Кихота. Пока не нашли кому, т.е. предлагающие взяться не внушают полного доверия в смысле научности и литературности (издания должны быть капитальными: с примечаниями, статьями и т.п., в роде Брокгауза-Ефрона), а лица достойные отказываются (например, Кржевский – от Дон Кихота). У меня мелькнула мысль – не взялся ли бы Котя [Константин Мочульский] и Вы – за Раблэ и Дон Кихота. <...> сейчас я не могу еще предлагать Вам и К[онстантину] этого официально, но все же напишите скорее, что думаете принципиально об этом⁸.

Григорий Леонидович сначала отказался, но в 1927, после настойчивых просьб Смирнова, дал согласие, тем более что *Academia* в те годы неплохо платила (35 рублей за печатный лист) и на эти гонорары парижанин мог покупать в СССР необходимые ему новые книги не по западным, а по советским ценам.

Переписка с эмигрантом шла через издательство, научные контакты (по естественным и отчасти гуманитарным дисциплинам) вплоть до самого конца 1920-х перерезаны еще не были, и успеху замысла, казалось, ничто не мешало. Огромный донкихотовский объем текста был поделен между несколькими переводчиками. В первом томе участвовали парижские соседи и друзья – Лозинский и Мочульский, в Советском Союзе – Елизавета Ивановна Васильева (вошедшая в историю под мистифицирующим псевдонимом Черубина де Габриак) и редакторы Александр Смирнов и Борис Кржевский. Неизвестно, какой вклад успела внести Васильева в эту работу, поскольку в декабре 1928 она скончалась в ташкентской ссылке, но с *Academia*, пусть и посмертно, ее судьба

⁸ Письма А.А.Смирнова хранились в архиве Марины Григорьевны Гросс-Лозинской, Мюнхен. Они опубликованы, см.: Толстая М.А. К проблеме авторства перевода романа «Дон Кихот» для издательства *Academia* / М.А.Толстая // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – Т.63. – №3.

все же оказалась связанной: в 1934 А.А.Смирнов выпустил ее перевод старо-французской повести в стихах «Мул без узды» Пайена из Мезьера.

Работа продвигалась быстро, но так же быстро стало понятно, что открыто указать в издании имена эмигрантов не получится.

Дорогой Г[ригорий] Л[еонович], если я задержал свой ответ на Ваше письмо, то только потому, что мне не хотелось Вам писать раньше, чем я выполню Ваше поручение. На другой же день я пошел в «Academia» и стал добиваться разрешения вопроса, но его все откладывали, пока наконец (на днях) не объявили его мне, обещав написать Вам официально от издательства. Я заставил в своем присутствии написать черновик письма к Вам и думаю, что теперь Вы уже его получили. Если их предложение для Вас неприемлемо, то придется мне самому кончать «Дон Кихота», хотя мне это очень не улыбается, ибо задача очень трудная, и я для нее не обладаю таким мастерством, как Вы. Но все же я решил лучше сделать это сам, чем подпускать к делу какого-нибудь маралу, который напишет ерунду. А м.б. Вы все же согласитесь? – А впрямь, как мне ни больно, мне придется отказаться от роли посредника между Вами и издательством, потому что мне это очень трудно и неудобно. Поверьте, что я с сожалением отказываюсь от этого, потому что я был бы рад сделать для Вас приятное. Но Вы видите, что я все равно бессилен⁹.

Хотя в этом письме почти ничего не сказано напрямую, можно понять, что Смирнов говорит о невозможности упоминания имен переводчиков, хотя угадывается, что в гонораре дирекция не отказывает. А между тем предстояла работа и над вторым томом и уговаривать работать безымянно редактор считал для себя морально неприемлемым. Так что если парижане и успели перевести какие-то страницы второго тома, то немногие.

Первый том вышел в 1929 году. В нарушение принятых в *Academia* правил, ни дата сдачи в набор, ни дата подписания в печать в книге не указаны. Письмо Смирнова Лозинскому позволяет отнести выход тома к лету-осени. На титульном листе значилось: «Перевод под редакцией и с вступ. статьями Б.А.Кржевского и А.А.Смирнова». Книгу украшали 67 иллюстраций испанского художника Валерио Ириарте, общая орнаментация книги – Сергея Пожарского.

Вероятно, из-за неожиданного сокращения числа переводчиков второй том задержался на целых три года. К тому времени не то что упоминать зарубежных участников, но и находиться с ними в деловой переписке стало невозможно.

Поскольку первая книга успела уже разойтись, в 1932 ее решили допечатать, сменив оформление переплета под суперобложкой, но ничего не тронув внутри. Первый том теперь сопровождался пометкой «Издание 2-е» и вышел

⁹ Письмо А.А.Смирнова Г.Л.Лозинскому, 02.06.1929.

из типографии на полгода позже второго. В результате в продаже оказалось в общей сложности 16 тыс. экземпляров первого тома (в разных переплетах) и 10 тыс. – второго.

Между тем изначально поставленную перед переводчиками культурно-филологическую задачу Александр Смирнов в своем предисловии сформулировал внятно и определенно:

Стиль Сервантеса крайне разнообразен. Он весьма изменчив и, в зависимости от трактуемых тем (пастушеские сцены, вставные новеллы, бытовые картины, общие рассуждения, комические эпизоды и т.п.), бывает патетическим, лирическим, витиеватым, шутивным, наивно-простодушным, нарочито-грубоватым. Персонажи Сервантеса говорят далеко не одинаковым языком. Особенную трудность представляет передача речей самого Дон Кихота и Санчо Пансы. Первый говорит не только напыщенным слогом, но и устарелым языком, почерпнутым им из рыцарских романов. Речь второго, пересыпанная пословицами и прибаутками, носит ярко народный отпечаток. Авторы перевода пытались посылить передать все эти стилиевые оттенки, равно как и бесчисленные каламбуры, антитезы, выразительные повторы и другие прикрасы художественной речи, испещряющие испанский текст «Дон Кихота».

Двухтомник Сервантеса с замолчанными именами допечатывался *Academia* в 1934–1935 (и опять сперва вышел второй, а через год – первый том), а затем другими издательствами – в 1937, 1949 и 1997 годах, пока наконец издательством «Наука» в 2003 он не был включен в серию «Литературные памятники». Ответственный редактор академик Николай Балашов во вступительной статье писал о существовании двух равноценных переводов «Дон Кихота» – «безупречного перевода питерского “анонима”» и «тоже совершенного перевода» Николая Любимова:

Цитировались же в научной литературе оба, как классика переводческого искусства. Каждый из переводов имел свою специфику. Перевод Н.М.Любимова был отмечен фразеологической виртуозностью русских эквивалентов, а перевод «Academia» специфическим для петербургской переводческой школы стремлением к максимальной точности передачи смысловых нюансов испанского¹⁰.

¹⁰ Балашов Н.И. Юбилейное издание к четырехсотлетию «Дон Кихота Ламанского» / Н.И.Балашов // Сервантес М., де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанский: С прибавлением «Лжедонкихота» Аве-льянеды: в 2 кн. По изд. «Academia» 1929–1932 гг. / Под ред. Б.А.Кржевского, А.А.Смирнова. – М.: Наука, 2003. – (Лит. памятники.) – С.9.

Цит. по: Родосский А. Лозинский Григорий Леонидович / А.Родосский // Литераторы Санкт-Петербурга: XX век: Энциклопедический словарь. – <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/i-933/lozinskij-> (дата обращения: 07.01.2022).

Писатель и переводчик Всеволод Багно считает:

Григорий Лозинский – один из первых блестящих представителей испанистики в России, фактически почти состоявшийся и в то же время как бы несостоявшийся, потому что его полет как испаниста был прерван. Покинув родину, он, уже во Франции, занимался популяризацией русской культуры. Естественно, переход, такой перелом, был, в общем, во благо русской культуры в мире, но при этом для него самого, который мог стать совершенно блестящим, уникальным и одним из первых испанистов России... Он только заявил о себе, а потом уехал¹¹.

Семейная переписка между Ленинградом и Парижем продолжалась даже после начала Второй мировой (сохранились открытки весны 1940 года) и замерла только с оккупацией Франции.

Окончил свои дни Г.Л.Лозинский в оккупированном Париже. Его друг и со-редактор Яков Полонский, находившийся в свободной зоне Франции в Ницце, сообщал английским друзьям в письмах о новостях, приходивших из столицы:

Из Парижа получаю регулярные известия от Лозинского. Ему тоже тяжело-ва-то в материальном отношении, так как исчез основной источник его дохода – журнал «Le mois». Но он утешает себя тем, что пока не платит квартирной платы. Конечно, не отапливается. Пристроил буржуйку.

19 апреля 1941:

С Лозинскими переписка как-то сократилась, прекратилась. Трудно вести ее долго на казенного образца открытках.

И наконец, 18 мая 1942:

Он скончался 11 мая в госпитале при Институте Кюри от редкой и малоизвестной болезни – *mucosis fungoides*, разновидность саркомы. В госпитале он пробыл всего три недели – до этого он проходил курс лечения в Институте Кюри, где поставили ошибочный диагноз. Это неправильное лечение довело его до крайней анемии, так что, когда он поступил в госпиталь, надо было прежде всего восстановить его силы. Ему сделали переливание крови, которое не дало результатов, и через несколько дней он скончался. Правда, лечивший его проф. Абрами, независимо от общего его состояния, не давал никаких надежд на возможность излечения от этой страшной болезни и видел максимум будущего успеха в том, чтобы только продлить его жизнь в состоянии инвалидности. В последний раз,

¹¹ Цит. по: Там же.

за три дня до кончины, он уже не мог сам писать, и под его диктовку мне написала Мария Сергеевна [жена Г.Л. — И.Т.], писал мне еще во время болезни, что они в тяжелом матер[иальном] положении и что он сколько может им помогает, но у него самого почти все забрали, и его возможности были так ограничены в этом отношении, что он просил меня раздобыть пособие отсюда. (Меня это даже удивило, т[а] к к[а]к мне казалось, что его beau-frère, Миллер, человек со средствами.) Мы очень тяжело переживали его кончину — двадцать лет почти мы работали вместе, встречались по нескольку раз в неделю, было столько общих интересов. Так мало теперь порядочных и принципиальных людей, а он был именно таким. Почти до последних дней он тяжело и много работал и еще не так давно сдавал экзамены по финскому языку¹².

О смерти Григория Леонидовича сообщить в Россию во время войны возможности не было никакой. Привез печальную новость из Франции в Ленинград славист Андре Мазон.

26 июня 1945 года Михаил Леонидович писал в Париж:

Дорогая бабушка Нюта, сегодня мы узнали о нашем общем великом горе. Бедный, милый наш Гриша!

Возможно, письмо это было передано с уезжавшим назад А.Мазоном.

Поначалу Григория Леонидовича, как писала его сестра Елизавета Миллер в мемуарах, похоронили на кладбище Иври, а после 1948 года, когда на Сент-Женевьев-де-Буа погребли мать Анну Ивановну, прах сына был перенесен в общую могилу¹³.

Принято говорить, что для русского читателя Григорий Лозинский по-прежнему «здесь», в русских переводах. Так вроде бы и случилось, но посмертная судьба его оказалась дамой с характером: запрет на имя растаял постепенно сам собой, истлели после войны чекистские чары, и переводчик сперва незримо, а потом черным по белому вернулся в советские издания. Например, в «Библиотеке всемирной литературы» брежневских времен перевод Эсы де Кейрша (с подписью: *Г.Лозинский*) преспокойно выпущен в томе под номером 127. Вероятно, в редакторских головах сработала культурная путаница: Г.Лозинский, М.Лозинский... Цензура не повела бровью.

Зато в культурно-свободные времена на страницах престижнейшей серии «Литературные памятники» академик Н.Балашов в статье, восстанавливавшей

¹² «Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции / Вступ. ст., подг. текста и коммент. О.Демидовой // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред.-сост. М.Пархомовский, Д.Гузевич. — Русское еврейство в зарубежье. — Т.3 (8). — Иерусалим, 2001. — С.227, 232–234.

¹³ Миллер Е.Л. Из воспоминаний. — Семейный архив автора.

в отношении Григория Леонидовича историческую справедливость, дважды назвал его Георгием и ни разу – Григорием.

Если бы только такие курьезы преследовали память переводчика! В 2012 году в Мюнхене в одночасье сгорел дом Марины Григорьевны, его единственной дочери, – со всем архивом, документами и старинной коллекцией библиофильских шедевров, среди которых были и первые издания обоих томов «Дон Кихота» 400-летней давности.

На фоне всего, что мы знаем о братопредательской эпохе 1920–1930-х годов, не перестает удивлять одно простое обстоятельство: за все это время никто ни разу не донес куда следует на дерзкую переводческую контрабанду. Не настучал, не настрочил, не сигнализировал.

Какие все-таки порядочные люди работали в издательстве *Academia*! А может быть, как говорил хитроумный идальго, того хотели «Господь Бог и его Благословенная Матерь».

Сергей Фокин

Жили-были. 50 лет истории семьи ученого в России

**Сергей Иванович
ФОКИН**

*профессор Университета
Пизы (Италия),
ведущий научный сотрудник
СПбГУ*

В этом кратком очерке я хочу познакомить читателей с некоторыми моментами истории семьи русского ученого – известного зоолога-протозоолога конца XIX – начала XX века Владимира Тимофеевича Шевякова (1859–1930), семьи, которая, как и тысячи других, прошла через все трагические события, выпавшие на долю России в первой половине XX века.

В.Т.Шевяков – доктор философии Гейдельбергского университета, магистр, доктор зоологии и профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, а потом РАН и АН СССР, товарищ министра народного просвещения России (1911–1916), тайный советник, сенатор, почетный профессор Императорского Женского педагогического института, почетный профессор Иркутского университета, почетный доктор права Абердинского университета, кавалер семи российских орденов и звания «Герой труда на ниве просвещения» – хорошо знаком специалистам-протистологам.

История его семьи, однако, до моих публикаций не привлекала внимание исследователей¹.

Когда я более 20 лет назад начал заниматься биографией Владимира Тимофеевича, детали его жизненной истории оставались совершенно неизвестными. Было неясно, например, где искать его родственников и стоит ли их вообще искать в России. Поиск по фамилии (возможностей интернета тогда еще не было) дал около 600 зарегистрированных в России Шевяковых. Увы, все это были «чужие» Шевяковы... Размышления по поводу перспективности выбранного пути поиска натолкнули на другое решение: поискать родственников родственников. Я уже знал, что Владимир Тимофеевич был женат на младшей дочери знаменитого русского зоолога-эмбриолога А.О.Ковалевского² – Лидии Александровне Ковалевской (1873–1942)³. У Александра Онуфриевича были сын и две дочери. Для столь известного в мире ученого биографических сведений оказалось достаточно, чтобы установить круг его родственников. Оказалось, что старшая дочь академика Вера была замужем за известным патологоанатомом Ф.Я.Чистовичем⁴ и что в советское время (с 1921) Чистовичи жили в Петрограде–Ленинграде. Через несколько дней мне удалось связаться с внучатой племянницей Федора Яковлевича Н.Г.Добровольской (урожд. Чистович). Это была удача – Наталья Георгиевна не только оказалась милой и отзывчивой дамой (мы время от времени общаемся до сих пор), но и интересующейся историей своей семьи. У нее, в числе прочего, сохранилась записная книжка Ф.Я.Чистовича 1930-х годов. В ней, помимо многих других родственников, значился и Георгий Владимирович Шевяков – сын ученого, с указанием его американского (!) адреса конца 1920-х. Шанс небольшой, но упускать его было нельзя, тем более что тогда (1999) в США работал мой знакомый зоолог, выпускник Ленинградского университета Д.А.Александров, с которым была

¹ *Фокин С.И.* Забытая жизнь: Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930) / С.И.Фокин // Право на имя: Биографика 20 века. – СПб., 2013. – С.98–109; *Фокин С.И.* Незабываемая жизнь: Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930): Научная биография. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. – 403 с.

² Александр Онуфриевич Ковалевский (1840–1901) – эмбриолог, зоолог, эволюционист-дарвинист, выпускник ИСПБУ (1864); профессор Казанского, Киевского, Новороссийского и Петербургского университетов, академик ИСПб АН (1890). Положил начало эволюционной эмбриологии, один из основателей отечественной сравнительной эмбриологии и физиологии беспозвоночных; внес огромный вклад в развитие теории зародышевых листков и в упрочение эволюционного принципа в биологии.

³ Л.А.Шевякова (урожд. Ковалевская) родилась в Киеве, училась в Одессе, окончила гимназию Таганцевой в Санкт-Петербурге (1891). В Одессе постоянно помогала отцу в домашней лаборатории; изучала зоологию в Бернском и Гейдельбергском университетах (1892–1894). В январе 1895 вышла замуж за В.Т.Шевякова. Во время их первой встречи в Неаполе Шевяков еще не был ассистентом у Бюкли.

⁴ Федор Яковлевич Чистович (1870–1942) – русско-советский патологоанатом и судебный медик, выпускник Военно-хирургической академии (1893); с 1909 руководил кафедрой патологической анатомии в Казанском университете; с 1921 – профессор нескольких медицинских учреждений Петрограда–Ленинграда; был эвакуирован из блокадного Ленинграда в Новосибирск, где скончался.

электронная связь. Единственный ребенок Г.В.Шевякова⁵, родившийся в Америке в 1943, – Рик Шевяков – сохранил фамилию, достаточно уникальную для США. Мой коллега не только быстро нашел его в Калифорнии, но и через месяц привез от Рика подарок – солидный том воспоминаний его отца «My life. Memoirs»⁶.

Конечно, этот фолиант (более 300 страниц) – прежде всего, летопись жизни самого Г.В.Шевякова, который покинул Россию в 1920, а записал свои воспоминания только через 50 лет. Его воспоминания о своей семье легли в основу настоящей публикации. Они, конечно, были дополнены и проверены по материалам из архивов и различным опубликованным и собранным мной воспоминаниям, накопившимся за 20 лет работы над этой темой.

Владимир Тимофеевич Шевяков родился 17 октября 1859 в Санкт-Петербурге. Он был единственным ребенком в семье православного купца третьей гильдии Тимофея Федоровича Шевякова, выходца из Твери, и дворянки лютеранского вероисповедования Елизаветы-Кристины Сиверс, родившейся в 1819 под Ригой в городке Тукум – (Tukums) на границе Курляндии и Лифляндии. О родителях В.Т.Шевякова, как и об обстоятельствах этого мезальянса (женитьбе мелкого купца на дворянке, возможно, даже баронессе), практически ничего не известно. Научная карьера ученого и его жизненная история в общих чертах были мной описаны ранее и подробно⁷, поэтому я не буду на них здесь детально останавливаться.

До 1895 Шевяков не женился, а в 1894 его избранницей стала младшая дочь академика Ковалевского. В первый раз будущие супруги встретились в Неаполе, куда Шевяков заехал в конце совершенного им с научной целью кругосветного путешествия в феврале 1890. Вот как описала это событие Лидия Александровна:

Как все зоологи, он пошел на зоологическую станцию, и Дорн (директор станции) спросил его: «А Вы были у Ковалевского?» – «Нет». – «Так зайдите к нему». Он зашел, а папу всякий человек работающий и путешествующий тотчас очаровывал. Папа пригласил его вечером к нам, спросил, где он служит, и, узнав, что он ассистентом в Гейдельберге у Бючли, стал его уговаривать возвращаться в Россию, т.к. у нас ученых мало. Затем В.Т. уехал, но это запало у папы, и он затеял переписку с В.Т., уговаривая его ехать на родину⁸.

⁵ Георгий Владимирович Шевяков (1900–1973) – второй сын В.Т.Шевякова, участник Гражданской войны в армии Колчака; в 1920 бежал из Иркутска в Харбин, а в 1923 перебрался в США; окончил Калифорнийский университет, стал ученым-психологом, в конце карьеры получил звание заслуженного профессора.

⁶ Машинописный текст 1970 г., напечатанный полностью по-английски.

⁷ Фокин С.И. Незабываемая жизнь. Указ. изд.

⁸ Шевякова Л.А. Воспоминания // Фокин С.И. Русские ученые в Неаполе. – СПб.: Алетейя, 2006. – С.360.

К 1894 Шевяков уже как приват-доцент читал в Гейдельбергском университете лекции по общему курсу зоологии, курсу паразитов человека и самостоятельно экзаменовал студентов. В 1893/94 учебном году среди них – в основном, конечно, немцев – было несколько русских, в их числе и Лидия Ковалевская⁹. Осенью 1894 ученый вернулся на родину, а в январе 1895 молодые люди поженились. Супруги Шевяковы прожили вместе 35 лет, родили и вырастили пятерых детей и в своем союзе, очевидно, были счастливы. Сводная сестра племянницы Л.А.Шевяковой так вспоминала свои встречи с родственницей в 1930-е годы:

К нам тетя Лида приезжала редко. Но с мамой они были очень близки, так как вместе учились за границей, где обе познакомилась со своими будущими мужьями. Это были идеальные браки по любви и глубокому уважению друг к другу. Лидия Александровна из-за детей не смогла закончить учебу, ведь их у нее появилось пятеро. Она, бывая у нас, часто вспоминала умершего мужа, говорила о нем с большой любовью и теплотой¹⁰.

В воспоминаниях Г.В.Шевякова об отношениях к детям в семье есть абзац, написанный, вероятно, с позиции психолога:

Из нас, пятерых детей, маминим любимцем был, несомненно, Владимир, кто интеллигентностью и способностями был Ковалевским. Он действительно был очень-очень замечательным мальчиком. Моего старшего брата она тоже любила. Это был Александр, но все мы называли его Шурой. Он был лет на пять старше меня¹¹. Второй была Татьяна, единственная до сих пор живущая в этой стране [США. – **С.Ф.**]. Далее я, потом Владимир, которого звали обычно Вова. Последним был Борис, Боба, как мы все называли его.

К 1917 двое старших детей уже получили среднее образование, Георгий окончил шесть классов гимназии, а младшие только начали учебу.

Россия неумолимо приближалась к большевицкому перевороту. Старший сын Шура Шевяков, артиллерийский офицер¹², оправившись после ранения,

⁹ РГИА. – Ф.1129. – Оп.1. – Д.83, 96.

¹⁰ Отрывок из воспоминаний (2001) А.В.Зазерской (1918–2015) – сводной сестры В.В.Ковалевской – племянницы Л.А.Шевяковой. Мать Анны Владимировны – Екатерина Федоровна Виноградова (1874–1958) – была вдовой В.А.Ковалевского (1872–1914), брата Лидии Александровны. Архив автора.

¹¹ Дети – Александр (1896–1920), Татьяна (1897–1984), Георгий (1900–1973), Владимир (1904–1924) и Борис (1905–1937).

¹² А.В.Шевяков после окончания того же, что и отец, Реформаторского училища поступил на естественное отделение физмата ИСПБУ, но это был 1914. Сразу после начала войны он перешел в Михайловское артиллерийское училище, которое ускоренно через год окончил прапорщиком. С осени 1915 по весну 1918 А.В.Шевяков был на фронте, за вычетом трех месяцев, проведенных после ранения в госпитале и в санатории в Финляндии. В Гражданскую войну был начальником артиллерии на бронепоезде в армии А.В.Колчака; погиб в боях с большевиками.

сражался на Юго-Западном фронте, дочь Татьяна работала в прифронтовом лазарете; жена Лидия Александровна курировала госпиталь, созданный под патронажем Министерства народного просвещения, где ее муж был до 1917 товарищем министра. Вышедший в министерстве в отставку в январе 1917 и назначенный в Правительственный сенат, В.Т.Шевяков не получал содержания, болел, ему нужна была операция. Из средств к существованию в семье осталось только профессорское жалование Владимира Тимофеевича по Женскому педагогическому институту. В Петрограде становилось все более беспокойно и голодно.

20 декабря 1917, уже при большевиках, профессор Шевяков писал сыну на еще существовавший фронт:

Дорогой друг Шура! <...> Помни, что все порядочные люди несут, так или иначе, свой крест. А живут вольготно-весело и хорошо только те, кто собственно и нравственного права на жизнь как человек не имеет, будучи животным в полном смысле слова, а может быть и хуже зверя <...>. Мы живем сносно, если это вообще можно назвать жизнью людей, т.к. весь интерес в питании, т.е. в животной потребности. Духовных или нематериальных потребностей нет или они заглушены. Хотя я начал еще во время болезни продолжать мою ученую работу (Radiolaria-Acantharia), над которой сижу с 1899 г. с 7-летним перерывом на время моей административной деятельности, и сначала был просто в отчаянии: все забыл, и даже то, что сам написал. Недели через две стал входить в курс и затем еще через 1–1,5 недели совсем вошел в работу, и теперь дело идет отлично. Я все время (свободное) сижу, читаю, пишу и рисую и прямо счастлив, так как эта работа захватила меня всецело, отвлекает мои мысли от текущих событий, и я живу своим миром, только временами пачкаюсь грязью современной жизни. Да, великая вещь научная работа – в ней и наслаждение, и отдых, и забвение... Из маминых писем ты знаешь о моей болезни, операции и всех перипетиях... Но нет худа без добра. Болезнь привела меня к научной работе, дав время долго и интенсивно иметь возможность думать об одном предмете¹³.

Революционные события 1917 подвели черту под большим и успешным периодом в жизни профессора В.Т.Шевякова и его семьи. Многое из того, чем была наполнена жизнь семьи в последние предреволюционные годы, осталось навсегда в прошлом.

Большинство думающих людей, наблюдая первые шаги новой власти после октября 1917, не питали надежд на налаживание жизни в стране. Это было заметно, прежде всего, в крупных городах. Быть сенатором и товарищем министра (даже и просвещения, даже и бывшим) в 1918 стало смертельно опасным.

¹³ Письмо В.Т.Шевякова А.В.Шевякову. – РГИА. – Ф.1129. – Оп.1. – Д.111. – Л.43.

Именно поэтому в конце апреля 1918, бросив квартиру и имущество, профессор Шевяков с двумя сыновьями по командировке Женского педагогического института, где он только что был избран почетным профессором, уехал в Пермь¹⁴. Там, в Пермском университете, работали несколько учеников Владимира Тимофеевича.

В июне 1918 Шевяков был командирован Пермским университетом на Северный Урал для сбора научных коллекций. Неизвестно, было ли это вызвано действительно научной или только жизненной необходимостью, но исключить последнее никак нельзя. Ходили слухи о возможности его ареста. В мае начался так называемый мятеж белочехов¹⁵, и 13 июля был образован Восточный фронт – на Урале началась Гражданская война.

Ту зиму, почти как в знаменитом романе Б.Л.Пастернака, Шевяковы прожили на лесной заимке, вдалеке от событий, совсем укрыться от которых, однако, было невозможно. Два старших сына ушли в армию Колчака, а остальная часть семьи перебралась в Омск, где некоторое время Владимир Тимофеевич возглавлял Сельскохозяйственный институт. Потом вся семья отправилась в Иркутск, где с января 1920 Шевяков был избран профессором зоологии в местном университете¹⁶. После рабочего восстания и ареста А.В.Колчака (15 января 1920) в Иркутске оставаться Г.В.Шевякову там было опасно, вскоре он покинул Россию. Вот как мемуарист описал свое прощание с семьей:

Наскоро я завернул увидиться с семьей. Мать спросила: «Они тебя отпустили?» – «Нет, – ответил я. – Я убежал и собираюсь бежать дальше». Я поцеловал их всех – двух младших братьев, моих отца и мать – и сказал, что собираюсь идти вниз по реке. Мама и мои два брата пошли за мной к реке. Тяжелые льдины плыли по Ангаре, и маленькая лодка могла легко разбиться ночью <...>. Много позднее, когда я стал переписываться с моей семьей, я узнал от матери, что моя лодка была последней. Ночью река замерзла, и между станцией и городом несколько дней не было сообщения, так как лед был еще недостаточно крепким. Я также узнал, что через несколько дней военные приходили к моим родным в поисках меня.

Как только послевоенная советская жизнь начала немного налаживаться, Шевяков подал руководству Иркутского университета прошение о заграничной командировке (1921) – обещание написать монографию по *Acantharia* для Неаполитанской зоологической станции, данное им еще в 1898, было близко к реализации¹⁷. К счастью, и иркутское руководство, и Главнаука пошли навстречу

¹⁴ Жена с двумя несовершеннолетними сыновьями уехала в Пермь раньше мужа.

¹⁵ Вооруженное выступление чехословацких военнопленных на Урале в ответ на попытку большевиков их разоружить и воспрепятствовать продвижению «белочехов» к Владивостоку по железной дороге.

¹⁶ Георгий поступил там в школу пулеметчиков; Александр вскоре вернулся на фронт.

¹⁷ Первоначально поездка планировалась на 1923, но из-за болезни Шевякова она не состоялась.

ученому: последний капитальный труд его жизни – монография о радиояриях Неаполитанского залива – увидел свет в Италии в 1926, через 27 лет после начала работы¹⁸.

Это было дело, не только требовавшее завершения, но и смогшее отвлечь от трагических семейных событий. В 1920 погиб, сражаясь с большевиками, старший сын Александр, а зимой 1924 неожиданно от пищевого отравления скончался сын Владимир, начавший учиться в Иркутском университете и уже подававший большие надежды как будущий ученый.

Тем временем ситуация в России изменилась – близились 1930-е. В начале 1929, вернувшись с мужем из поездки в Неаполь (июль–ноябрь 1928), Л.А.Шевякова писала в Ленинград профессору В.А.Догелю:

Доехали мы хорошо, а приехав, не узнали Иркутска. Отношения сильно изменились, и за эти ½ года студенты так захватили власть, как никогда еще этого не было. Двух профессоров права, своих же преподавателей, – выперли из университета. Говорят о них, что надо, мол, «одернуть» как-то профессоров. Вообще довольно-таки тяжело¹⁹.

В 1929 профессору Шевякову исполнилось 70 лет. Никаких юбилейных торжеств по этому поводу в Иркутске не было – отношение к Владимиру Тимофеевичу, видимо, изменилось. Его не избрали в академики и не санкционировали уже запланированную и ранее согласованную на 1930 командировку в Неаполь²⁰. В августе 1929 Л.А.Шевякова писала в Ленинград:

Ужасно грустно все, что происходит, и так тяжело – прямо непонятно, чего хотеть добиться. Но... «ходить бывает скользко по камешкам иным, а потому мы лучше об этом умолчим». У нас здесь все скромнее, а главное, все имеет более «личную» форму. Для Володи сложилось неблагоприятно то, что новый назначенный ректор чужой Иркутску, а зав[едующим] учебной частью сделан наш так называемый профессор гигиены – ужасный прохвост, который мстит Володе за ряд историй и который не останавливается перед доносами. Т.ч. мы мрачно смотрим на наступающее полугодие. Володя подал на всякий случай на пенсию – ведь дела эти тянутся долго, и лучше подать раньше, чем позже²¹.

Ученый умер 18 октября 1930 от воспаления легких, простудившись после переезда своей лаборатории в новое помещение. Спустя месяц с небольшим Л.А.Шевякова описала происшедшее в письме к профессору Р.Дорну:

¹⁸ В 1928 эта монография ученого получила специальную премию Совнаркома СССР.

¹⁹ Письмо Л.А.Шевяковой проф. В.А.Догелю. – Иркутск, 11.02.1929. – Архив автора статьи.

²⁰ Если бы эта поездка состоялась, очевидно, Владимир Тимофеевич не умер бы в октябре 1930.

²¹ Письмо Л.А.Шевяковой проф. В.А.Догелю. – Иркутск, 03.08.1929. – Архив автора статьи.

Он работал, как всегда, все лето и осень, должен был переезжать в новую, большую лабораторию, и так как не было дров, то почти не топили. Каждый день он сидел с утра до 7 часов, и когда наступили холода, он, конечно, простудился. 11 октября он пришел вечером с ознобом – слег и больше уже не поднялся. Три дня доктора подозревали, что это инфлуэнция, но потом заговорили о легких, и он сразу сказал, что с его сердцем воспаления легких он не переживет. Потом он все же надеялся и не говорил больше о смерти. За день до смерти он сказал совершенно спокойно, так как температура упала, что теперь мне разрешат выходить. Может быть, мы еще поедem в Неаполь²² <...>. Бобы не было со мной. Он приехал уже после похорон. Весь Иркутск пришел в его последний день – у его могилы было с нами больше трех тысяч человек²³.

Борис, младший сын Шевяковых, стал художником-реставратором. Образование он получил в Ленинграде на Высших курсах искусствоведения при Зубовском Институте истории искусств (1925–1929). В 1930 он женился на своей однокурснице княжне Т.С.Щербатовой (1905–2000)²⁴ и жил с семьей в Великом Новгороде, где получил должность заведующего Новгородским краеведческим музеем. Его специальностью и страстью еще в институте стали средневековые фрески.

В январе 1933 Борис Владимирович был арестован как активный член Новгородского общества любителей древностей. Членам общества вменялось в вину сохранение и реставрация икон и других предметов религиозного культа якобы с целью передачи их церкви после свержения советского строя²⁵. Фактически на этой полностью сфальсифицированной базе было выделено дело №76²⁶, где Б.В.Шевяков проходил как организатор Новгородского филиала Русского студенческого христианского движения (РСХД).

Видимо, сам Борис Владимирович не скрывал своего негативного отношения к существовавшей власти, хотя, прежде всего, он выступал против разграбления и разрушения храмов как ученый-искусствовед:

Во время моего пребывания в г. Новгороде в качестве зав[едующего] музеем мне приходилось несколько раз выступать перед местной властью против

²² Шевяков в 1928 начал работу в Неаполе, изучая морских инфузорий Неаполитанского залива.

²³ Письмо Л.А.Шевяковой проф. Р.Дорну. – Ленинград, 26.11.1930. – Архив Баварской городской библиотеки, Мюнхен (Bayerische Staatsbibliothek, München. – Ana 525. – В.с. Schewiakoff). Ориг. по-немецки.

²⁴ Семье Щербатовых, родственно связанной с Уваровыми, Голицыными, Бутурлиными, советская власть принесла еще большие потери – в 1919 в Смоленске были расстреляны мать, тетя и сестра Татьяны Сергеевны; в революцию погибли два ее брата.

²⁵ Галина М., Коваленко Г. Следственное дело №76 // Новгород (газета). – 05.04.1991.

²⁶ Архив УФСБ по СПб. – Д.23–298 в 8 томах.

разрушения церквей и снятия колоколов с Юрьевского монастыря, вследствие чего эти мероприятия не были осуществлены, и церковники видели во мне опору²⁷.

Приговор, вынесенный тройкой Полномочного представителя ОГПУ 5 апреля 1933 звучал так:

Обвиняются в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 10 и 11 УК, т.е. в том, что, являясь членами Новгородского филиала контрреволюционной организации «РСХД», руководимого Шевяковым Б.В., проводили нелегальные собрания своего кружка, где подвергали острой контрреволюционной пропаганде политику партии и правительства. Состоя на государственной службе в Новгородских музеях, использовали свое положение для противодействия антирелигиозным мероприятиям Советской власти, путем сохранения под видом памятников музейного значения, ликвидируемых правительством церквей, саботировали антирелигиозные кампании в районах, действуя при этом в контакте с контрреволюционным духовенством, вели среди крестьян антикохозную контрреволюционную пропаганду, с целью внедрения своих взглядов <...>. Шевяков Борис Владимирович – 1908 г.р.²⁸ из дворян, сын профессора, зав. Новгородским краеведческим музеем, виновным себя признал частично – 10 лет к/р.²⁹ <...>; Шевякова Лидия Александровна – 1873 г.р. из дворян, с высшим образованием – виновной себя не признала – лишение прав проживания в 12 городах Советского Союза на 3 года³⁰.

Долгое время в семье Т.С.Шевяковой-Щербатовой бытовал рассказ некоего сокамерника Б.В.Шевякова по Соловкам, куда Бориса Владимировича перевели после побега из лагеря в Коми, что Шевяков был среди пассажиров «баржи смерти»³¹. Предполагалось, что особо опасных «преступников» вывезли в Белое море и сбросили за борт, связав попарно. Правда о судьбе многих заключенных из Соловецкого лагеря открылась только благодаря архивным исследованиям, проведенным в 1995 В.В.Иофе (1938–2002). Было установлено, что 27 октября 1937 по приговору Особой Тройки УНКВД по Ленинградской области часть заключенных Соловецкого лагеря (1111 человек), в том числе и Б.В.Шевякова, погрузили на баржи и, доставив в поселок Повенец, расстреляли в урочище Сандармох³².

²⁷ Там же. – Т.1. – Л.112.

²⁸ В советских документах годом рождения Бориса был указан 1908, а не реальный – 1905.

²⁹ Отбывать срок Шевяков должен был в Ухто-Печерских лагерях: Коми АО, пос. Чибью.

³⁰ Все осужденные по этому делу были реабилитированы 24.04.1989.

³¹ *Тынтарева Л.* Пассажир «баржи смерти» // Новгород (газета). – 21.02.1992. К сожалению, эта публикация содержит много фактических ошибок.

³² Подлинная история гибели Б.В.Шевякова была приведена мной уже в работе 2014: *Фокин С.И.* Биографии петербургских зоологов: Ошибки, мифы, реальность // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. – Вып. 18. – С.38–47.

Как и про многих других граждан СССР, успевших покинуть этот мир до середины 1930-х, про В.Т.Шевякова можно сказать, что он вовремя умер. Проживи он на несколько лет дольше, с большой вероятностью можно предположить, что каток репрессий, организованный преступным государством большевиков, захвативших власть в стране, не миновал бы и Владимира Тимофеевича. Для захвата профессора Шевякова в сети НКВД было, конечно, достаточно предпосылок. История младшего сына Бориса, два сына (Александр и Георгий), воевавших в Гражданскую на стороне белых, родственники за границей, да и сама жизненная история профессора – полунемец, имевший связи с Германией и Италией, крупный царский чиновник – что еще было бы нужно? Владимиру Тимофеевичу, безусловно, грозили бы большие неприятности. Один из его близких коллег по ИГУ – профессор В.К.Дорогостайский – был арестован и расстрелян в 1938. В его деле осталось свидетельство возможности такой же судьбы и для Шевякова. В протоколе очной ставки Дорогостайского с другим обвиняемым – Поповым – записано:

Попов А.М.: «Наряду с проводимой нами шпионской деятельностью в пользу Германии [якобы, по материалам дела, с 1923. – **С.Ф.**] мы являлись участниками фашистской организации, созданной проф. Петри по заданию консула в Новосибирске Гросскопфа. <...> Руководящим ядром нашей организации являлись проф. Петри, проф. Скородумов, проф. Шевяков, проф. Дорогостайский и я – Попов».

Георгий Владимирович в воспоминаниях ничего не написал о дальнейшей судьбе своей матери, а между тем она прожила после описанных событий 1937 еще пять лет. Отбыв ссылку в Галиче, Лидия Александровна попеременно жила с родными в Ленинграде (в семье вдовы брата) и в Тбилиси – с внучкой и вдовой сына Бориса. В Ленинграде она в конце 1930-х работала в архиве Академии наук с письмами своего отца, помогая ученику мужа профессору В.А.Догелю, который в 1940 подготавливал научную биографию академика Ковалевского, опубликованную в 1945. Так случилось, что в начале Великой Отечественной войны Шевякова гостила как раз в семье Догелей. Мать профессора Догеля в это время сломала ногу и не могла эвакуироваться в начале блокады Ленинграда³³. Лидия Александровна осталась с ней и провела в городе первую, самую страшную блокадную зиму. Ранней весной 1942, после смерти Е.А.Догель, Шевякова эвакуировалась по Дороге жизни через Ладогу и вернулась в Галич. Оттуда в июле 1942 она написала последнее письмо Валентину Александровичу:

³³ Самого В.А.Догеля с семьей вывезли самолетом в Москву, а затем они провели три года в эвакуации, в Алма-Ате.

Галич, 21.07.1942.

Дорогой Валя, очевидно, это роковая ошибка, что я эвакуировалась, так как я потеряла все свои вещи и, кроме того, все свои документы и здесь не имею ни угла, ни приюта. Отношения с хозяевами совершенно испорчены, и они только и ждут, чтобы я убралась! Не знаю, чем все это закончится. Как и что со мною было в дороге, я себе не представляю. Возможно, что ошибка и в том, что я пересидела в Питере и поэтому испортила себе здоровье больше, чем думала, но, во всяком случае, я сейчас колос, колеблемый ветром, и сухой. Я довольно неясно рисую себе все, что произошло после моего отъезда. Что и как я буду делать, я еще не знаю, но уезжать тоже больше никуда нельзя. Одним словом, полная безнадежность, и хорошо, что теперь лето. А что будет зимой – лучше себе не рисовать. Ни валенок, ни калош нет (есть шуба), и жизнь предстоит тяжелая <...>³⁴.

До зимы Л.А.Шевякова не дожила. Она скончалась в больнице Галича в ноябре 1942.

Описание истории своей семьи в России Г.В.Шевяков закончил фразой:

Вот такая история моей родни. Такой печальный конец для столь интересной семьи и ее членов.

Собственно, история потомков В.Т.Шевякова продолжается. В США живут три сына и дочь Лидии Петровны, дочери Татьяны Владимировны Шевяковой, – конечно, уже под другими фамилиями. Дочь Рика Шевякова, сына Георгия Владимировича, – Сара – единственная, кроме отца, сохранившая фамилию русского предка. У дочери Бориса Владимировича Шевякова, Веры Борисовны, живущей в Москве (ей пошел уже 91-й год!), двое детей, сын и дочь, и двое внуков. Их фамилия – Ковалевские – не связана со знаменитым предком-академиком: муж В.Б.Шевяковой был только его однофамильцем.

---

³⁴ Письмо Л.А.Шевяковой проф. В.А.Догелю. – Петербургский филиал АРАН. – Ф.923. – Оп.3. – Д.107.

Юрий Щур

Яков Троян: путь от лидера антисоветского подполья до агента КГБ

**Юрий Игоревич
ЩУР**

*кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры новейшей
истории Украины
Запорожского национального
университета*

shchur@znu.edu.ua

В марте 1947 года у 17-летних жителей г. Гуляйполя Запорожской области Якова Трояна и его двоюродного брата Владимира Семенюты возникла идея создать подпольную организацию. Во время одной из вечерних прогулок они обсуждали ужасные условия жизни в СССР и сошлись во мнении, что виновата в этом советская власть и с ней нужно бороться. Они понимали, что вдвоем сделать что-либо нереально, и поэтому нужно было привлечь единомышленников и создать организацию. Искать нужно было среди «друзей по работе, соседей по месту проживания»¹.

Яков Троян, который стал не только лидером подпольной организации, но и локомотивом антисоветского движения в двух городах Запорожской области, родился в 1930 в Гуляйполе, окончил семь классов школы, по профессии был

---

¹ Агентурное донесение «Умелого», 5 июня 1956 г. // Архивное подразделение Управления Службы безопасности Украины в Запорожской области (далее – АП УСБУ ЗО). – Фонд прекращенных дел (далее – ФПД). – Д.П-19790. – Л.266.

обувщиком и на момент ареста в 1949 работал бригадиром обувной промартели им. Леккерта в Запорожье.

В ноябре 1947 в доме Якова Трояна состоялось организационное собрание подпольной организации, на котором участники прорабатывали план и методы борьбы с советской властью, в том числе на ближайшую перспективу. Сама же организация получила название «Подпольщики Украины», несколько позже она трансформировалась в «Группу украинских подпольщиков» (ГУП)².

Во время обсуждения вопроса борьбы с советской властью Яков Троян предлагал начать с индивидуального террора против представителей власти на местах. События разворачивались в голодном 47-м, и разговор шел в частности о председателях колхозов, которые не давали хлеба жителям сел. Но эта идея не была поддержана остальными подпольщиками, а бывший фронтовик Петр Литвиненко настаивал на том, что террор лишь способствует быстрому вскрытию организации органами госбезопасности. Он же и предложил начать подпольную деятельность с изготовления и распространения листовок антисоветского содержания.

Несмотря на то что от идеи терактов на первое время отказались, тем не менее вопрос приобретения оружия для организации оставался актуальным. Не в последнюю очередь – для защиты от милиции. Яков Троян лично пытался «обработать» начальника охраны артели «Победа» в Гуляйполе Петра Чуприну. Последний, имея доступ к оружию, мог быть очень ценным членом подпольной организации. Но от его вербовки Троян был вынужден отказаться, поскольку Чуприна сам ему как-то проговорился, что является агентом органов госбезопасности³.

По поручению Якова Трояна Григорий Новак – один из членов ГУП – работал над изготовлением самодельного пистолета для организации. Для испытаний подпольщики приобрели 50 мелкокалиберных патронов, из которых 30 использовали⁴. Рассматривались и другие варианты получения боевого оружия – в частности, нападение на сотрудников вооруженной охраны или милиции. Однако реализовать эти намерения возможность не представилась⁵.

В руководстве ГУП было три человека: Яков Троян (руководитель), Павел Семенюта (заместитель руководителя) и Владимир Семенюта (казначей). Ежемесячно члены организации обязаны были делать взносы в размере 5–10 рублей

² Протокол допроса Семенюты Павла Михайловича, 13 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.109.

³ Протокол допроса Трояна Якова Ивановича, 2 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.30–32.

⁴ Протокол допроса обвиняемого Трояна Якова Ивановича, 11 мая 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.92.

⁵ Протокол допроса задержанного Семенюты Владимира Трофимовича, 13 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.147об.

на нужды подполья. За эти деньги были приобретены мелкокалиберные патроны, баббит для отливки шрифта, бумага для печати листовок и т.д.⁶

Учитывая подпольный характер ГУП, какие-либо заявления о приеме в ее члены не писались. Каждого нового участника лишь устно предупреждали о необходимости сохранения глубокой тайны. Яков Троян считал, что наличие письменных обязательств может стать причиной провала организации, если эти документы попадут в руки сотрудников органов госбезопасности⁷. С целью конспирации в ГУП пытались придерживаться соответствующих правил поведения. В частности, члены организации должны были знать лишь тех, кто их привлек, и давали устное обязательство сохранить в тайне всю информацию о ГУП. За нарушение тайны грозила физическая ликвидация. Подпольщики использовали псевдонимы, – в частности, Яков Троян имел псевдоним «Началов». Однако это не содействовало углублению конспирации, поскольку все члены организации в Гуляйполе друг друга знали давно и очень хорошо⁸.

Одной из первых акций, устроенной Яковом Трояном, стал саботаж на обувной фабрике в Гуляйполе, когда ему удалось подбить работников не выходить на работу. Таких случаев было два: в августе (8 человек) и ноябре (21 человек) 1947-го. После августовского саботажа был подписан приказ по Гуляйпольской обувно-швейной фабрике от 25 августа 1948 №192, где Яков Троян прямо назывался среди организаторов акции. Сам саботаж расценивался не иначе как предательство. Выписку из этого приказа направили в прокуратуру для соответствующей реакции⁹.

Чтобы наладить выпуск листовок, члены ГУП пытались выкрасть пишущую машинку, но безрезультатно. Яков Троян вместе с Павлом Семенютой попытались изготовить самодельный шрифт из олова. И эта попытка не увенчалась успехом. К тому времени уже был готов текст первой листовки с критикой советской власти и призывами к борьбе с ней. Кроме этого, в листовке содержались призывы не выходить на учебу в фабрично-заводские и ремесленные училища¹⁰.

Эта листовка весной 1948-го все-таки была изготовлена, но в рукописном варианте, в количестве 30 штук. Распространить эти агитационные материалы подпольщики собирались по пути из Гуляйполя в Запорожье, когда ехали поездом на рентген-обследование для призывников 1929 года рождения.

⁶ Обвинительное заключение от 21 мая 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.2. – Л.318.

⁷ Протокол допроса Трояна Якова Ивановича, 2 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.34.

⁸ Протокол допроса обвиняемого Семенюты Павла Михайловича, 23 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.112.

⁹ Приказ по Гуляйпольской обувно-швейной фабрике Запорожской области легпрома от 25 августа 1948 г. №192 // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.2. – Л.264.

¹⁰ Протокол допроса Трояна Якова Ивановича, 2 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П.-19709. – Т.1. – Л.39.

Несколько таких листовок все же удалось разбросать в городах Орехове и Запорожье¹¹.

Создавая ГУП, Яков Троян «вдохновился» также информацией о деятельности Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии на Западной Украине. В случае провала подпольной организации он собирался выехать на территорию современного Самборского района Львовской области, где после окончания пединститута работала учительницей его двоюродная сестра Мария Булат. Кстати, именно от сестры Яков получал информацию о действиях украинских националистов, когда она приезжала домой на выходные или на каникулы. На Западной Украине Троян собирался перейти на нелегальное положение и примкнуть к подполью ОУН¹².

Актуализировался вопрос о Западной Украине с появлением в Гуляйполе дальнего родственника Якова Трояна Павла Шишки. Последний рассказал Трояну, что жил в Тернопольской области, где и был «уведен в лес» бандеровцами и присоединился к повстанческому отряду под командованием «Гука». Выслушав подробную информацию о борьбе повстанцев, Яков Троян задумал поехать на Запад, чтобы установить связь с организованным националистическим движением. Для этого он попросил Павла Шишку обозначить на топографической карте региона базы отряда, в которых тот бывал¹³. Эта карта была изъята у Трояна во время обыска и сохранилась среди вещественных доказательств по делу ГУП¹⁴.

В ноябре 1948 Яков Троян переехал в Запорожье, где также создал подпольную организацию среди рабочей молодежи, которую назвал «Патриоты Украины». В Гуляйполе главным стал Павел Семенюта. Отметим, что обе организации через Трояна были связаны, но действовали отдельно¹⁵. Обработывая соседей по общежитию, а также других знакомых в Запорожье, Троян постоянно рассказывал о предстоящей войне между СССР и Америкой. Именно эта страна могла, по его мнению, гарантировать благополучие и гражданские права. А в Советском Союзе, как говорил Троян, «мало зарабатывают, а то, что зарабатывают, вовремя не получают, некультурно живут». Главная причина этого заключалась в самой системе управления, которой придерживались в СССР. Первоочередными задачами Троян ставил массовое распространение среди населения антисоветских листовок, в которых нужно призывать ориентироваться

¹¹ Протокол допроса арестованного Трояна Якова Ивановича, 12 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.1. – Л.44–46.

¹² Протокол допроса Трояна Якова Ивановича, 2 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.1. – Л.41.

¹³ Протокол допроса обвиняемого Трояна Якова Ивановича, 1 апреля 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.1. – Л.77–77об.

¹⁴ АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.2. – Л.260.

¹⁵ Протокол допроса Трояна Якова Ивановича, 1 апреля 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.1. – Л.29.

на будущую войну и готовиться поддержать Америку путем поднятия восстания изнутри. Подпольщики должны бороться за самостоятельную и независимую Украину, а добиться этого можно лишь при помощи американцев. До начала войны необходимо было создать массовую организацию, которая могла бы повести за собой народ¹⁶.

В начале 1949 года Управление МГБ в Запорожской области получило от агента «Стёпина» информацию о создании молодежной антисоветской организации в Запорожье. Сразу же был определен ключевой объект разработки (Яков Троян) и заведено агентурное дело «Голос Америки»¹⁷.

Ирония в том, что именно Яков Троян постоянно акцентировал внимание подпольщиков на необходимости строжайшей конспирации, был инициатором использования псевдонимов и физической ликвидации за предательство. Одно из совещаний организации в Запорожье он полностью посвятил проблеме тайны и конспирации. Готовясь к этой встрече, он набросал небольшой план своего доклада в блокноте:

Как надо вести себя в обществе.

- 1) Осторожность в разговоре.
- 2) Осторожность в случае сбора на какое-либо совещание.
- 3) Какое будет последствие неосторожности в настоящее время¹⁸.

Он подготовил обращение к единомышленникам, которое касалось и вопросов конспирации. Там среди прочего писалось: «Знайте, что своей неосторожностью в настоящее время мы делаем себе могилу в будущем»¹⁹.

Несмотря на все это, именно Яков Троян привел в организацию агента, который разузнал не только о запорожской организации, но смог выйти и на след структуры в Гуляйполе. А дело было так. В Запорожье Яков познакомился с Владимиром Домашенко, который родом был тоже из Гуляйполя, и решил его завербовать в свою подпольную организацию. Через какое-то время Троян заподозрил, что Домашенко сотрудничает с МГБ, и еще несколько позже Домашенко подтвердил эту догадку. Тем не менее Троян продолжал с ним общаться, и Домашенко – явный агент МГБ – иногда был участником собраний «Подпольщиков Украины»²⁰.

¹⁶ Протокол допроса арестованного Руденка Алексея Ивановича, 17 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – Ф.ПД. – Д.П-19709. – Т.2. – Л.12–13об.

¹⁷ Специальное сообщение о вскрытой и ликвидированной антисоветской группе молодежи в Запорожской области (Агентурное дело «Голос Америки») // Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). – Ф.1. – Оп.1. – Д.678. – Л.145.

¹⁸ Пакет с вещественными доказательствами: блокнот Якова Трояна // АП УСБУ ЗО. – Ф.ПД. – Д.П-19709. – Т.3. – Л.1 (конверт).

¹⁹ Копия программной записки, написанной Трояном // ОГА СБУ. – Ф.16. – Оп.1. – Д.678. – Л.160.

²⁰ Протокол допроса арестованного Трояна Якова Ивановича, 14 марта 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – Ф.ПД. – Д.П-19709. – Т.1. – Л.52, 59, 61.

Среди вещественных доказательств по делу молодежного антисоветского подполья сохранился восстановленный по оттискам на листе текст то ли письма, то ли записки из тетради Якова Трояна, в котором он обращался к Домашенке со следующими словами:

Волея! У нас с тобой был разговор когда я только прибыл в Запорожье. Ты говорил, что связан с милицией и работаешь тайным агентом. Не предал ли ты в то время нас милиции и она стала за нами следить. Потом я тебе отдал, что и в Гуляйполе у меня есть один <...> когда я поехал домой ты сразу же поехал за мной вслед почему то был в милиции. Неужели <...> это в самом деле правда ты такой человек как я <...> Мы все полунищие живем как собаки и ты мог продать нас за то что я хочу сделать з тебя²¹.

Учитывая текст записки и информацию, предоставленную агентом УМГБ УССР по Запорожской области, можем предположить, что Владимир Домашенко и был агентом «Стёпиным».

Агентурная разработка Якова Трояна и созданных им организаций получила название «Голос Америки», видимо, в связи с настроениями самих подпольщиков и их расчетом на помощь США в борьбе за самостоятельность Украины. Благодаря тому что агент смог глубоко проникнуть в подполье, сотрудникам МГБ удалось собрать достаточное количество информации для реализации дела и в Запорожье, и в Гуляйполе. Первым тайно был задержан Яков Троян. Несколько позже были задержаны и арестованы остальные участники молодежных организаций²².

Судебное заседание по делу состоялось 9–12 июня 1949 года. Согласно приговору, Яков Троян и еще шестеро подпольщиков были приговорены к 25 годам лагерей, остальные восемь – к 10 годам²³.

После смерти Сталина, когда начались процессы реабилитации, осужденные участники ГУП и «Подпольщиков Украины» пытались использовать эти изменения, чтобы добиться отмены приговора или хотя бы смягчить сроки. Их письма хоть и отличались содержанием и стилем написания, но общий знаменатель был примерно один: либо признание собственных ошибок юности, либо апелляция к незаконным методам ведения следствия в 1949-м. Яков Троян критиковал свою антисоветскую деятельность и списывал все на очень юный

²¹ Пакет с вещественными доказательствами: тетрадь Якова Трояна (орфография и пунктуация сохраняются) // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.З. – Л.1 (конверт).

²² Специальное сообщение о вскрытой и ликвидированной антисоветской группе молодежи в Запорожской области (Агентурное дело «Голос Америки») // ОГА СБУ. – Ф.16. – Оп.1. – Д.678. – Л.145–152.

²³ Протокол судебного заседания, 9–12 июня 1949 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.З. – Л.56об–57об.

возраст²⁴. В ноябре 1954 приговор был пересмотрен, 25-летние сроки уменьшены до десяти, а 10-летние – до семи²⁵. Были также некоторые изменения по приговору для отдельных осужденных. Освободили Якова Трояна 17 июня 1956 года.

В следующем раз упоминание о Якове Трояне в материалах органов госбезопасности находим с привязкой к августу 1959. Тогда в УКГБ при СМ УССР по Сталинской (Донецкой) области поступило донесение от агента 4-го отдела «Умелого» (жителя Горловки) о том, что по семейным обстоятельствам 3 августа ему пришлось съездить в город Гуляйполе. Там местный житель Александр Белаш²⁶, зная о его прошлом, вел с ним разговоры антисоветского характера. Также Белаш поддерживал связи с некоторыми бывшими членами ГУП, которые уже вернулись из мест лишения свободы. Сам Белаш при этом говорил о необходимости ведения антисоветской борьбы, искал возможность приобрести оружие, имел намерение смастерить станок для печати антисоветских листовок²⁷. Под агентурным псевдонимом «Умелый» на КГБ работал Яков Троян. Завербован он был, скорее всего, уже в местах лишения свободы. По крайней мере, меньше чем за две недели до освобождения, 5 июня 1956, Яков Троян – «Умелый» – через резидента «Дубровского» передал агентурное донесение по поводу деятельности ГУП и роли в ней двух участников, которые в силу причин не попали под общую ликвидацию подпольной организации²⁸.

Материалы «Умелого» по поводу Белаша были переданы в Запорожье. Местные сотрудники КГБ «получили в пользование» и самого агента, который под благоприятным предлогом несколько раз ездил к себе на малую родину, где общался и с Белашом, и с некоторыми бывшими участниками ГУП. Информация, полученная от Трояна, стала основой для дела и привлечения новых кадров в агентурную сеть. В конечном итоге сотрудникам УКГБ при СМ УССР по Запорожской области удалось пресечь попытки создания новой антисоветской организации и «убедить» Белаша не заниматься довольно опасным для него делом.

О Якове Трояне как агенте «Умелом» у сотрудников КГБ было двоякое мнение. С одной стороны, его считали достаточно опытным агентом, который имел опыт работы и в других городах УССР. Но с другой – он не отличался прилежностью. Постоянно просил денег, нарушал требования конспирации. Иногда в донесениях не указывал всей информации, полученной в процессе разговоров

²⁴ Письмо Якова Трояна в ЦК КПСС от 8 января 1954 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.3. – Л.183.

²⁵ Заключение от 26 ноября 1954 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19709. – Т.3. – Л.197–209.

²⁶ Сын репрессированного в 1937 начальника штаба махновской армии Виктора Белаша.

²⁷ Постановление о заведении контрольного дела, 17 октября 1959 г. // ОГА СБУ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.1602. – Л.127.

²⁸ Агентурное донесение «Умелого», 5 июня 1956 г. // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д.П-19790. – Л.266.

с объектами разработки. Злоупотреблял спиртным, несмотря на указания «знать меру» во время участия в разработке дел²⁹.

Материалов о жизни и агентурной деятельности Якова Трояна после описанных событий в архивах не отложилось. По крайней мере, на сегодняшний день ничего нового найти не удалось. Со слов его родственников, которые живут и сейчас в Гуляйполе, он и дальше жил с семьей на территории Донецкой области. Вопрос о реабилитации Якова Трояна и других членов организаций «Группа украинских подпольщиков» и «Патриоты Украины» решался уже после принятия 17 апреля 1991 Закона Украины «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине». 27 января 1992 все осужденные Военным Трибуналом войск МВД Запорожской области 12 июня 1949 были реабилитированы³⁰.

---

²⁹ Письмо Заместителю начальника 4 Управления КГБ при Совете Министров УССР полковнику Зубатенку, 10 октября 1959 г. // ОГА СБУ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1602. – Л. 143.

³⁰ Заключение о реабилитации // АП УСБУ ЗО. – ФПД. – Д. П-19709. – Т. 3. – Л. 443–478.

СОДЕРЖАНИЕ

Тереза Бендер-Зебелькампф

Остарбайтеры и остарбайтерки с Украины в Форарльберге:
между человеком и инструментом 3

Айрат Бик-Булатов

П.Л.Драверт – казанский журналист
(неизвестные страницы биографии великого ученого) 14

Ирина Галкова

«Свидетельство советской печати» христиан-федоровцев:
биография, народное житие или священное писание. 22

Наталья Гончаренко

Неизвестный архив биолога Бориса Сукачёва.
Переписка и круг общения 34

Андрей Живюк

УНКВД по Ленинградской области в годы Большого террора:
завкладом Юрчук и фельдъегерь Чекманов. 42

Алена Зуева

Поиск неизвестного. История трудармейца 51

Януш Кобрынь

Биографические очерки на фоне выставки фотографий
из семейного архива 58

Ирина Крайнева, Киллу Сэнборн, Мерик Меристе

Энн Тыугу: история эстонского программиста. 67

Александра Крыленкова

Сравнительный анализ последних слов подсудимых
на политических процессах с конца XIX по начало XXI века. 79

Ольга Савелова

Женщины в науке: династия, семья, персона 86

Елизавета Саволайнен

Биографический метод в этносоциологическом исследовании
идентичности ингерманландских финнов 95

Марина Сорокина

Петр Богатырев и бравый солдат Швейк:
эпизоды нелитературной биографии 111

Ольга Тиховская

Специфика периодизации в биографическом исследовании
(заметки на полях жизнеописания Ю.А.Квятковской) 120

Иван Толстой

Забытый и переименованный.
Судьба Григория Лозинского по бумагам семейного архива 130

Сергей Фокин

Жили-были. 50 лет истории семьи ученого в России 141

Юрий Щур

Яков Троян: путь от лидера антисоветского подполья
до агента КГБ 152

Для заметок

Для заметок

ПРАВО НА ИМЯ

Биографика 20 века:

Девятнадцатые чтения памяти Вениамина Иофе

20–22 апреля 2021

Сборник докладов

Редактор Е. В. Русакова

Корректор Д. М. Капитонов

Обложка: А. Ходот

Компьютерная верстка: И. Ю. Малышева

ISBN 978-5-87857-309-2

АО «Норма»: 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25, лит. А, пом. 14-Н № 7

Подписано в печать 8.04.2022

Формат 60x90/16. Печ. л. 10,25

Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 200 экз.

Заказ № 52444

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Типография АРСИ»

Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32